Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на прежнихъ основаніяхъ.

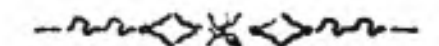
РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. 12.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.
1875.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать соединенныя въ отдѣльныя книги годовыя изданія Русскаго Архива.

1871 ГОДЪ. *Книга первая* (Записки Г. И. Ржевской.—Знакомство съ Шишковымъ, изъ Записокъ Д. Н. Свербеева. — Правда о Сусанинѣ. — Бумаги князя А. А. Черкасскаго. — Записки Арндта о 1812 годѣ.—П. Н. Свистуновъ, по поводу Записокъ Якушкина. — Записки И. И. Неплюева. — Переписка императора Александра Павловича съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ.—Письма Гоголя къ Жуковскому.—Письма Жозефа де Местра о Россіи.—Записки Н. И. Греча, и пр.). Цѣна 4 рубля.

1871 ГОДЪ. *Книга вторая.* (Письма Екатерины II-й къ графу И. Г. Чернышеву и А. Н. Сенявину.—Послѣдніе четыре года въ жизни Суворова.—Біографія Сумарокова.—Воспоминанія А. О. Смирновой.—Н. И. Тургеневъ, воспоминаніе Д. Н. Свербеева.- Переписка гр. С. С. Уварова съ М. П. Погодинымъ.—Еще тѣнь Петра III-го.—Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей и пр.) Цѣна 3 рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Письма Екатерины II-й къ Московскимъ главнокомандующимъ.—Записка графа Нессельроде о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева.—Картина Франціи 1823 года, сочиненіе графа Ѳ. В. Ростопчина.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна 4 рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Біографія Е. А. Энгельгардта. — Письма Грибоѣдова къ Родофиникину.—Письма Поздѣева.—Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ старой записной книжки. — Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна 3 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Восточная Пруссія подъ Русскимъ владѣніемъ.—Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 года.—Загробное опроверженіе.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева. — Записки графа П. Х. Граббе. — Записки Н. И. Греча. — Записки графа І. И. Ростовцева.— Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова. — Мицкевичь о Пушкинѣ. — Анти-ципринусъ, и пр.). Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Печать Антихриста.—Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ.—Письма императрицы Анны.—Бумаги П. А. Демидова.—Е. И. Нелидова.—Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки. — Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева.—Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Письма Вука Караджича о Вѣнской революціи 1848 года.—Жизнь Г. С. Карелина. — Выдержки изъ старой записной книжки. — Пренія о Славянофилахъ Э. А. Мамонова и И. С. Аксакова, и пр.). Цѣна 4 рубля.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

Принимается подписка на повременное историческое изданіе, выходящее въ Москвѣ:

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876 ГОДА

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ).

Русскій Архивъ въ 1876 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ прежнія тринадцать лѣтъ (1863—1875).

Годовое изданіе Русскаго Архива изъ *двѣнадцати* книгъ убористой, четкой печати составитъ въ 1876 году *три* большіе тома, каждый съ особымъ счетомъ страницъ и съ отдѣльнымъ азбучнымъ указателемъ (для историческихъ справокъ и скорѣйшаго отысканія того что̀ прочтено).

Двѣнадцать книгъ Русскаго Архива, содержаніемъ своимъ не имѣя никакого отношенія къ современной дѣйствительности, потому самому не пріурочены къ опредѣленнымъ срокамъ появленія и выходятъ въ свѣтъ *по мѣрѣ отпечатанія*.

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля* (*близъ церкви Св. Ѳеодора Студита*), *издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева въ книжномъ магазинѣ *Ивана Григорьевича Соловьева*.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *Александра Ѳедоровича Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхина.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году.

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863—1871) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Печатается восьмая книга Архива Князя Воронцова (автобіографія графа С. Р. Воронцова и переписка его съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ).

БУМАГИ КНЯЗЯ ИЛАРІОНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА.

VIII. ПИСЬМА КНЯЗЯ ВАСИЛЬЧИКОВА КЪ КНЯЗЮ ВОЛКОНСКОМУ *).

XXVII.

(Мартъ 1821).

La nouvelle de la révolution du Piémont a fait ici la plus vive sensation, mon cher ami: Les hommes raisonnables sont au désespoir, mais la grande majorité de la jeunesse est enchantée de ce qui se passe et ne déguise pas sa façon de penser. Les circonstances sont plus que délicates. Taire une vérité ou se faire illusion serait un crime... La présence de l'Empereur ici, si la guerre est résolue, ne fût ce que pour quelques jours est indispensable, car l'esprit n'est pas bon. Le mécontentement est général, et les sacrifices indispensables pour soutenir une guerre dont la nécessité n'est point palpable au commun des hommes, doivent nécessairement produire un fâcheux effet. La nouvelle de la marche des troupes n'a pas pu rester longtemps secrète. Le soldat est content, mais il n'en est pas de même des officiers, qui sont fâchés de marcher contre les Napolitains.

Vous pouvez juger d'après cela, si les idées libérales ont fait des progrès chez nous. N'allez pas me répondre par cette phrase usée „faites les taire.“ Le nombre des parlants est trop grand pour leur imposer silence; la révolution dans les esprits est faite or, le seul moyen d'empêcher la barque de chavirer est de ne pas lui faire porter plus de voiles que le vent ne le permet. Je le répète, la présence de l'Empereur ici est indispensable; il faut nécessairement qu'il voie par lui-même l'état des choses; il est urgent qu'il prenne des mesures d'amélioration et qu'il établisse un centre de pouvoir qui puisse faire aller les choses pendant son absence. Ne me prenez pas pour un visionnaire, cher ami, et n'allez pas vous imaginer que je vois trop en noir: je suis loin de croire qu'il n'y a pas de remède au mal qui existe, mais j'ai la conviction qu'il est temps de l'employer. Sinon, je ne réponds de rien.

Il paraît d'après les nouvelles que l'affaire de Naples sera terminée au moment ou vous recevrez cette lettre. Puissent les Piémontais entendre raison et permettre enfin à l'Empereur de revenir parmi nous. Le dévouement que je lui porte, aussi bien qu'à ma Patrie, me font désirer son retour avec impatience. Si la Providence veut absolument une guerre, je croirais qu'il faudrait employer les gardes, non en réserve, mais en activité. Quelques bonnes affaires mettraient du plomb dans ces jeunes têtes et les habitueraient à une discipline sévère, et une fois la guerre finie, l'Empereur pourrait diminuer le nombre de sa garde et ne garder que le strict nécessaire, ce qui serait un bien réel. Voilà mon opinion, et croyez que ce n'est pas le désir tout naturel que je puis avoir d'être employé activement; mais si vous voulez faire bien attention à la mesure que je propose, le bien qui en résulterait n'est pas à dédaigner. Nous sommes trop nombreux, voilà le grand mal, et voilà pourquoi ce sont les troupes qui font les révolutions.

*) См. Вторую книгу Р. Архива сего года, стр. 419. Русскіе переводы этихъ писемъ и примѣчанія къ нимъ принадлежатъ В. Д. Давыдову. *П. Б.*

Переводъ.

Извѣстіе о Пьемонтской революціи произвело здѣсь сильное впечатлѣніе, любезный другъ: люди благоразумные въ отчаяніи, но большая часть молодежи въ восторгѣ отъ всего того, что происходитъ и не скрываетъ этого нисколько. Обстоятельства болѣе, чѣмъ затруднительны. Скрывать правду и увлекаться было бы преступно. Присутствіе здѣсь государя, хотя на нѣсколько дней необходимо, если война рѣшена: потому что настроеніе умовъ не хорошо; всѣ недовольны. Неизбѣжность пожертвованій, чтобы вести войну, будетъ непонятна простымъ смертнымъ, не понимающимъ необходимости войны и произведетъ дурное впечатлѣніе.

Извѣстіе о походѣ не могло остаться долго скрытно для войска. Солдаты довольны, но, напротивъ офицеры не желаютъ идти противъ Неаполитанцевъ! Вы можете по этому судить, какъ успѣшно распространились у насъ либеральныя мысли. Не отвѣчайте мнѣ на это, прошу васъ, избитой фразой: „заставьте ихъ молчать". Число говоруновъ слишкомъ велико, чтобъ ихъ заставить молчать. Революція въ умахъ уже существуетъ, и единственное средство не потопить корабля, это не натягивать больше парусовъ, чѣмъ вѣтеръ позволитъ... Не смотрите на меня, какъ на мечтателя, и не воображайте, что я все вижу въ черномъ свѣтѣ; я вѣрю, что есть средство искоренить существующее зло; но я убѣжденъ, что время пришло его употребить, иначе я не поручусь ни за что. По извѣстіямъ кажется, что Неаполитанское дѣло кончится, когда вы получите это письмо. Да образумятся Піемонтцы и государь да получитъ наконецъ возможность быть посреди насъ. Моя преданность къ нему, какъ и къ моему Отечеству, побуждаютъ меня нетерпѣливо желать его возвращенія. Если Провидѣнію угодно, чтобы война вспыхнула, мнѣ кажется надо бы привести въ дѣло гвардію, а не держать ее въ резервѣ.

Повторяю, присутствіе государя необходимо. Ему неизбѣжно слѣдуетъ самому видѣть состояніе дѣлъ; необходимо, чтобы онъ принялъ мѣры улучшенія и учредилъ средоточіе власти, которою бы все направлялось во время его отсутствія.

Нѣсколько хорошихъ дѣлъ успокоили бы молодыя головы и пріучили бы ихъ къ строгой дисциплинѣ; а когда кончится война, государь могъ бы уменьшить составъ своей гвардіи и оставить только самое необходимое, что было-бы большимъ благомъ. Вотъ мое мнѣніе, и повѣрьте, что я говорю это не изъ эгоистическаго, хотя бы и весьма натуральнаго, желанія быть употребленнымъ, но обратите вниманіе на причину предлагаемой мною мѣры, и вы увидите, что не слѣдуетъ пренебрегать ея пользою. Мы слишкомъ многочисленны—вотъ въ чемъ бѣда; ѳтого войска и производятъ революціи.

XXVIII.

22 Avril (1821).

J'ai reçu, mon cher ami, votre lettre du 30 Mars, dans laquelle vous me dites que l'Empereur a observé que depuis quelque temps il entre à l'hôpital de Préobragensky, tous les jours, des malades attaqués de palpitations du coeur, et que Sa M. I. est étonnée de mon silence là-dessus. Cette maladie a été très commune à la fin de l'hiver; moi-même j'en ai été attaqué, et plusieurs personnes de ma connaissance. Ce mal a duré pendant plusieurs jours et m'a quitté moyennant des remèdes que Müller m'a donnés. Sur 33 hommes qui sont entrés au mois de Février à l'hôpital avec cette maladie, 32 sont rétablis, et il n'en reste qu'un, qui est menacé d'un anévrisme au coeur. Voilà la

raison qui m'a porté à croire que la chose n'était pas assez conséquente pour vous en parler, d'autant plus que Boutkoff n'y trouvait rien d'extraordinaire; cependant, je lui ai ordonné de faire les recherches les plus sévères sur la cause de cette maladie et vous ferez part par le premier courrier de ce qu'il aura trouvé.—Quant au nouveau régiment Sémenofsky, toutes les mesures ont été prises pour le garantir de la vérole; les femmes mêmes de l'ancien régiment ont été visitées, et toutes les fois qu'un soldat arrive à l'hôpital avec cette maladie, on lui demande le nom de la belle qui lui a fait ce cadeau, et le comte Miloradowitch en est informé à l'instant même. Vous pouvez juger d'après cela que toutes les mesures qui dépendent de moi, sont prises. Quant à l'apothicaire du régiment Préobragensky, c'est la première fois que pareille chose lui est arrivée, et c'est Boutkoff qui l'a mis aux arrêts. Dès que la chose m'est parvenue, j'ai de suite écrit au département de médecine, pour qu'il soit renvoyé. Quant à ce que l'hôpital Préobragensky est encombré de malades, je ne vois pas qu'il y en ait plus dans ce régiment que dans les autres.

Vous me demandez les raisons qui ont engagé le colonel Полозовъ à demander à passer à l'armée. Je dois vous dire qu'il ne s'arrange pas avec Souhosanet [1]), qui, mécontent de lui, lui disait, „что онъ нарушитель порядка службы"; je n'ai pas cru devoir arrêter sa supplique. Vous connaissez, cher ami, Souhosanet: avec du talent, il n'a pas le don de se faire aimer. Je dois lui rendre la justice que l'artillerie a beaucoup gagné depuis qu'il la commande; mais je suis toujours dans l'attente de quelque nouvelle histoire, car il ne sait pas exiger sans heurter l'amour-propre, et se fait détester cordialement. Je ne manque jamais de lui faire la leçon là-dessus; mais son caractère prend le dessus sur la raison, et s'il continue à faire des histoires, je serai obligé de demander à me séparer de lui.

J'ai engagé ces jours-ci le Grand Duc à ôter la compagnie au colonel Bartholomey [2]). En voici la raison. J'avais appris qu'il permettait à ses officiers de venir chez lui en robe de chambre fumer la pipe. Une pareille conduite devait nécessairement abolir toute espèce de discipline. Je fis venir Souhozanet et lui fis remarquer l' inconvenance. Le lendemain, le colonel Arnoldy [3]) fit le rapport suivant: que le colonel Bartholomey ayant été nommé pour commander une exécution, il s'était dit malade; qu'alors le colonel Bistrom fut nommé à sa place. Ce dernier, après avoir exécuté les ordres reçus, se rendit chez le colonel Bartholomey et fut très étonné de ne pas le trouver chez lui; il vint de là à la maison d'exercice, où il trouva, à sa grande surprise, le colonel; il lui demanda ce que cela voulait dire. Bartholomey lui répondit qu'il était bien bon d'y être allé, puisqu'un lieute-

---

[1]) Ген.-ад. Ив. Онуфріевичъ Сухозаветъ, въ то время начальникъ артиллеріи гвардейскаго корпуса (лишился ноги въ кампаніи 1831 г. противъ Поляковъ).

[2]) Ген.-л. Бартоломей въ послѣдствіи былъ начальникомъ артиллеріи.

[3]) Храбрый генералъ отъ артиллеріи Иванъ Карловичъ Арнольди, лишившійся ноги подъ Лейпцигомъ, въ то время командовалъ л. гвардіи конной артиллеріей.

nant aurait pu faire la même chose. J'ai cru ne devoir pas laisser commander plus longtemps une compagnie à un homme qui donnait un aussi mauvais exemple à la jeunesse.

Переводъ. 22 Апрѣля (1821).

Я получилъ ваше письмо, любезный другъ, отъ 30-го Марта, въ которомъ вы мнѣ говорите, что государь замѣтилъ, что съ нѣкоторыхъ поръ всякій день поступаютъ въ Преображенскій лазаретъ больные съ біеніемъ сердца и что его и. в. удивляется, что я объ этомъ молчу. Эта болѣзнь была очень обыкновенна въ концѣ зимы, я самъ страдалъ ею и многіе изъ моихъ знакомыхъ. Это у меня продолжалось нѣсколько сутокъ и прошло отъ лѣкарствъ, которыя мнѣ давалъ Мюллеръ. Изъ 33-хъ человѣкъ, которые поступили въ Февралѣ въ госпиталь съ этой болѣзнію, 32 уже выздоровѣли; остается только одинъ, которому угрожаетъ аневризмъ сердца. Вотъ причина, которая заставила меня думать, что это обстоятельство небольшой важности, и почему я объ немъ вамъ не писалъ, тѣмъ болѣе, что Бутковъ не находилъ ничего особеннаго въ этой болѣзни. Я ему приказалъ, однако, изслѣдовать причину ея и напишу вамъ съ первымъ курьеромъ, чтó онъ объ этомъ скажетъ.

Всѣ мѣры приняты, чтобы сберечь Семеновскій полкъ отъ сифилиса; всѣ женщины даже прежняго полка были визитированы, и всякій разъ, когда солдатъ является въ лазаретъ съ этой болѣзнью, у него спрашиваютъ имя той красавицы, которая ему оставила эту память, и извѣщаютъ о томъ немедленно графа Милорадовича. Вы видите поэтому, что всѣ зависящія отъ меня средства приняты; а чтó касается до аптекаря Преображенскаго полка, это первый съ нимъ случай, и Бутковъ его послалъ на гауптъвахту. Я, какъ только что объ этомъ узналъ, тотчасъ же написалъ въ Медицинскій Департаментъ, чтобъ его выслали; а что будто бы лазаретъ Преображенскаго полка заваленъ больными, я этого не вижу: ихъ не болѣе чѣмъ въ другихъ полкахъ.

Вы спрашиваете, по какой причинѣ полковникъ Полозовъ просилъ перевода въ армію. Я долженъ вамъ сказать, что онъ не ладитъ съ Сухозанетомъ, который, разъ, недовольный имъ, сказалъ ему: „Вы нарушитель порядка службы“. Я не счелъ нужнымъ остановить его прошеніе. Вы знаете, любезный другъ, Сухозанета. Онъ талантливъ, но не можетъ заставить себя любить. Я ему долженъ отдать справедливость, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ командуетъ артиллеріей, она очень много выиграла; но я всегда въ тревожномъ ожиданіи новыхъ исторій, потому что онъ не умѣетъ требовать, не задѣвая самолюбія и заставляетъ себя ненавидѣть. Я ему при каждомъ случаѣ читаю нравоученіе объ этомъ, и ежели онъ будетъ продолжать затѣивать исторіи, я буду принужденъ просить разстаться съ нимъ.

Я просилъ на дняхъ Великаго Князя отнять роту у полковника Бартоломея, и вотъ почему: я узналъ, что онъ позволяетъ своимъ офицерамъ въ халатахъ приходить къ нему курить табакъ. Подобное поведеніе уничтожаетъ дисциплину. Я послалъ за Сухозанетомъ и сдѣлалъ ему замѣчаніе. На слѣдующій день полковникъ Арнольди донесъ мнѣ слѣдующее: полковникъ Бартоломей былъ назначенъ присутствовать при экзекуціи, но подалъ рапортъ о болѣзни; тогда назначили на его мѣсто полковника Бистрома. Исполнивши приказаніе, Бистромъ отправился на квартиру полковника Бартоломея и очень удивился, что не засталъ его дома. Оттуда онъ отправился въ экзерциръ-гаузъ, гдѣ засталъ, къ величайшему своему удивленію, полковника; онъ спросилъ у него, чтó это все значитъ?

Бартоломей ему отвѣчалъ, что слишкомъ любезно было бы съ его стороны идти туда, гдѣ поручикъ можетъ тоже самое исполнить. Я не счелъ возможнымъ позволить продолжать командовать ротой человѣку, который даетъ подобные примѣры молодежи.

XXIX.

Je reviens de Ladoga, cher ami, où j'ai fait la revue du régiment des cuirassiers de l'Empereur; je n'en ai pas été content. Ce régiment manque de moyens pour être à la hauteur des autres, mais il pourrait toujours les suivre de plus près; l'équitation est médiocre et l'ensemble est mauvais. J'ai fait du tapage et j'espère que cela ira mieux la première fois; mais il faudra songer à améliorer son établissement, car pour un régiment de cuirassiers des gardes, ses cantonnements sont détestables. La remonte qu'il m'a montrée, est très belle, et le général est en train de dépenser de l'argent pour l'embellissement de la troupe; or, j'espère qu'au printemps prochain ce régiment ira en avant.

Tout est tranquille chez nous: les soldats travaillent, les parades se font bien, et moi je profite de ce moment pour passer en revue les officiers de la cavalerie et les юнкеръ pour la partie de l'équitation, afin que ces messieurs ne se relâchent pas. Il est arrivé une petite histoire dans les huzards de la garde et, comme elle peut vous parvenir autrement qu'elle ne s'est passée, je veux vous la conter moi-même. Le comte Zavadofsky, officier de ce régiment, s'est permis d'écrire dans un des livres du corps-de-garde du régiment des épigrammes sur la plupart de ses camarades. L'ayant appris avant qu'on ne sût qui en était l'auteur, je fis prendre des mesures pour connaître le coupable; j'appris à mon retour de Ladoga que les officiers, ayant découvert ce qui s'était passé et offensés comme ils devaient l'être, avaient fait parvenir au colonel Krekchin leur désir que cette affaire fût portée à ma connaissance. L'affaire est maintenant terminée, et les officiers des huzards se sont très bien conduits dans cette occasion. Le comte Zavadofsky, ayant senti l'inconvenance de sa conduite, a demandé pardon à ses camarades, et les officiers, lui ayant pardonné, m'ont supplié tous de ne pas le punir et surtout de ne pas porter à la connaissance de Sa M. l'Empereur une folie, qui ne pouvait que lui faire du tort dans l'opinion de son Souverain.

Переводъ.

Я возвратился изъ Ладоги, любезный другъ, гдѣ смотрѣлъ кирасирскій государя полкъ. Я остался имъ не доволенъ. Этому полку не достаетъ средствъ быть на уровнѣ съ другими, но не отставать отъ нихъ онъ все таки бы могъ. Верховая ѣзда посредственна, и все вообще плохо. Я покричалъ и надѣюсь, что въ будущій разъ все пойдетъ лучше; но нужно подумать о томъ, какъ бы улучшить его бытъ, потому что для гвардейскаго кирасирскаго полка у него штабъ-квартиры отвратительныя. Ремонтъ полка, который мнѣ показали, отличный и, кажется, генералъ собирается издержать много денегъ, чтобы украсить свой полкъ. И такъ, я надѣюсь, что къ будущей веснѣ этотъ полкъ будетъ лучше.

У насъ все спокойно: солдаты занимаются, парады идутъ хорошо, а я пользуюсь этимъ временемъ, чтобъ дѣлать смотры верховой ѣзды офицерамъ и юнкерамъ кавалеріи, дабы эти господа не распустились. У

гвардейскихъ гусаръ случилась маленькая исторія, и такъ какъ она можетъ дойти до васъ въ превратномъ видѣ, то я вамъ ее разскажу самъ. Графъ Завадовскій, офицеръ этого полка, позволилъ себѣ написать эпиграммы на своихъ товарищей въ одной изъ книгъ гауптъ-вахты. Я узналъ это, не подозрѣвая еще, кто авторъ, и принялъ мѣры, чтобъ разъискать виновнаго. Возвратившись изъ Ладоги, я услышалъ, что офицеры узнали про это обстоятельство, и обиженные, какъ и должно быть, послали сказать полковнику Крекшину, что желаютъ, дабы было доведено до моего свѣдѣнія это дѣло. Теперь уже все это кончено, и гусарскіе офицеры очень хорошо поступили въ этомъ случаѣ. Графъ Завадовскій почувствовалъ неприличіе своего поведенія, извинился передъ своими товарищами. Офицеры его простили, и всѣ меня умоляли не наказывать его, а главное никакъ не доводить до свѣдѣнія е. и. в. государя шалость, которая можетъ повредить ему во мнѣніи его монарха.

Примѣчаніе. Упомянутый графъ Завадовскій былъ графъ Александръ Петровичъ, умершій въ 1856 году. Онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что убилъ на дуэли кавалергардскаго офицера Василья Васильевича Шереметева, и, не смотря на огромное состояніе, окончательно разстроилъ его и жилъ почти что въ нищетѣ. Эпиграмма, о которой говоритъ г. Васильчиковъ, есть извѣстное стихотвореніе Пушкина: „Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ". Графъ Завадовскій принялъ стихи на себя, такъ какъ они были написаны въ его дежурство. (См. въ ст. Гаевскаго въ Современникѣ 1863 года, № 8, на ст. 382, и въ полномъ собраніи сочиненій Пушкина, изданія Геннади.

XXX.

Par le dernier courrier j'ai reçu l'ordre, cher ami, de faire vendre les maisons que les soldats ont en ville, et d'en défendre dorénavant l'acquisition. La défense est faite. Quant à la vente, la marche en empêche l'exécution: dès que nous serons de retour, on pourra de suite l'effectuer.

Les sapeurs, les pionniers-à cheval, le régiment du prince de Prusse, celui de Finlande, les chasseurs de la garde et le régiment de Pavlovsky sont en marche; ils sont sortis de bonne humeur et marchent bien, d'après les nouvelles que j'ai. Le régiment Ismailofsky part demain. Vous savez, cher ami, que ce régiment s'est toujours distingué par une discipline sévère. Il est arrivé ces jours-ci une petite histoire, qui prouve comme dans les histoires actuelles il faut peu pour remuer les esprits. Le gl. Rosen, inspectant ce régiment, crut devoir le questionner plus que les autres; à force de leur dire qu'ils devaient se plaindre, la 8-me compagnie se plaignit effectivement de la sévérité de son capitaine. Sur la demande, si c'était pour des fautes graves de conduite, le général leur demanda encore: en quoi consistaient les punitions? Ils répondirent qu'on leur donnait 200 et même jusqu'à 300 coups de verges. Sur cela le baron Rosen crut devoir leur dire qu'il reverrait la chose et qu'il leur garantissait que les punitions dorénavant ne seraient plus aussi fortes; mais qu'ils seraient toujours punis par le capitaine, quand ils l'auraient mérité; qu'au reste ils avaient le droit de venir chez lui, que sa porte leur était toujours ouverte. Cette dernière phrase monta si bien la tête à tout le régiment que Martinoff vint me dire que depuis deux jours il n'était plus le même, et que les soldats disaient entr'eux que le gl. Rosen leur avait permis de venir se plaindre à lui, dès que le capitaine les punirait.

Après avoir pris des renseignements exacts et m'étant bien assuré que le capitaine Litvinoff n'était sévère qu'avec les mauvais sujets, et que dans l'espace d'un an, qu'il commande, il n'a puni que cinq hommes pour ivrognerie, pour vol, pour avoir découché et s'être adonné à la débauche; que sur les cinq hommes, il n'y en a eu qu'un seul qui ait reçu 300 coups de verge, que les autres en avaient reçu moins, j'ai ordonné au gl. Rosen de déclarer à la compagnie que leurs plaintes n'avaient aucun fondement, que le capitaine, d'après leur propre aveu, ne les a punis que pour des fautes graves, et qu'il en avait, non seulement le droit, mais qu'il était responsable devant ses chefs de la bonne conduite de sa compagnie; qu'une juste plainte serait toujours accueillie par l'autorité, mais que les fausses seraient punies dorénavant. Un soldat de la compagnie s'avança vers le général et lui dit: „Воля ваша, намъ съ этимъ капитаномъ трудно идти въ походъ". Le baron Rosen eut la faiblesse non seulement de ne pas le punir sur-le-champ, mais de lui parler avec bonté, en l'emmenant dans une autre chambre.

Ayant appris l'affaire, par le rapport qu'il m'en fit, j'ordonnai de suite de le faire juger et de déclarer à la compagnie, que ce n'était pas pour avoir porté des plaintes qu'il était mis sous jugement, mais pour avoir osé dire à son général, qu'il ne pouvait pas se mettre en marche avec le capitaine qui les commandait.

Vous voyez d'après cela, cher ami, les aides que j'ai, et combien ma besogne est difficile. Jamais soldat n'a été mieux tenu, que dans ce moment; je réponds qu'ils n'ont aucune raison fondée de se plaindre, et si quelques chefs voulaient abonder dans mon sens, celui de l'autorité, et renoncer à leurs idées philanthropiques, qui ne sont guères applicables à notre soldat, la malveillance aurait plus de peine à agir sur l'esprit de la troupe.

Mais lorsque des généraux se conduisent avec une faiblesse coupable, et que leurs paroles s'accordent avec leurs actions, je vous demande si la chose peut aller? Cette même compagnie et plusieurs autres du même régiment avaient prié qu'on leur donnât de l'argent de leur артель. J'ai consulté là-dessus Martinoff, qui m'a demandé en grâce de lui permettre de le faire pour relever les capitaines. J'y ai consenti, mais à condition que cette grâce ne serait accordée qu'à ceux qu'ils en trouvaient dignes; qu'au contraire, les soldats, qui par leur conduite ne méritaient pas la confiance de leurs capitaines, ne devraient rien recevoir, jusqu'au moment où ils se corrigeraient.

Adieu, cher ami, je suis enchanté de me mettre en marche: Pétersbourg est une vraie peste pour l'esprit militaire. Si le Ciel m'accorde de revoir bientôt l'Empereur, Il saura combien il est urgent de faire disparaître de ce corps des individus plus dangereux qu'on ne se l'imagine.

Переводъ.

Я получилъ приказъ, любезный другъ, съ послѣднимъ курьеромъ продать всѣ солдатскіе дома, которые находятся въ городѣ и запретить впредъ оные пріобрѣтать. Запрещеніе уже сдѣлано; что же касается самой продажи, походъ мѣшаетъ его исполненію; какъ только вернемся, это будетъ исполнено.

Саперы, конные піонеры, Финляндскій полкъ и принца Прусскаго гвардейскіе егеря и Павловскій полкъ, всѣ въ походѣ; они выступили весело и, по свѣдѣніямъ, идутъ хорошо. Измайловскій полкъ выступаетъ завтра. Вы знаете, что этотъ полкъ всегда славился строгостью дисциплины, но на дняхъ случилась маленькая исторія, которая доказываетъ, что немногаго нужно въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, чтобъ взволновать умы. Генералъ Розенъ, инспектируя полкъ, счелъ нужнымъ допрашивать его долѣе другихъ и, повторивши имъ нѣсколько разъ, что они должны жаловаться, довелъ до того, что 8-ая рота пожаловалась дѣйствительно на строгость своего капитана. Спросивши ихъ, наказываетъ-ли онъ за важные проступки по поведенію, генералъ допытывался, въ чемъ состояли наказанія. Они отвѣчали, что они получали отъ 200 до 300 розогъ. На это баронъ Розенъ счелъ нужнымъ имъ сказать, что онъ это пересмотритъ, и что онъ имъ ручается, что впредь наказанія не будутъ такъ сильны, но что они все таки будутъ наказаны капитаномъ, когда этого заслужатъ; что, впрочемъ, онъ имъ даетъ право приходить къ нему: дверь его для нихъ всегда будетъ отперта. Эта послѣдняя фраза такъ вскружила голову всему полку, что Мартыновъ пріѣхалъ мнѣ сказать, что въ эти два дни полкъ узнать нельзя: солдаты толкуютъ межъ собой, что баронъ Розенъ имъ позволилъ приходить жаловаться къ нему на ихъ капитана всякій разъ, какъ онъ кого-нибудь изъ нихъ накажетъ. Я навелъ самыя точныя справки и убѣдился, что капитанъ Литвиновъ только строгъ съ негодяями и что въ продолженіи всего года его командованія онъ наказалъ только пять человѣкъ: кого за пьянство, кого за воровство или за отлучку ночью изъ казармъ, или за развратное поведеніе; изъ всѣхъ пятерыхъ одинъ только получилъ 300 ударовъ, всѣ прочіе меньше.

Я приказалъ барону Розену объявить ротѣ, что ихъ жалобы неосновательны и что капитанъ, по ихъ собственному сознанію, наказывалъ только за важные проступки, на что онъ не только имѣетъ право, но отвѣчаетъ самъ своему начальству за поведеніе своей роты, что жалобы справедливыя будутъ всегда приняты во вниманіе властію, но за фальшивыя жалующіеся впредь будутъ наказаны. Одинъ солдатъ выступилъ изъ фрунта, подошелъ къ генералу и сказалъ: „Воля ваша—намъ съ этимъ капитаномъ трудно идти въ походъ“. Баронъ Розенъ имѣлъ слабость, вмѣсто того, чтобъ наказать его тутъ же, еще милостиво разговаривать съ нимъ, позвавши его въ другую комнату.

Узнавъ подробности этого дѣла по его рапорту, я приказалъ солдата тотъ же часъ отдать подъ судъ и объявить ротѣ, что онъ отданъ подъ судъ не за то, что жаловался, а за то, что осмѣлился объявить своему генералу, что онъ не можетъ идти въ походъ съ капитаномъ, который ими командуетъ. Вы видите поэтому, дорогой другъ, какія у меня помощники и какъ трудна моя обязанность. Никогда солдаты не были лучше содержаны, какъ въ эту минуту, я ручаюсь, что у нихъ нѣтъ ни одной основательной причины къ жалобѣ, и если-бы нѣкоторые начальники понимали меня и дѣйствовали согласно съ властью, отказавшись отъ своихъ филантропическихъ идей, которыя нисколько не примѣнимы къ нашимъ солдатамъ, тогда бы злонамѣреннымъ людямъ труднѣе было дѣйствовать на духъ войска.

Но чтó же дѣлать, когда генералы поступаютъ съ преступной слабостью и когда слова ихъ согласуются съ ихъ дѣйствіями! Спрашивается, можетъ ли дѣло идти впередъ?

Эта самая рота и нѣсколько другихъ изъ того же полка просили, чтобъ имъ выдали деньги изъ ихъ артельныхъ суммъ. Я поговорилъ объ этомъ

съ Мартыновымъ; онъ умоляетъ меня позволить ему на это согласиться, чтобы хоть немного поддержать вліяніе капитановъ. Я согласился, но съ условіемъ, чтобъ эта милость была оказана только тѣмъ, которыхъ они найдутъ достойными; тѣ же солдаты, которые своимъ поведеніемъ не заслуживаютъ довѣрія своихъ капитановъ, не должны ничего получить впредь до ихъ исправленія.

Прощайте, дорогой другъ; я очень радъ идти въ походъ. Петербургскій воздухъ заразителенъ для войска. Ежели мнѣ Богъ пошлетъ свидѣться съ государемъ, Онъ узнаетъ какъ необходимо выпроводить изъ гвардейскаго корпуса нѣсколько личностей, которыя опаснѣе, чѣмъ думаютъ.

XXXI.

J'ai reçu, mon cher ami, l'ordre de marcher, et je m'y prépare à force. Malheureusement cet ordre m'est arrivé dans un moment où aucun ouvrier ne veut travailler; malgré tout cela j'espère pouvoir mettre en mouvement mes colonnes vers la fin du mois. La misère des officiers du régiment Sémenofsky et de la 1-ère division de grenadiers est indicible. J'espère que Sa M. I. voudra venir à leur secours. J'ai aussi plusieurs colonels des gardes, officiers de confiance, qui sont aux abois. Une somme de 100.000 m. r., mise à ma disposition, me mettrait dans le cas de venir à leur secours au nom de l'Empereur, et serait d'un bon effet.

Le colonel Kaznatcheef, dont je ne puis assez me louer, est d'une pauvreté sans pareille. Veuillez, cher ami, obtenir pour lui de la générosité de l'Empereur 5000 roubles. C'est un homme qui travaille comme un chien et qui mérite sous tous les rapports l'intérêt que je prends à lui. Je vous envoie encore une note des colonels qui ont le plus besoin de secours, et vous recommande particulièrement celui de l'artillerie, Nesterofsky: c'est un homme qui a servi avec la plus grande distinction, criblé de blessures, il n'a das de quoi s'acheter un cheval; je demande pour lui aussi 5000 r.—Oudom étant malade, je me suis décidé à remettre le régiment à Shipoff et vous envoie l'ordre du jour que j'ai donné à cette occasion. Le colonel Исленьевъ [4]) du régiment de Préobragensky, officier distingué, s'est formalisé de ce choix et est venu en parler au Grand-Duc, lui exprimant son chagrin de voir un colonel moins ancien que lui commander un régiment des gardes, tandis que lui est chef de bataillon. Je l'ai fait chercher et lui ai représenté, que le colonel Shipoff devait passer dans le régiment comme chef de bataillon et qu'il n'y entrait pas comme полковой командиръ, qu'il ne commandait le régiment que par cause de maladie du g-l Oudom, ce qu'il a dû voir dans l'ordre du jour. Maintenant, cher ami, voici mon opinion. J'ai nommé Shipoff parce que nous marchons, et qu'Oudom est non seulement hors d'état de nous suivre, mais je ne crois pas que sa fin soit éloignée; or, il fallait nécessairement nommer quelqu'un pour recevoir le régiment. Si malheureusement Oudom venait à mourir, je

---

[4]) Полковникъ Н. А. Исленьевъ умеръ ген. адъютантомъ. Ему покровительствовалъ в. к. Михаилъ Павловичъ и обнадеживалъ его, что онъ получитъ новый Семеновскій полкъ. Когда же вышло назначеніе Шипова, то онъ, въ присутствіи лицъ, находившихся у великаго князя, заплакалъ, такъ какъ онъ самъ вездѣ распустилъ слухъ о своемъ назначеніи,—и немедленно сказался больнымъ.

crois qu'il serait absolument nécessaire de nommer un général pour commander ce régiment, et je crois que Patkul l'accepterait; Shipoff retournerait à son poste et n'en serait pas fâché, car il aime son régiment et rêve à la place d'aide-de-camp, que Sa M. pourrait lui accorder.

Lundi passé, la 2-de compagnie voulut vendre de la farine qu'elle avait de reste. Le capitaine en second, Korsakoff, qui la commandait, leur défendit de le faire; malgré cela la farine fut vendue. Le capitaine arriva dans la compagnie et fit punir les bas-officiers pour n'avoir pas exécuté ses ordres; la compagnie s'en formalisa et commença à s'habiller. Le colonel Mitkoff, chef de bataillon, fut averti et arriva incessamment, et tout rentra dans l'ordre. Le g-l Potemkin, ayant appris ce qui se passait, se rendit aux casernes et fit une enquête. Les soldats lui déclarèrent que le capitaine Korsakoff leur avait dit que la farine ne leur appartenait pas, et qu'il la réservait pour lui; c'est pourquoi ils l'avaient vendue; qu'en outre, il leur avait proposé d'acheter des miroirs pour leurs casernes, et qu'ils avait rassemblé 800 r. pour cela; que depuis deux ans ils ne voyaient ni miroirs, ni argent; qu'ils avaient voulu se plaindre à la revue d'inspection, qui avait eu lieu, mais que le capitaine leur avait promis de les payer, après quoi il n'en a rien fait. Comme le capitaine Korsakoff avoue avoir reçu l'argent, le g-l Potemkin le fit mettre aux arrêts, et dégrader les bas-officiers, que le capitaine voulait punir pour n'avoir pas exécuté ses ordres. Comme l'affaire avait été terminée par le divisionnaire, je n'ai pas cru devoir la relever pour ne pas faire trop d'éclat; mais il est urgent de connaître ceux qui ont proposé à la compagnie de s'habiller; je les dois découvrir vite, et alors je ne leur ferai pas grâce. Quant au capitaine, je crois qu'il faut le faire passer à l'armée „тѣмъ же чиномъ".

Ceci prouve d'autant plus l'incapacité de Palitzin, qu'il aurait pu terminer la chose lui-même, et qu'au contraire il ne se montra pas même à la compagnie et se contenta d'y envoyer le colonel Mitkoff. Je suis d'autant plus porté à désirer un autre chef pour ce régiment, qu'il a été un peu gâté par Richter. Il faut absolument un homme ferme, pour y remettre l'ordre. Je tiens beaucoup à ce que ce soit un général, car dans les circonstances actuelles il faut des hommes d'un âge mûr. Gourieff est lourd, mais c'est un galant homme, sur qui on peut compter. Shenshin est aussi très-bon. Si vous en connaissez de meilleurs, proposez-les, pourvu que ce soient des hommes tels qu'il en faut dans ce moment.—Maintenant venons à la décoration que Sa M. vient d'accorder à Geltouhin. Prévoyant combien cela ferait crier, je me suis abouché avec Zakrefsky, et nous nous sommes décidés à retenir la remise de la décoration jusqu'à la réponse que vous me ferez à mes objections. Geltouhin m'a donné toutes les raisons possibles de satisfaction; il a montré du zèle, il s'est prêté à tout, enfin c'est un homme dont je ne puis assez me louer; mais Démidoff, Bistrom sont ses anciens, tous ont montré le même zèle, la même opinion pour le bien général. Il me serait difficile de lui donner la préférence sur les deux autres; cette décoration serait pour eux un coup sensible, et donnée à lui seul, ferait un mauvais effet, s'il n'y a pas moyen de la donner à tous les trois, ainsi que le cordon de S-te Anne à Patkul. Je serais d'avis de substituer à la décoration un

rescrit qui lui ferait probablement autant de plaisir et qui ne blesserait personne. Tous se préparent à marcher, mais personne ne croit à la guerre; cependant le soldat est content, et beaucoup d'officiers le sont aussi et le seraient davantage, si les préparatifs ne coûtaient tant d'argent.

Le ministre de la guerre me refuse le fourrage pour les chevaux d'officiers, tandis que jamais le corps n'a marché sans obtenir cette grâce, même lors de la marche de Moscou. Au nom de Dieu, cher ami, obtenez cette faveur de l'Empereur, sinon, nos chevaux crèveront de faim sur cette route, vu l'impossibilité où les officiers seront de se procurer du fourrage pour de l'argent.

Переводъ.

Я получилъ приказъ о выступленіи въ походъ; къ несчастію, онъ пришелъ въ такую минуту, когда никакой работникъ не хочетъ работать; не взирая на это, я надѣюсь тронуть мои колонны къ концу мѣсяца.

Бѣдность офицеровъ Семеновскаго полка 1-ой гренадерской дивизіи ужасна, и я надѣюсь, что государь пожелаетъ имъ помочь. У меня тоже нѣсколько отличныхъ гвардейскихъ полковниковъ въ отчаянномъ положеніи. Еслибъ мнѣ выдана была сумма въ 100.000 т. р., я бы могъ имъ помочь отъ имени государя, и это произвело бы хорошее впечатлѣніе. Полковникъ Казначеевъ, которымъ не могу довольно нахвалиться, тоже крайне бѣденъ; постарайтесь ему выпросить у великодушія государя 5000 т. р. Этотъ человѣкъ работаетъ, какъ волъ, и во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ моего участія. Посылаю вамъ еще списокъ полковниковъ, которые всего болѣе нуждаются въ вспомоществованіи, и особенно рекомендую вамъ артиллерійскаго, Нестеровскаго. Этотъ офицеръ служилъ и служитъ съ особеннымъ усердіемъ; весь израненъ и не имѣетъ средствъ купить себѣ лошадь; для него тоже прошу 5000 р.—Удомъ очень боленъ. Я рѣшился поручить полкъ Шипову и посылаю вамъ приказъ, который я отдалъ объ этомъ. Полковникъ Исленьевъ, Преображенскаго полка, отличный офицеръ, обидѣлся этимъ назначеніемъ, отправился къ великому князю выразить ему свое горе, видя младшаго полковника командующимъ гвардейскимъ полкомъ, тогда какъ онъ командуетъ баталіономъ. Я потребовалъ его къ себѣ и объяснилъ ему, что полковникъ Шиповъ переводится въ полкъ баталіоннымъ командиромъ, а не полковымъ, а будетъ только имъ командовать по причинѣ болѣзни генерала Удома, что̀ онъ могъ самъ видѣть въ приказѣ. Теперь вотъ вамъ мое мнѣніе. Я назначилъ Шипова потому, что мы идемъ въ походъ и что Удомъ не только что не въ состояніи вести полкъ, но я думаю, ему не долго и жить: нужно было непремѣнно кому-нибудь принять полкъ. Ежели бы, къ несчастію, Удомъ умеръ, по моему, непремѣнно надо назначить генерала для командованія этимъ полкомъ, и я полагаю, что Паткуль приметъ это назначеніе. Тогда Шиповъ вернется на свое мѣсто и будетъ очень доволенъ, потому что онъ любитъ свой полкъ и мечтаетъ объ эксельбантахъ, которые е. и. в. могъ бы ему дать.

Въ прошлый понедѣльникъ 2-ая рота л. г. Финляндскаго полка хотѣла продать свою оставшуюся лишнюю муку; штабсъ-капитанъ Корсаковъ запретилъ ей это; но, не взирая на запрещеніе, мука была продана. Капитанъ прибылъ въ роту и приказалъ наказать унтеръ-офицеровъ за то, что его ослушались. Рота заволновалась и стала одѣваться. Увѣдомили начальника баталіона Митькова, который немедленно прискакалъ и возстановилъ порядокъ. Генералъ Потемкинъ, узнавши о томъ, что̀ происходитъ въ казармахъ, пріѣхалъ туда и произвелъ слѣдствіе. Солдаты ему объявили, что капи-

танъ Корсаковъ имъ сказалъ, что мука имъ не принадлежитъ и что онъ ее оставляетъ за собою, и что они поэтому ее и продали; что, кромѣ того, онъ имъ предлагалъ купить зеркала для ихъ казармъ и собралъ съ нихъ на этотъ предметъ 800 руб., и уже два года, какъ они ни зеркалъ, ни денегъ не видятъ; что они хотѣли жаловаться на прошедшемъ инспекторскомъ смотру, но что капитанъ имъ тогда обѣщалъ уплатить, но обѣщаніе свое не сдержалъ. Такъ какъ капитанъ сознается въ полученіи денегъ, то генералъ Потемкинъ приказалъ его арестовать, а унтеръ-офицеровъ, которыхъ капитанъ хотѣлъ наказать за ослушаніе, разжаловать. Такъ какъ вся эта исторія была окончена начальникомъ дивизіи, то я не счелъ нужнымъ ее подымать, чтобы не надѣлать шуму; но необходимо узнать имена тѣхъ, которые предложили ротѣ одѣваться. Я это узнаю скоро, и имъ спуску не будетъ. Что̀ же касается капитана, надо его перевести тѣмъ же чиномъ въ армію. Это все доказываетъ неспособность генерала Палицына: онъ бы могъ покончить это дѣло самъ, а онъ даже не показался ротѣ, а послалъ за полковникомъ Митьковымъ. Я тѣмъ болѣе желаю этому полку другаго начальника, что онъ былъ немного избалованъ Рихтеромъ; туда нужно человѣка съ твердымъ характеромъ, чтобы возстановить порядокъ. Мнѣ бы очень хотѣлось генерала, потому что по теперешнимъ обстоятельствамъ нужно людей не слишкомъ молодыхъ. Гурьевъ очень тяжелъ, но благороднѣйшій человѣкъ, и на него можно разсчитывать. Шеншинъ тоже очень хорошъ. Ежели вы знаете другихъ лучше, предложите ихъ, только чтобъ люди были такіе, какіе нужны въ эту минуту.—Теперь поговоримте объ орденѣ, который е. и. в. пожаловалъ Желтухину. Предвидя, сколько это надѣлаетъ шуму, я сговорился съ Закревскимъ, и мы порѣшили пріостановиться передачей ордена до отвѣта, который вы мнѣ пришлете на мои возраженія. Я Желтухинымъ доволенъ, какъ нельзя болѣе: онъ былъ на все согласенъ, оказалъ усердіе, однимъ словомъ, это такой человѣкъ, которымъ нельзя довольно нахвалиться; но Демидовъ и Бистромъ старше его; они тоже выказывали усердіе, такое же желаніе достичь блага, и мнѣ трудно дать Желтухину предпочтеніе передъ этими двумя. Этотъ орденъ будетъ имъ сильный ударъ, и данный одному ему произведетъ дурное впечатлѣніе. Ежели его нельзя дать всѣмъ тремъ и Анненскую ленту Паткулю, то нельзя ли его замѣнить рескриптомъ, который ему сдѣлаетъ столько же удовольствія и не обидитъ никого? Всѣ готовятся къ походу, но въ войну никто не вѣритъ. Солдаты довольны: также многіе изъ офицеровъ; но они были бы довольнѣе, ежели бы приготовленія не стоили столько денегъ.

Военный министръ мнѣ отказываетъ фуражъ на офицерскихъ лошадей, тогда какъ корпусъ никогда не выступалъ безъ этой льготы, даже во время похода въ Москву. Ради Бога, дорогой другъ, выпросите эту милость у государя, а то лошади околѣютъ дорогой съ голода по невозможности офицерамъ достать фуражъ за деньги.

XXXII.

Dans mes dernières lettres, j'ai oublié de vous dire, mon cher ami, que j'ai questionné l'artilleur Васильевъ. Je l'ai tenu pendant plus d'une demi-heure; j'ai fait tout ce que j'ai pu pour le faire parler. Il m'a juré que tout ce qu'il avait dit, il l'avait entendu dans les rues, les cabarets et autres endroits publics, qu'il avait fait la connaissance de m-r Валяевъ dans la maison où il logeait avec sa femme; que dans la même maison demeurait une fille publique, chez laquelle venait Валяевъ, et que c'est là où ce dernier l'a fait boire et causer. J'ai insisté pour qu'il me dise si ces paroles ne lui avaient pas été suggérées par quel-

qu'un; que si c'était le cas, je lui garantissais son pardon, s'il le nommait. Il m'a répondu: „C'est aujourd' hui le Vendredi Saint, je ne mentirai sûrement pas un jour comme celui-là; or, je vous jure par tout ce qu'il y a de plus saint, que j'ai dit tout cela sans aucune mauvaise intention, que j'avais une pointe ce jour-là, et que je parlais sans savoir trop ce que je disais, que personne ne m'a suggéré les idées, que j'ai entendu tout ce que j'ai dit dans les lieux publics". Je l'ai tourné et retourné de toutes les manières; il m'a été impossible d'en rien tirer. Quant à l'école Lancaster, il n'y a pas été. J'ai demandé aussi au colonel Слатвинскій [5]), s'il était vrai qu'au Club Anglais on lui avait parlé d'une prétendue désobéissance de son régiment; il m'a donné sa parole d'honneur que jamais personne ne lui avait fait cette question.

Maintenant, cher ami, je dois vous rendre compte d'une histoire qui vient d'arriver au régiment Préobragensky. Lundi matin la compagnie de l'Empereur fut rassemblée par son capitaine de Witt, qui la commande depuis peu, pour recevoir ses appointemens; la plupart des hommes était ivres; il eut la sottise de choisir ce moment-là pour leur parler et leur proposer de décompter deux r. pour l'артель. La compagnie lui répondit qu'ils devaient marcher, qu'ils avaient besoin d'argent et que leur артель était assez forte sans cette augmentation. Les deux individus qui avaient porté la parole, reçurent du capitaine des coups de poing dans la figure. Alors toute la compagnie se mit à murmurer et fit beaucoup de bruit. Le colonel Islénieff arriva, rétablit l'ordre et fit mettre aux arrêts les deux soldats qui avaient parlé. Le lendemain à 11 h. du matin, le colonel Pirh [6]) fit la tournée des casernes et, arrivé à la compagnie de l'Empereur, il trouva qu'il y en avait encore beaucoup pris de vin; ils lui demandèrent la grâce des deux soldats qui étaient aux arrêts. Le colonel leur répondit qu'ils étaient ivres et qu'il n'est pas habitué à parler à des ivrognes, qu'ils devaient se coucher, et que demain il verrait ce qu'il y aurait à faire. Sur cela, ils firent du bruit. Le colonel leur imposa silence et fit punir devant toute la compagnie celui qui avait parlé; il leur ordonna de se coucher, et le calme fut rétabli.

Le lendemain il vint dans la compagnie, les trouva repentants et honteux de ce qu'ils avaient fait. Les deux soldats arrêtés furent appelés chez le colonel. Les larmes aux yeux, ils lui demandèrent pardon. L'un des deux est un vieux soldat d'une conduite irréprochable. Le colonel crut devoir leur pardonner.

Toute cette affaire n'est pas conséquente, mais elle prouve que le capitaine est trop jeune et trop peu expérimenté pour commander: les coups de poing dans la figure, donnés à des hommes pris de vin, sont une sottise paumée, et c'est ce qui a donné lieu à tout ce tintamarre.

---

[5]) Полковникъ Слатвинскій былъ эскадроннымъ командиромъ въ л. г. гусарскомъ полку и вышелъ въ отставку, когда гр. Л. засѣкъ до смерти его вахмистра за какую-то вину. (Слова Матв. Ивановича Муравьева-Апостола).

[6]) Флигель-адъютантъ Пирхъ былъ послѣ барона Розена командиромъ Преображенскаго полка.

Tout ceci fait du train dans la ville, et les malveillants ne manquent pas de conter la chose, revue et corrigée et augmentée. En général, cher ami, l'esprit de la ville n'est pas bon, pour ne pas dire très mauvais: le départ de la garde fait beaucoup crier les papas et les mamans, et en général le mécontentement augmente tous les jours. Lors du départ du dernier courrier, il est survenu un mésentendu, par lequel mon rapport à Sa M. sur la réception de l'ordre de marcher est arrivé trop tard et n'a pas pu être envoyé. Maintenant je vous envoie toutes les dispositions que j'ai faites pour la marche. Comme je n'aurai de biscuits que pour cinq jours, il me faudra une double boulangerie; ainsi ne soyez pas étonné, si vous voyez par les rapports 120 boulangers. A l'instant je viens d'apprendre du colonel Pirch, qu'hier soir un bas-officier de la 3-me compagnie du régiment Préobragensky fit la tournée des chambres en demandant aux soldats, s'ils savaient qu'ils devaient recevoir de l'argent pour l'uniforme de l'année 21. Il répondirent que oui. „Vous êtes bien sots! leur dit il, de croire qu'on vous le donnera, si vous ne faites pas de bruit! Voyez la première compagnie: elle a fait du tapage, et de suite on nous a donné les nouveaux manteaux". Les grenadiers l'envoyèrent promener et en avertirent le sergent-major, qui le fit prendre et mettre aux arrêts. Ce matin le colonel Shipoff [7]) arriva à la compagnie, dans laquelle il devait avoir exercice; il fut étonné de ne pas trouver le bas-officier. en question, le fit chercher, et lui demanda pourquoi il ne se trouvait pas à son poste. Sa réponse fut qu'il ignorait qu'il y avait exercice. Le colonel lui ordonna de répéter ce qu'il avait dit la veille à ses camarades. Le bas-officier lui répondit qu'il était ivre et qu'il ne se rappelait pas de ce qu'il avait dit. Sur cela les soldats de la compagnie lui répètent ce qu'il leur avait dit. Shipoff demanda alors à la compagnie ce qu'ils voulaient que l'on fît de cet homme, et toute la compagnie demanda qu'on le mît dehors, puisqu'il fesait honte au régiment et calomniait la compagnie de l'Empereur. Sur cela le colonel lui fit donner 300 coups de bâton et le fit mettre aux arrêts. Je viens d'ordonner de le faire transporter chez Zakrefsky, pour être envoyé à Schlusselbourg: car il est urgent de savoir quels sont ses complices et surtout qui lui a suggéré ces idées. Peut-être parviendrons nous à découvrir par lui les meneurs, car cela ne peut pas être une idée de son crû. Ceci vient à l'appui, cher ami, de ce que j'ai dit plus haut: il faut que tout se réunisse, et pour cela il faut la présence de l'Emperenr.

Переводъ.

Я забылъ вамъ сказать въ послѣднемъ моемъ письмѣ, любезный другъ, что я допрашивалъ артиллериста Васильева, продержалъ его болѣе получаса и старался всячески его заставить говорить. Онъ мнѣ поклялся, что все это онъ слышалъ на улицѣ, въ кабакѣ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, что онъ познакомился съ Валяевымъ въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ съ своей женой и что въ этомъ самомъ домѣ живетъ публичная дѣвка, къ которой ходилъ Валяевъ, и они его тамъ напоили и заставили гово-

[7]) Иванъ Павловичъ Шиповъ былъ членомъ военнаго суда надъ нижними чинами л. г. Семеновскаго полка.

рить. Я настаивалъ на томъ, чтобъ узнать, не внушилъ ли ему эти слова кто-либо иной, обѣщалъ ему простить его, ежели онъ назоветъ мнѣ того, отъ кого онъ ихъ слышалъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Сегодня Страстная Пятница; въ такой день я лгать не стану, и клянусь вамъ всѣми святыми, что я все это говорилъ безъ всякаго дурнаго намѣренія: я былъ тогда выпивши и болталъ, что попало. Никто мнѣ никакихъ мыслей не внушалъ и слышалъ я это все на дворѣ". Я его и такъ, и сякъ старался сбить: ничего не могъ добиться; а въ Ланкастерской школѣ онъ никогда не бывалъ. Я еще спрашивалъ у полковника Слатвинскаго, правда ли то, что ему говорили въ Англійскомъ клубѣ о какомъ-то ослушаніи его полка; онъ мнѣ далъ честное слово, что никто ему такого вопроса не дѣлалъ.

Теперь долженъ вамъ донести о случившейся исторіи въ Преображенскомъ полку. Въ Понедѣльникъ утромъ Царская рота была собрана своимъ командиромъ, капитаномъ Виттомъ, для полученія жалованья; почти всѣ были пьяны; онъ имѣлъ глупость выбрать это время, чтобъ говорить съ ними и предлагать вычесть у нихъ два рубля для артели. Рота отвѣчала, что они идутъ въ походъ, и деньги имъ нужны, и что артель ихъ довольно богата и безъ этой прибавки. Капитанъ ударилъ кулакомъ по лицу этихъ двухъ солдатъ, которые отвѣчали, и тогда вся рота сильно зашумѣла. Пріѣхалъ полковникъ Исленьевъ, водворилъ порядокъ и отправилъ на гауптвахту двухъ побитыхъ. На другой день, въ 11-ть часовъ утра, полковникъ Пирхъ осматривалъ казармы и, пришедши въ Царскую роту, засталъ тамъ еще много пьяныхъ. Они стали его просить за двухъ арестованныхъ. Полковникъ отвѣчалъ, что они пьяны и что онъ не привыкъ разговаривать съ пьяницами, и поэтому пусть лягутъ спать, а завтра онъ посмотритъ, что слѣдуетъ сдѣлать. Тутъ опять поднялся шумъ. Полковникъ водворилъ порядокъ и, приказавъ при всей ротѣ наказать говорившаго, прогналъ ихъ спать, и все успокоилось.

На другой день, пришедши въ роту, онъ засталъ всѣхъ въ другомъ видѣ: они раскаявались и стыдились всего того, что надѣлали. Арестованныхъ позвали къ полковнику, и они со слезами на глазахъ просили прощенья. Одинъ изъ нихъ очень старый солдатъ, примѣрнаго поведенія. Полковникъ ихъ простилъ. Все это дѣло не важно, но оно доказываетъ, что капитанъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобъ командовать ротой: бить кулакомъ въ лицо пьяныхъ людей — страшная глупость, которая причинила весь этотъ шумъ.

Все это производитъ волненіе въ городѣ, и злонамѣренные люди перетолковываютъ всю исторію съ прибавленіями и украшеніями. Вообще настроеніе города не хорошо, даже скажу: очень дурно. Папеньки и маменьки очень вооружаются противъ выступленія гвардіи, и неудовольствіе возрастаетъ ежедневно. Вышло недоразумѣніе, когда отправлялся послѣдній курьеръ: мой рапортъ государю о полученіи приказа выступать въ походъ опоздалъ и не могъ быть посланъ. Теперь посылаю вамъ всѣ мои распоряженія касательно похода. По случаю того, что сухарей мнѣ хватитъ только на пять сутокъ, мнѣ нужно двойную пекарню; не удивляйтесь же, когда увидите въ моемъ рапортѣ 120 пекарей. Сейчасъ мнѣ передалъ полковникъ Пирхъ, что вчера вечеромъ унтеръ-офицеръ 3-й роты Преображенскаго полка обошелъ всѣ комнаты казармъ и спрашивалъ у солдатъ, знаютъ ли, что они должны получить деньги за мундиры 21-го года. Они отвѣчали, что знаютъ. „Дураки вы, сказалъ онъ: коли вы думаете, что вамъ ихъ дадутъ безъ шуму! Вотъ 1-ая рота пошумѣла, и тотчасъ имъ выдали новыя шинели". Гренадеры его выгнали и донесли объ этомъ фельдфебелю, который его схватилъ и посадилъ на гауптвахту. Сегодня утромъ полковникъ Шиповъ пріѣхалъ въ роту, гдѣ

должно было производиться ученіе, и удивился, не видя означеннаго унтеръ-офицера, послалъ за нимъ и спросилъ у него, почему онъ не находится на ученьи, на своемъ мѣстѣ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ и не зналъ, что назначено ученье. Полковникъ приказалъ ему повторить все то, чтó онъ говорилъ наканунѣ своимъ товарищамъ. Унтеръ-офицеръ отвѣчалъ, что былъ пьянъ и не помнитъ, чтó говорилъ. Тогда солдаты ему повторили, чтó онъ имъ сказалъ. Шиповъ спросилъ у роты, чтó она хочетъ, чтобъ съ нимъ сдѣлали. Рота просила, чтобъ его выгнали вонъ, потому что онъ срамитъ полкъ и клевещетъ на Царскую роту. Тогда полковникъ приказалъ ему дать 300 розогъ и посадилъ подъ арестъ. Я сейчасъ приказалъ перевести его къ Закревскому и переслать его въ Шлюссельбуръ, дабы узнать непремѣнно, кто его сообщники и кто ему внушилъ эти мысли, которыя не могли быть его собственныя. Можетъ быть, узнаемъ мы наконецъ зачинщиковъ; ибо не можетъ быть, чтобъ ему самому это пришло въ голову. Это подтверждаетъ, любезный другъ, прежнія мои слова: надо, чтобы все сосредоточилось, а для этого необходимо присутствіе государя.

XXXIII.

J'ai reçu votre lettre du 17 Avril, cher ami, et me suis vivement réjoui de la nouvelle que vous me donnez; j'espère que, cette fois ci, aucun incident ne s'opposera à votre départ. Mes troupes continuent à filer; la garde à cheval est partie ce matin, l'infanterie est sortie en très-bon ordre et je ne doute pas que cette marche ne fasse du bien; surtout si je parviens à avoir des divisionnaires, sur les lesquels je puisse me reposer. Le baron Rosen m'a demandé la permission de rester en ville jusqu'au 25, sa femme étant malade de chagrin, d'avoir perdu sa soeur Pachkof. J'y ai consenti.

Le Grand-Duc Michel n'ayant pas voulu se charger de commander la colonne, vu son inexpérience, pendant l'absence du baron Rosen, m'a demandé de lui permettre de se trouver sous les ordres du général Bistrom. Cette conduite franche et loyale fait honneur à S. A. I. J'ai nommé en conséquence le g—Bistrom, pour commander la colonne jusqu'au retour du baron de Rosen. Comme les dernières troupes quittent Pétersbourg le 14, j'avais l'intention de partir d'ici le 15, mais d'après votre lettre je m'arréterai encore quelques jours de plus pour attendre l'arrivée de l'Empereur.

Переводъ.

Я получилъ ваше письмо отъ 17 Апрѣля, любезный другъ и обрадовался искренно сообщенному вами извѣстію. Надѣюсь, что на этотъ разъ, уже ничего не будетъ препятствовать вашему отъѣзду. Войска мои маршируютъ, конная гвардія выступила сегодня; пѣхота вышла въ отличномъ порядкѣ, и я увѣренъ, что походъ этотъ принесетъ большую пользу, въ особенноси, если мнѣ дадутъ дивизіонеровъ, на которыхъ можно положиться. Баронъ Розенъ просилъ у меня позволенія остаться до 25-го въ городѣ: у него жена больна съ горя, что потеряла сестру Пашкову; я согласился.

Великій князь Михаилъ Павловичъ не пожелалъ, по своей неопытности командовать колонной во время отсутствія барона Розена и просилъ меня позволить ему находиться при генералѣ Бистромѣ. Этотъ благородный и открытый поступокъ дѣлаетъ честь е. и. высочеству. Поэтому я назначилъ генерала Бистрома, командующимъ колонною во время отсутствія барона Розена. Такъ какъ послѣднія войска оставляютъ Петербургъ 14-го, я имѣлъ намѣреніе уѣхать 15-го, но, получивши ваше письмо, я намѣренъ остаться здѣсь еще нѣсколько дней, чтобъ дождаться государя.

IX. ПИСЬМО КНЯЗЯ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВА КЪ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ СЕРГѢЕВИЧУ МЕНЩИКОВУ.

Я получилъ ваше письмо, князь, и стану отвѣчать вамъ съ той откровенностью, которая вамъ извѣстна. Никто болѣе меня не убѣжденъ въ необходимости заняться будущимъ благосостояніемъ нашихъ крестьянъ, и я думаю, что доказалъ вамъ это, подписавъ записку, которую вы мнѣ предложили; но каково было мое удивленіе, когда я узналъ отъ васъ, что потомъ, безъ моего вѣдома и разрѣшенія, подъ этою запискою собираются еще подписи. Въ столь важномъ дѣлѣ, въ которомъ довѣріе правительства и общества можетъ опереться лишь на людей съ добрымъ именемъ, являются такія личности, отъ которыхъ не поздоровится.

Я не гонюсь за славою въ этомъ дѣлѣ, а дѣйствую по убѣжденію и по внушенію совѣсти. Одно изъ условій моей подписи была глубочайшая тайна, и вдругъ я узнаю, что весь городъ объ этомъ говоритъ и что указываютъ на г-на Каразина, какъ на главнаго двигателя этого общества!

Вы сочтете естественнымъ, что послѣ изложеннаго я беру назадъ свою подпись, весьма жалѣя, что не могу содѣйствовать дѣлу, которое, будучи поведено иначе, т. е. съ осторожностью и безъ шума, могло бы привести самые счастливые плоды.

Примѣчаніе. Это письмо князя И. В. Васильчикова къ князю А. С. Менщикову очень замѣчательно тѣмъ, что оно, можетъ быть, было причиною удаленія отъ дѣлъ князя Менщикова въ 1822 году. Извѣстно, что Н. И. Тургеневъ, назначенный статсъ-секретаремъ при Государственномъ Совѣтѣ, въ 1819 году представилъ Государю чрезъ графа Милорадовича записку, озаглавленную: „Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи“. Мысль его была та, что конецъ рабству можетъ положить одно самодержавіе. Эта записка очень поразила императора. Онъ встрѣтилъ эту мысль съ большимъ сочувствіемъ, нашелъ ее вполнѣ справедливой и благородной и объявилъ Милорадовичу, что „непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для крестьянъ“. Князь А. С. Менщиковъ, какъ ловкій царедворецъ, воспользовался этимъ настроеніемъ и намѣреніемъ Государя, началъ вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ развивать эту мысль и получилъ согласіе многихъ вліятельныхъ лицъ на подачу адреса Государю съ просьбою разработать вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Къ несчастію, происшествіе Семеновскаго полка и полученныя Государемъ свѣдѣнія о распространеніи нитей тайнаго общества сильно на него подѣйствовали. Императоръ, преслѣдуемый призракомъ тайнаго общества, все болѣе и болѣе становился недовѣрчивымъ, даже къ людямъ, въ преданности которыхъ онъ, казалось, не могъ сомнѣваться. Онъ былъ увѣренъ, что устрашающее его общество было чрезвычайно сильно и сказалъ однажды князю П. М. Волконскому, желавшему его успокоить на этотъ счетъ: „Ты ничего не понимаешь; эти люди могутъ кого хотятъ возвысить или уронить въ общемъ мнѣніи; къ тому же они имѣютъ огромныя средства *)“. Какъ только Государь узналъ о подписяхъ, собираемыхъ княземъ Менщиковымъ, для подачи ему адре-

*) Записки Якушкина.

са, не смотря на то, что князь былъ начальникомъ канцеляріи главнаго штаба, вездѣ сопутствовалъ Императору и пользовался его довѣріемъ, онъ удалилъ его не только отъ мѣста, но и отъ службы, какъ человѣка, подозрѣваемаго въ сношеніяхъ съ людьми опасными для правительства. Можетъ быть, письмо князя И. В. Васильчикова или его слова много тому содѣйствовали. Князь А. С. Меншиковъ былъ снова принятъ на службу уже въ 1828 году. *В. Давыдовъ.*

X. ПИСЬМО КНЯЗЯ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВА КЪ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ГРАФУ ВИКТОРУ ПАВЛОВИЧУ КОЧУБЕЮ.

(1821)

Я получилъ ваше письмо, любезный графъ, и долженъ сознаться, что удовольствіе, которое оно мнѣ доставило, было отравлено подробностями, которыя вы мнѣ даете о ходѣ дѣлъ. Со всѣхъ сторонъ я получаю тѣже самыя извѣстія о занятіяхъ Государя. Больно видѣть, что прошедшее не произвело на него другаго дѣйствія, какъ только удвоило его недовѣрчивость. Не падайте духомъ отъ его молчанія, любезный графъ, и для успокоенія вашей совѣсти, прочтите ему вашу записку и укажите ему откровенно вашъ взглядъ на вещи. Это долгъ вашъ передъ Отечествомъ и вами самими.

Письма Михаила Орлова къ своему брату доказываютъ всю справедливость извѣстій полученныхъ мною о тайномъ обществѣ, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ. Его братъ мнѣ сказалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, онъ пишетъ къ нему совершенно въ другомъ духѣ: онъ сознаетъ, что его либеральныя мысли увлекли его слишкомъ далеко, что теперь его глаза раскрылись, и онъ отрекается отъ своихъ заблужденій, обѣщая брату дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Я вѣрю въ его обращеніе болѣе, чѣмъ въ Магницкаго, потому что онъ не изъ тѣхъ, которые скрываютъ свой образъ мыслей; впрочемъ, всегда будетъ возможность имѣть объ этомъ свѣдѣнія.—Погода здѣсь сущее бѣдствіе. Нельзя высунуть носу: недѣль шесть постоянно льетъ дождь, и солдаты мои всѣ мокрые. Если это продолжится, мы помремъ съ голоду, потому что сообщенія прекращаются, и перевозка фуража становится невозможною. Край до того бѣденъ, что жаль видѣть.

XI. ДВА ПИСЬМА КЪ КНЯЗЮ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВУ ТАЙНАГО АГЕНТА ГРИБОВСКАГО *).

1.

Имѣвъ честь получить приказаніе 6 Августа, въ тотъ же день отправилъ подполковника И. Онъ нашелъ, что К. Г. сквозь по дорогѣ прописанъ проѣхавшимъ 4-го, и въ 2 часа того же числа взялъ лошадей на послѣдней станціи. Въ Новгородѣ лошадей не бралъ; ни въ трактирѣ, ни въ частныхъ домахъ, сколько разыскать можно было, не останавливался. Въ сосѣдскихъ монастыряхъ во-

*) О Грибовскомъ см. въ письмахъ князя Васильчикова къ князю Волконскому Р. Архивъ 1875, кн. 2-я, стр. 435. *П. Б.*

все никого изъ пріѣзжихъ нѣтъ. Дальнѣйшихъ слѣдовъ невозможно было отыскать потому, что ямщикъ, взятый на послѣдней передъ Новгородомъ станціи, не только 6, но по 13 не возвращался на оную, и неизвѣстно, имъ ли удержанъ. Въ надеждѣ узнать что либо отъ людей К. Г. и полагая съ нимъ съѣхаться, посланный возвращался въ Субботу 13-го, но онъ еще не проѣзжалъ.

Въ Новгородѣ ни генерала Ф. В. и никого изъ замѣчательныхъ не было.

Угодно ли будетъ приказать, по возвращеніи К. Г., употребить средства узнать отъ людей его, послать на мѣсто удостовѣриться и отыскать ямщика?

14 Августа 1821.

2.

Полковникъ К. Г., не останавливаясь въ Новгородѣ, проѣхалъ въ Псковъ, отсюда отправилъ назадъ бывшаго при немъ собственнаго человѣка, удержалъ при себѣ Нѣмца, который почти не умѣетъ говорить порусски и выѣхалъ въ Верро. На возвратномъ пути пробылъ два дня въ Новгородѣ и былъ одинъ разъ въ церкви.

31 Августа 1821.

3.

(Сентябрь 1821)

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Его сіятельство прислалъ мнѣ 6-го, изъ Царскаго Села, повелѣніе отправить въ Новгородъ нарочнаго. Исполняя волю его, послалъ я въ тотъ же день. Но, какъ изволите усмотрѣть изъ прилагаемыхъ записокъ, успѣха не было. К. Г. выѣхалъ 4 и проскакалъ далѣе, а мнѣ дано знать 6 и только въ Новгородъ, до котораго и имѣлъ мой посланный подорожную. Впрочемъ, кажется, бѣда не велика. Проповѣди m-me Krüdener надѣлали, что К. Г. должно будетъ скоро отвести мѣсто въ желтомъ домѣ у Обуховскаго моста. Августа 26 ожидали они явленія Мессіи или другаго какого то страшнаго чуда. Предсказывали со страхомъ сей день, и К. Г. явно бредитъ

Вашему превосходительству имѣю честь представить приказъ 30-го и копію съ рапорта, писаннаго собственною рукою барона И. И. *) Августа 30. Кромѣ прочихъ, пожалованы Андреевскими кавалерами графъ Кочубей и маркизъ де Траверзе. Дочь послѣдняго, также Павла Васильевича, Балашова, Ливена, Комаровскаго, Карамзина и одна Полька во фрейлины. Башуцкому аренда въ 3.000 серебромъ.

Прежде сего еще подарены долги барону Розену (200.000), гр. Мил. (400.000); Меллеру-Закомельскому дано 120.000, а Сперанскому земля, какъ говорятъ, съ доходомъ до 50.000 р.

Наканунѣ 30 разсѣяно было множество слуховъ. Между прочимъ говорили, что князь Щербатовъ, возвратившійся изъ Парижа, займетъ ваше мѣсто.

---

*) Т. е. И. И. Дибича.

Наконецъ настала развязка Семеновской исторіи. Выписанные въ 3-й и Кавказскій корпуса отправлены уже. Остальные 383 чел. приговорены къ тѣлесному наказанію. Завтра будетъ исполненіе. По прочтеніи сентенціи надъ 50-ю исполнится, прочимъ объявится прощеніе и будутъ отправлены въ Оренбургъ и Омскъ, для распредѣленія по полкамъ. 2-ой карабинерный полкъ назначенъ для сего на Охту, гдѣ будутъ Арсеній Андреевичъ и Павелъ Васильевичъ. Ваше превосходительство знаете уже о Брагинѣ. (Въ приказѣ отдано, что онъ изъ фельдфебелей Муромскаго полка производится въ подпоручики). Государь изволилъ призывать его лично, и онъ подалъ копію съ той записки, которую подавалъ наканунѣ происшествія Кашкарову и которую сей послѣдній сорвалъ. Послѣ сего его перевели въ Муромскій полкъ, и говорятъ, что его в-во изволилъ сказать: „въ Семеновскомъ дѣлѣ отъ высшаго до низшаго одинъ Брагинъ сдѣлалъ свое дѣло".

Говорятъ, что велѣно вновь произвести слѣдствіе о всѣхъ происшествіяхъ, случившихся до выступленія изъ Петербурга, и что для сего будто бы будетъ отправленъ аудиторъ Терлецкій.

Арсеній Андреевичъ ѣдетъ на два мѣсяца въ отпускъ.

Его величество изволитъ выѣхать 12. Сего дня получено утвержденіе штата канцеляріи Комитета.

XII. ПИСЬМО КНЯЗЯ ПАСКЕВИЧА КЪ КНЯЗЮ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВУ.

Милостивый государь Ларіонъ Васильевичъ.

Когда начальникъ выбылъ, тогда объ немъ сужденія вѣрны и тогда онъ долженъ слушать голосъ истины. Узнавши о вашемъ увольненіи, всѣ отъ начальника до солдата объявили сожалѣніе: такого намъ начальника не нажить, былъ общій отзывъ. Каждый началъ разсказывать, сколько вамъ обязаны, и выходитъ, что почти ни одинъ изъ чиновниковъ не остался, который бы по вашему ходатайству не награжденъ былъ. Нижніе чины многими хорошими учрежденіями увидѣли облегченіе своей службы. Я, давно знавши васъ, ничему не удивляюсь и всегда увѣренъ былъ, что гдѣ вы будете, то навсегда оставите по себѣ память.

21 числа праздновали Семеновскій праздникъ, и этотъ новый полкъ пилъ ваше здоровье. Оба Великіе Князья, присутствующіе тутъ, первые подали примѣръ.—Благодарю васъ о ходатайствѣ за мою аренду; если это сдѣлается, то я одному вамъ буду обязанъ.

Вы пишите, что дружество наше сдѣлано на полѣ чести. Точно такъ. Я въ первый разъ тамъ васъ увидѣлъ и нашелъ достойнымъ быть начальникомъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть

вашего превосходительства, милостивый государь,
покорнѣйшій слуга Иванъ Паскевичъ.

1821 года Декабря 3 дня. Городъ Вильна.

P. S. Сію минуту я получилъ отъ брата извѣстіе, что вы, будучи больны, выѣзжали, чтобы просить Государя Императора о моей арендѣ. Такого рода поступокъ навсегда останется во мнѣ неизгладимо.

РАЗСКАЗЫ И ЗАМѢЧАНІЯ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА СЕРГѢЯ ПАВЛОВИЧА ШИПОВА.

Государь Александръ Павловичъ, проѣзжая въ 1818 или въ 1819 году изъ заграницы въ Россію, не былъ намѣренъ смотрѣть войска, и потому нигдѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій для представленія ихъ Государю. Кавалерія стояла даже на травѣ. Его величество усматривалъ, что по его маршруту приходилось проѣзжать черезъ мѣстечко, гдѣ стояли въ то время Бѣлорусскій полкъ и конно-артиллерійская рота, и вдругъ послалъ фельдъегеря съ приказомъ собрать какъ полкъ, такъ и роту для смотра ихъ къ его пріѣзду. Командиромъ Бѣлорусскаго полка былъ тогда храбрый полковникъ Ольшевскій, а ротою командовалъ полковникъ Поздѣевъ. Дѣлать было нечего: не смотря на невыгоды столь неожиданнаго смотра и на бытность лошадей на травѣ, полкъ былъ собранъ; но, къ довершенію его несчастія, во время слѣдованія къ назначенному мѣстечку пошелъ проливной дождь и шелъ во все время 8-ми верстнаго перехода. Конно-артиллерійская же рота была счастливѣе: она травою пользовалась въ самомъ мѣстечкѣ, и потому вышла въ строй почти передъ самымъ пріѣздомъ Государя. Сравненіе обѣихъ частей оказалось самое пагубное для Бѣлорусскаго полка: жалкій его видъ слишкомъ ярко бросался въ глаза, въ виду роты, выѣхавшей если не въ щегольскомъ видѣ, то сравнительно съ гусарами въ наилучшемъ видѣ. Государь разсердился и немедленно отрѣшилъ отъ должности полковника Ольшевскаго, а полковника Поздѣева назначилъ командиромъ полка. Полковникъ Ольшевскій, какъ я уже говорилъ, былъ одинъ изъ блистательныхъ офицеровъ Русской кавалеріи. Онъ началъ службу въ Ахтырскомъ полку и командовалъ эскадрономъ, во время командованія полкомъ И. В. Васильчикова и брата его Д. В. Васильчикова, и потому былъ имъ обоимъ коротко извѣстенъ по своимъ блистательнымъ качествамъ. По возвращеніи Государя въ Петербургъ, онъ за обѣдомъ, къ которому былъ приглашенъ И. В. Васильчиковъ, началъ ему разсказывать о неудавшемся смотрѣ, и тутъ же объяснилъ, что онъ полковника Поздѣева назначилъ командиромъ полка. На это генералъ Васильчиковъ сказалъ: что если онъ осмѣлится выразить свою мысль его величеству, то онъ очень сожалѣетъ, что Государь лишился въ полковникѣ Ольшевскомъ отличнаго офицера.—„Но полкъ его былъ въ ужасномъ положеніи“, отвѣчалъ государь.—„Тому была какая нибудь причина, ваше величество, полковникъ же Ольшевскій вполнѣ достойный офицеръ“. Разговоръ на этомъ пресѣкся. Послѣ стола Императоръ подошелъ къ Васильчикову и спросилъ его: „Вы, вѣроятно, коротко знаете Ольшевскаго, что такъ горячо за него заступаетесь?“—„Да, Государь, знаю его давно, какъ отличнаго офицера“.—„Но онъ, вѣрно, любитъ набивать свой карманъ?“—„Государь, я смѣло могу вамъ сказать, что онъ также честенъ, какъ и я“. Императоръ послѣ этого разговора вышелъ. Онъ велѣлъ навести справки и, удостовѣрившись въ истинѣ, немедленно приказалъ дать Ольшевскому отличный конно-егерскій полкъ, а увидѣвши Васильчикова, сказалъ ему: „Благодарю васъ, Иларіонъ Васильевичъ, что вы вашими словами дали мнѣ средство исправить мою ошибку“.

*

Въ первой коммиссіи военнаго суда, подъ предсѣдательствомъ генерала-адъютанта Левашева, былъ аудиторомъ Терлецкій, который имѣлъ весьма непріятную стычку съ В. В. Левашевымъ и потому вышелъ изъ коммиссіи. На его мѣсто былъ назначенъ оберъ-аудиторъ корпуса внутренней стражи Бѣльскій. Послѣ изъявленнаго неудовольствія Васильчикова на рѣшеніе первой коммиссіи была назначена другая подъ предсѣ-

дательствомъ генерала Желтухина; въ нее былъ назначенъ Терлецкій оберъ-аудиторомъ, и онъ, помня свою ссору съ Левашевымъ, вывелъ всѣ промахи его.

•

Въ письмѣ отъ 12 Апрѣля 1821 говорится о Исленьевѣ. Онъ въ то время былъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и въ послѣдствіи генералъ-адъютантомъ. Ему очень покровительствовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ и обнадеживалъ его, что онъ получитъ новый Семеновскій полкъ. Когда же вышло назначеніе Шипова, то онъ, въ присутствіи лицъ, находящихся у Великаго Князя, заплакалъ, такъ какъ онъ самъ всѣмъ разсказывалъ о своемъ назначеніи. Послѣ этого онъ немедленно сказался больнымъ.

(*Записано В. Д. Давыдовымъ*).

СТИХИ Н. ГЛИНКИ О БЫВШЕМЪ СЕМЕНОВСКОМЪ ПОЛКУ.

Была прекрасная пора:
Россія въ лаврахъ, подъ вѣнками,
Неся съ побѣдными полками
Въ душѣ—покой, въ устахъ: „ура!“
Пришла домой и отдохнула.
Минута чудная мелькнула
Тогда для города Петра.
Окончивъ полевыя драки,
Носили офицеры фраки,
И всякій былъ и бодръ, и свѣжъ.
Пристрастье къ формѣ пригасало,
О палкѣ и вѣстей не стало,
Дремалъ парадъ, пустѣлъ манежъ.....
За то солдатъ, опрятный, ловкій,
Всегда учтивъ и сановитъ,
Ужъ принялъ свѣтскія уловки
И нравовъ Европейскихъ видъ...
Но передъ всѣми отличался
Семеновскій прекрасный полкъ.
И ктожъ тогда не восхищался,
Хваля и умъ его, и толкъ,
И человѣчныя манеры?
И молодые офицеры,
Давая обществу примѣры,
Являлись скромно въ блескѣ залъ.
Ихъ не манилъ летучій балъ
Безсмысленнымъ кружебнымъ шумомъ:
У нихъ чело яснѣлось думой,
Изъ-за которой умъ сіялъ.....
Влюбившись отъ души въ науки
И бросивъ шпагу спать въ ножнахъ,
Они въ ихъ дружескихъ семьяхъ
Перо и книгу брали въ руки,
Сбираясь, по служебномъ днѣ,
На полѣ мысли, въ тишинѣ....
Тогда гремѣлъ, звучнѣй, чѣмъ пушки,
Своимъ стихомъ лицейскій Пушкинъ,
И много было.....—Все прошло!

Прошло и ужъ невозвратимо!
Все бурей мутною снесло,
Промчалось, прокатилось мимо....
И сколько, сколько утекло,
Волною пасмурной, печальной
(И здѣсь, и по Россіи дальней)
Въ рѣкахъ воды, а въ людяхъ слезъ;
И сколько пережито грозъ!....
Но пусть о нихъ твердятъ потомки;
А мы, прошедшаго обломки,
Въ уборѣ париковъ сѣдыхъ,
Среди кипучихъ молодыхъ,
Вспомянемъ мы хоть про новинки,
Гдѣ весело гостили Глинки,
Гдѣ благородный Муравьевъ
За пять страдальческихъ годовъ
Забылъ пустынную неволю
И тихо сердцемъ отдыхалъ;
Гдѣ, у семьи благословенной,
Для дружбы и родства безцѣнной,
Умомъ и доблестью сіялъ,
И къ новой жизни разцвѣталъ
Якушкинъ нашъ въ объятьяхъ сына,
Когда прошла тоски година
И лучь надежды обѣщалъ
Достойнымъ имъ—иную долю.

(*Сообщено В. Д. Давыдовымъ*).

ЗАПИСКА О ТАЙНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ ВЪ РОССІИ, СОСТАВЛЕННАЯ ВЪ 1821 ГОДУ *.

Въ 1814 году, когда войска Русскія вступили въ Парижъ, множество офицеровъ приняты были въ масоны и свели связи съ приверженцами разныхъ тайныхъ обществъ. Послѣдствіемъ сего было, что они напитались гибельнымъ духомъ партій, привыкли болтать то, чего не понимаютъ, и изъ слѣпаго подражанія получили не наклонность, но лучше сказать страсть заводить подобныя тайныя общества у себя. Нѣкоторые изъ оныхъ не имѣли въ виду никакой опредѣленной цѣли; другіе, напротивъ того, мечтали лишь о

*) Эта записка, авторомъ которой одни называютъ графа А. Х. Бенкендорфа, а другіе М. Грибовскаго, получена въ Русскій Архивъ вмѣстѣ съ двумя нижеслѣдующими бумагами (Разговоромъ Сенявина и Прибавленіемъ къ Донесенію Слѣдственной Коммисіи) отъ наслѣдниковъ тайнаго совѣтника М. М. Попова. *П. Б.*

политикѣ и о томъ, какъ возымѣть вліяніе на правительство. Явная цѣль сихъ мнимыхъ свободномыслящихъ (либеральныхъ), точнѣе своевольномыслящихъ, была введеніе конституціи, или собственно такого образа правленія, подъ которымъ своеволіе ничѣмъ не было бы удерживаемо, а пылкимъ страстямъ, неограниченному честолюбію, желанію блистать, предоставлена была бы полная воля. Разумѣется, что вмѣстѣ съ тѣмъ они надѣялись занять высшія мѣста въ правительствѣ и, не опасаясь потери (потому, что не имѣли ничего), воспользоваться выгодами переворота. Съ поверхностными большею частію свѣдѣніями, воспламеняемые искусно написанными рѣчьми и мелкими сочиненіями корифеевъ революціонной партіи, не понимая что̀ такое конституція, часто не смысля какъ привести собственныя дѣла въ порядокъ и состоя большею частію въ низшихъ чинахъ, мнили они управлять государствомъ. Для прикрытія сколько нибудь своего невѣжества, бросились они къ изученію политическихъ наукъ и стали посѣщать частно преподаваемые курсы, гдѣ поверхностно ослѣпляли ихъ блескомъ выраженій и глушили громкими, но пустыми словами. Слабый умственный желудокъ ихъ, не имѣя предварительныхъ основаній въ вспомогательныхъ наукахъ, не сваривалъ сочиненій лучшихъ писателей, отъ чего и все ихъ просвѣщеніе было мишурное.

Стремленіе сіе особенно замѣтно было въ столицѣ, гдѣ представляется болѣе удобностей доставать правительствомъ запрещаемыя, по вреднымъ правиламъ, сочиненія. Можетъ быть, споспѣшествовало сему близкое нахожденіе вмѣстѣ множества офицеровъ, какое-то взаимное соревнованіе и вліяніе людей, кои скрытно подкрѣпляли сіе броженіе умовъ.

Само собою разумѣется, что необычайное воспаленіе не могло быть продолжительно. Лѣта, развлеченіе, занятія и переходы по службѣ охладили и развлекли многихъ; заведенныя между ими разныя общества рушились; сохранившееся же долѣе прочихъ и съ которымъ нѣкоторыя слились, было общество, подъ названіемъ „Союза Благоденствія". Правила онаго составляли особенную книгу, названную по цвѣту обертки „Зеленою Книгою". Она раздѣлялась на двѣ части, а послѣдняя на четыре отдѣленія. Написанная темнымъ, мистическимъ слогомъ, она составляла смѣсь изъ правилъ разныхъ тайныхъ обществъ, съ весьма нескладнымъ примѣненіемъ къ отечественному. Краткая первая часть давалась для прочтенія принимаемымъ, по взятіи отъ нихъ подписки не открывать ничего; вторая часть сообщалась посвященнымъ уже въ тайны. Главныя правила относились къ попеченію объ усовершенствованіи наукъ, художествъ, всѣхъ вѣтвей государственнаго хозяйства, судопроизводства и пр. Такимъ образомъ даже и для самыхъ членовъ, менѣе опытныхъ, прикрыта была тайная цѣль главныхъ руководителей— возымѣть вліяніе на всѣ отрасли правительства, чего частныя лица отнюдь присвоивать не могутъ. Средства къ тому избраны: распускаемые слухи, разсказы въ обществахъ, сочиненія, особенно журнальныя статьи, какъ болѣе и скорѣе расходящіяся, дабы дать

направленіе общему мнѣнію и нечувствительно приготовить всѣ сословія. Есть многое, до чего, какъ до больнаго мѣста, чтобъ не почувствовать, не должно прикасаться; но частыя напоминанія и, такъ сказать, безпрестанныя атаки по заведенной системѣ на понятія о рабствѣ, цѣпяхъ, неволи, тиранствѣ, ненаблюденіи правосудія и пр., врѣзываясь въ памяти, давали бы дурное мнѣніе и поселяли бы отвращеніе отъ существующаго очерняемаго порядка и желаніе перемѣнъ. Первымъ шагомъ для привлеченія низшаго состоянія почитались: освобожденіе крестьянъ, къ чему каждый членъ былъ обязываемъ, и распространеніе училищъ взаимнаго обученія. Научивши простой народъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ одному только чтенію, скорѣе подѣйствовали бы приготовленными въ духѣ и по смыслу ихъ маленькими сочиненіями, начавъ самыми невинными сказками, повѣстями, пѣснями, краткими наставленіями и пр., чтобъ ихъ заохотить, чему и сдѣланы опыты.

Главные члены составляли Коренную Управу и избирали изъ себя на каждые 4 мѣсяца: предсѣдателя, блюстителя (тоже, что прокуроръ) и 4 предсѣдателей отдѣленій. Они собирались еженедѣльно для совѣщаній и, по крайней мѣрѣ, однажды въ мѣсяцъ созывали всѣхъ наличныхъ членовъ сей Управы. Общество имѣло свою печать (улей со пчелами) и архивъ, кои хранились у блюстителя; а сумма (взносъ членами десятой доли дохода) въ ломбардѣ. Переписка производилась темнымъ слогомъ, чрезъ нарочно посылаемыхъ. Члены, приготовляемые мало по малу для Управы или долженствовавшіе только служить орудіями, составляли Побочныя Управы, подъ предсѣдательствомъ одного члена Коренной, назывались для прикрытія разными именами (Зеленой Лампы и пр.) и, подъ видомъ литературныхъ вечеровъ или просто пріятельскихъ обществъ, собирались какъ можно чаще. Принятіе новыхъ членовъ сходствовало вообще съ наблюдаемыми въ тайныхъ обществахъ, съ меньшими только обрядами. Если кто вновь предлагаемъ былъ однимъ членомъ или кого желали, то, по довольномъ испытаніи, давали ему глухое понятіе объ обществѣ и, никогда не открывая вдругъ всѣхъ членовъ, вперяли объ участіи многихъ сильныхъ лицъ, дабы тѣмъ болѣе привлечь и устрашить. Послѣ сего предлагаемо было въ Коренной Управѣ, и для принятія требовалось согласіе всѣхъ членовъ оной.

Предсѣдатели Побочныхъ Управъ получали отъ Коренной наставленіе: чѣмъ занимать своихъ членовъ, какія читать и распространять сочиненія, какіе разглашать слухи и выдумывать каррикатуры, кого изъ знатныхъ стараться чернить въ общемъ мнѣніи, какъ судить о дѣйствіяхъ правительства и пр. Люди, неодинаково съ ними мыслившіе, извѣстны были подъ названіемъ: „бабушкина вѣку“, то есть, мыслившихъ какъ было при покойной государынѣ Екатеринѣ II, „раболѣпствующихъ“, тоже, что Испанскіе serviles. Для большей удобности и успѣха въ дѣйствіяхъ, положено было имѣть не менѣе 8 и не болѣе 12 членовъ въ Побочныхъ Управахъ; когда число ихъ возрастало, отдѣлялась новая Управа. Каждый

членъ обязанъ былъ доводить до свѣдѣнія своей Управы обо всемъ, что только могъ узнать. Предсѣдатели представляли о томъ Коренной Управѣ. Въ необходимую также обязанность поставлялось отыскивать и привлекать въ свое общество всѣхъ людей съ дарованіями, въ особенности пользующихся довѣренностію тѣхъ особъ, кои занимаютъ важныя мѣста. Такимъ образомъ надѣялись знать всѣ тайны правительства и во всякомъ случаѣ быть въ безопасности: ибо члены таковые тотчасъ бы предостерегли ихъ. Изъ войскъ положено было набрать самое большое число приверженцевъ въ гвардіи; въ арміи же имѣть на своей сторонѣ только нѣсколько полковыхъ командировъ, рѣшительныхъ и на все готовыхъ, дабы, побужденіемъ ихъ и примѣромъ гвардіи, слѣпо увлечь всю армію. Центромъ всѣхъ дѣйствій сначала былъ Петербургъ, послѣ избрана Москва, для привлеченія живущаго тамъ дворянства. Главу положено было избрать, когда было-бы уже все готово, изъ вельможъ, уважаемыхъ войскомъ и народомъ и недовольныхъ правительствомъ. Самая большая надежда возлагалась на находящихся во Франціи и на графа Воронцова, на котораго дѣйствовали Тургеневы. Общество съ нетерпѣніемъ ожидало, что въ Пруссіи послѣдуетъ насильственный переломъ правленія, послѣ чего Польша не умедлила бы тому послѣдовать; и такимъ образомъ надѣялись подать руку съ Сѣвера безпокойному Югу. Они не могли скрыть глупой радости при происшествіяхъ въ Испаніи и Неаполѣ, и готовы были-бы на все, чтобы принудить Государя возвратиться скорѣе и не допустить имѣть близкое дѣятельное участіе къ успокоенію Европы.

Первоначальные члены общества были почти всѣ молодые гвардейскіе офицеры: Муравьевы (три Главнаго Штаба, полковникъ Александръ, вышедшій въ отставку послѣ того, какъ въ Москвѣ посаженъ былъ подъ арестъ; братъ его безногой; Никита, вышедшій также въ отставку, когда не былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ; и 4-й, бывшій въ прежнемъ Семеновскомъ полку); Пестель, бывшій адъютантъ графа Витгенштейна; князь Трубецкой, бывшій въ Семеновскомъ полку и теперь за границею; Бибиковъ, адъютантъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича; князь Долгорукій 2-й, гвардейской артиллерійской бригады, бывшій адъютантъ графа Аракчеева; два Фонъ-Визина (одинъ, бывши полковымъ командиромъ, пріуготовлялъ офицеровъ своего Егерскаго полка); Перовскій, теперь оберъ-квартирмейстеръ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса; Шиповъ, настоящій полковой командиръ полка Наслѣднаго Принца Прусскаго; Новиковъ, надворный совѣтникъ, бывшій въ Саксоніи при генералъ-адъютантѣ Репнинѣ и послѣ правителемъ канцеляріи его же, Малороссійскаго военнаго губернатора, теперь въ отставкѣ. Изъ нихъ Перовскій и Шиповъ мало по малу въ 1819 году отстали; о Пестелѣ утвердительно неизвѣстно.

Дѣйствія сего общества въ 1818 году получили новую дѣятельность, и число членовъ возрасло болѣе двухъ сотъ. Мало по малу привлечено множество офицеровъ Главнаго Штаба, изъ полковъ же

наиболѣе въ Измайловскомъ, бывшемъ Семеновскомъ, Егерскомъ, Московскомъ, Конной-Гвардіи *) и гвардейской артиллеріи. Примѣчательнѣйшіе по ревности: Бурцовъ, Фонъ-деръ-Бригенъ, два Колошина, Оленинъ, Капыловъ, Кутузовъ, Горсткинъ, Нарышкинъ, Корсаковъ и другіе; изъ постороннихъ Николай Тургеневъ, полковникъ Глинка и Семеновъ (молодой человѣкъ въ канцеляріи министра князя Голицына, занимавшій мѣсто секретаря въ обществѣ и руководимый Тургеневымъ и Глинкою).

По выходѣ полковника Муравьева въ отставку и назначеніи Бурцова адъютантомъ къ генералу Киселеву, Коренная Управа раздѣлилась на три вѣтви, имѣвшія постоянную связь. Въ Петербургѣ приняли управленіе Тургеневъ, Фонъ-деръ-Бригенъ и Глинка (изъ нихъ у послѣдняго и у Колошина бывали засѣданія); въ Москвѣ Муравьевы, въ Тульчинѣ Бурцовъ. Вліяніемъ ихъ и Фонъ-Визина вступили въ общество М. Орловъ, Граббе, Реадъ, Юшневскій, Прижевскій и пр. Орловъ брался вовлечь Мамонова; Тургеневъ, Фонъ-деръ-Бригенъ и Глинка молодыхъ графовъ Шереметева и Кушелева-Безбородку, для лучшаго успѣха надъ которыми полагали приставить способныхъ наставниковъ. Тоже предполагалось и съ другими богатыми, особенно молодыми помѣщиками. Тургеневъ, дававшій главное направленіе, брался съ профессоромъ Куницынымъ издавать журналъ, по самой дешевой цѣнѣ для большаго расхода, полагая издержки насчетъ общества, въ которомъ бы помѣщать статьи, къ цѣли общества относящіяся. Содѣйствовать сему обязаны были всѣ члены; также брались: Чаадаевъ (испытывавшійся еще для общества), Кюхельбекеръ (молодой человѣкъ съ пылкою головою, воспитанный въ Лицеѣ, теперь за границею съ Нарышкинымъ) и другіе. Въ одной изъ отдаленныхъ деревень кого-либо изъ членовъ намѣревались завести типографію и какъ литеры, отливъ на старинной штрифтъ, такъ и все нужное выписать изъ за границы... Глинка и Тургеневъ полагали успѣшнѣйшимъ, чрезъ находящихся за границею членовъ, литографировать въ Парижѣ, особенно каррикатуры и, ввозя чрезъ нихъ же, распускать въ народѣ на толкучемъ рынкѣ, разсылать въ армію и по губерніямъ. Тургеневъ настаивалъ преобразовать общество совершенно по системѣ Вейсгаупта и, сходно съ тѣмъ, членамъ назваться между собою другими именами.

Не смотря на все сіе, ревность многихъ ослабѣвала; другіе, вовлеченные не постигая всей цѣли, понявши оную, отставали; нѣкоторые отдѣлялись и заводили между собою общества. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ князь Долгорукій и Бибиковъ, основавшіе особое общество на Охтѣ. Неосторожность и неумѣстные разсказы еще болѣе разстроивали и подали поводъ къ опаснымъ

*) Генералъ Орловъ, узнавши, что въ его полку есть литературныя общества офицеровъ и не предполагая ничего добраго, созвавши ихъ, объявилъ, что не допуститъ заводить никакихъ обществъ и поступитъ по всей строгости, если узнаетъ впередъ.

происшествіямъ. Изъ нихъ примѣчательнѣе случившееся въ Москвѣ, гдѣ принятый Муравьевымъ секретарь Правительствующаго Сената Хавскій требовалъ денегъ, угрожая открыть все.

Сіе заставило ревностнѣйшихъ членовъ составить, въ концѣ прошедшаго и началѣ настоящаго года, чрезвычайное засѣданіе въ Москвѣ. Тамъ были изъ главнѣйшихъ, кромѣ Муравьевыхъ, Н. Тургеневъ, Глинка (которому общество выдало на путевыя издержки 1000 р.), М. Орловъ, два Фонъ-Визина, Граббе, Комаровъ. Собранія бывали у Ф. Визина и Тургенева. Мнѣнія о приведеніи въ порядокъ дѣлъ были несогласны. Орловъ, ручаясь за свою дивизію, требовалъ полномочія дѣйствовать по своему усмотрѣнію; настаивалъ объ учрежденіи „Невидимыхъ Братьевъ", которые бы составляли центръ и управляли всѣмъ; прочихъ раздѣлить на языки (по народамъ: Греческій, Еврейскій и пр.), которые какъ бы лучи сходились къ центру и приносили дани, не вѣдая кому. Несмотря на признаваемую нелѣпость сихъ требованій, сдѣланныхъ можетъ быть Орловымъ для того, чтобы найти предлогъ отстать отъ общества (ибо, по несовмѣстности, невозможно было ожидать принятія), кажется, что они бы еще сладили, какъ Граббе объявилъ, что въ разговорахъ съ бригаднымъ генераломъ Васильчиковымъ слышалъ: „Генералъ, говоря съ Краснокутскимъ, жалѣлъ, что нѣтъ между офицерами дружескихъ обществъ; послѣдній отвѣчалъ, что есть очень большое и имѣющее значительныхъ членовъ. Вѣроятно, что такой странный отвѣтъ возбудилъ подозрѣніе генерала, и онъ распрашивалъ подробнѣе у Граббе, не знаетъ ли чего о семъ обществѣ". Извѣстіе сіе потревожило собравшихся въ Москвѣ; они полагали, что генералъ Васильчиковъ сообщитъ навѣрно о семъ брату своему, командующему Гвардейскимъ Корпусомъ, и такимъ образомъ правительство, имѣя въ рукахъ своихъ нить, можетъ сдѣлать нѣкоторыя открытія. Послѣ сего сожжены всѣ бумаги, и общество закрыто. Н. Тургеневъ, возвратясь въ Петербургъ, разсылалъ чрезъ Семенова къ членамъ письменное о семъ объявленіе, въ которомъ между прочимъ сказано: „Общество дѣйствовало для доброй цѣли и употребляло одни благородныя средства. Правительство, подозрительное, особенно послѣ новѣйшихъ происшествій въ Европѣ, не разбираетъ средствъ, готово всѣмъ пожертвовать, и не удивительно, если откроетъ".

Такимъ образомъ кончилось существованіе Союза Благоденствія. Конечно, большая часть членовъ онаго были обольщены наружностію и вступили, не постигая цѣли; но нѣкоторыхъ изъ нихъ, кажется, никогда не должно упускать изъ виду. Весьма вѣроятно, что они желаютъ лишь освободиться отъ излишняго числа съ малымъ разборомъ навербованныхъ членовъ, коимъ неосторожно открыли все, составить скрытнѣйшее общество и дѣйствовать подъ завѣсою безопаснѣе*).

*) Изъ послѣдне-собранныхъ свѣдѣній открывается, что предполагаютъ мало по малу завести небольшія общества, подъ названіемъ Любителей Цвѣтовъ, Деревьевъ и тому подобныхъ, дабы по малому числу лучше быть прикрыту отъ глазъ полиціи; между тѣмъ главнымъ членамъ руководить ими и имѣть связь, скрывъ оную даже отъ прочихъ участниковъ.

Кажется, что наиболѣе должно быть обращено вниманіе на слѣдующихъ людей:

1) Николая Тургенева, который нимало не скрываетъ своихъ правилъ, гордится названіемъ Якобинца, грезитъ гильотиною и, не имѣя ничего святаго, готовъ всѣмъ пожертвовать, въ надеждѣ выиграть все при переворотѣ. Его-то наставленіями и побужденіями многимъ молодымъ людямъ вселенъ пагубный образъ мыслить.

2) Ѳедора Глинку. Слабый человѣкъ сей, которому нѣкоторые успѣхи въ словесности и еще болѣе лесть совершенно вскружили голову, который помѣшался на томъ, чтобъ быть членомъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ обществъ, втирается во всѣ знатные домы, рыскаетъ ко всѣмъ виднымъ людямъ, заводитъ связи, гдѣ только можно; для приданія себѣ важности, разсказываетъ каждому за тайну, что узналъ по должности или по слабости начальника; посѣщаетъ всѣ открываемые курсы; посылаетъ во всѣ журналы статьи, изъ коихъ многія не весьма внимательно разсмотрѣны цензурою; и какъ въ разговорахъ, такъ и на письмѣ, кстати и не кстати, прилѣпляетъ политику, которой вовсе не постигаетъ, но блескомъ выраженій и заимствованными мыслями слѣпитъ неопытныхъ.

3) Фонъ-деръ-Бригена, по короткой связи съ Тургеневымъ, пріобрѣтенной совмѣстнымъ ученіемъ въ Нѣмецкихъ университетахъ. Кажется, что связи по женидьбѣ долженствовали бы его нѣсколько образумить.

4) Всѣхъ Муравьевыхъ, недовольныхъ неудачею по службѣ и жадныхъ возвыситься.

5) Фонъ-Визины и Граббе, судя по разсказамъ имѣющихъ съ ними короткія связи и по дѣйствіямъ ихъ въ обществѣ, готовы на все.

6) Михайла Орловъ, кажется, послѣ женидьбы своей, началъ отставать отъ того образа мыслить, которымъ восхищались приверженцы въ его рѣчи Библейскаго Общества, перепискѣ съ Бутурлинымъ и пр.

7) Бурцовъ, при добрыхъ правилахъ и разсудкѣ, болѣе, кажется, вовлеченъ и подъ добрымъ надзоромъ могъ бы еще исправиться.

При судебномъ изслѣдованіи трудно будетъ открыть теперь что-либо о семъ обществѣ: бумаги онаго истреблены, и каждый для спасенія своего станетъ запираться; но правительство легко можетъ удостовѣриться въ истинѣ, поручивши наблюденіе за сими людьми, ихъ связями и пр., и въ слѣдствіе того принять на будущее время надлежащія мѣры. Необходимо однакожъ при семъ сказать, что сего наблюденія вовсе не можно поручить настоящему господину С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, который окруженъ людьми, участвующими въ обществѣ или приверженными имъ.

Въ заключеніе должно сказать, что буйныя головы обманулись бы въ безсмысленной надеждѣ на всеобщее содѣйствіе. Исключая

столицу, гдѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, много найдется способнаго воспламениться при обольстительныхъ средствахъ; исключая Остъ-Зейскія губерніи, лучшее дворянство которыхъ, получая воспитаніе за границею, мало имѣетъ отечественнаго, утвердительно можно сказать, что внутри Россіи и не мыслятъ о конституціи. Дворянство, по одной уже привязанности къ личнымъ своимъ выгодамъ, никогда не станетъ поддерживать какой-либо переворотъ; о низшихъ же сословіяхъ и говорить нечего: чернь всегда и вездѣ была и будетъ черные. Если бы нашлись, противъ чаянія, люди, съ добрыми даже правилами, кои, ослѣпляясь скрытнымъ честолюбіемъ и не постигая собственной гибели, стали споспѣшествовать безпокойнымъ затѣйникамъ, то такихъ очень немного. Русскіе столь привыкли къ образу настоящаго правленія, подъ которымъ живутъ спокойно и счастливо и который соотвѣтствуетъ мѣстному положенію, обстоятельствамъ и духу народа, что и мыслить о перемѣнахъ не допустятъ. Отрицать впрочемъ невозможно, что есть зародышъ безпокойнаго духа въ войскахъ, особенно въ гвардіи, прильнувшій, такъ сказать, отъ иноземцевъ во время нахожденія за границею и поддержанный стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ; но войска, сами по себѣ, ни на что не рѣшатся, а могли бы развѣ послужить орудіемъ для другихъ, какъ пагубные новѣйшіе примѣры въ другихъ странахъ доказали. При бдительномъ надзорѣ и кроткихъ, но постоянныхъ мѣрахъ, сіе можетъ быть постепенно отвращено. Между прочимъ, весьма не худо бы казалось, чтобы офицеры, какъ люди, до поступленія еще на службу совершенно приготовившіеся, перестали посѣщать частно преподаваемые курсы, особенно политическихъ наукъ, поверхностное изученіе которыхъ, безъ предварительныхъ прочныхъ основаній и безъ пособія другихъ наукъ, наноситъ величайшій вредъ. Сіе полупознаніе поставляетъ въ такое сомнительное положеніе, въ которомъ воображеніе воспламенено, духъ встревоженъ, а умъ, блуждая во мракѣ безъ руководителя, ищетъ того, чего не видитъ и не постигаетъ, и кончаетъ тѣмъ, что или еще болѣе возрастаетъ сомнѣніе, или же приводитъ на скользкій путь заблужденій.

Записка эта еще въ 1821 году подана была ген.-ад. А. Х. Бенкендорфомъ императору Александру I-му и оставалась въ кабинетѣ Его Величества до конца 1825 года. Въ этой запискѣ, за четыре года до происшествія 14-го Декабря, описаны существовавшія тогда тайныя общества съ такою вѣрностію, что почти все подтвердилось слѣдствіемъ въ 1826 году, и оттого записка Бенкендорфа имѣетъ большое сходство съ извѣстнымъ Донесеніемъ Слѣдственной Комиссіи. Это доказываетъ, что императоръ Александръ I-й, по крайней мѣрѣ съ 1821 года, имѣлъ положительныя свѣдѣнія о заговорахъ; но не приступалъ къ обнаруженію ихъ или по чувству великодушія, или въ надеждѣ, что заблудшіеся сами образумятся, или по другимъ, еще неподтвердившимся фактами, причинамъ. Между тѣмъ А. Х. Бенкендорфъ, впослѣдствіи графъ, показалъ запискою своею способность къ тайнымъ дознаніямъ, и эта записка, какъ самъ онъ потомъ говорилъ, была главною причиною, почему императоръ Николай I-й въ 1826 году назначилъ его шефомъ жандармовъ.

РАЗГОВОРЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛА Д. Н. СЕНЯВИНА СЪ МИНИСТРОМЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ГРАФОМЪ КОЧУБЕЕМЪ.

8-го Ноября 1820 года, въ Понедѣльникъ, въ началѣ десятаго часу, вице-адмиралъ Сенявинъ, пріѣхавъ въ домъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, требовалъ, чрезъ дежурнаго, быть къ нему допущеннымъ.

Вице-адмиралъ Сенявинъ, бывъ принятъ, сказалъ графу Кочубею, что онъ долгомъ своимъ счелъ обратиться тотчасъ къ нему, какъ къ министру полиціи, а потомъ и къ здѣшнему военному генералъ губернатору, по одному обстоятельству, о которомъ онъ вчера увѣдомился и которое поразило его самымъ чувствительнымъ образомъ; что ему сказано было, будто существуетъ здѣсь какое-то общество, имѣющее вредные замыслы противъ правительства, и что почитаютъ его (Сенявина) начальникомъ или головою этого общества; что всякому легко понять можно, сколько подобное заключеніе должно ему быть оскорбительно; что, служивъ всегда съ честію, пріобрѣвъ и чины и почести, имѣя большое семейство и отъ роду 60 лѣтъ, онъ съ прискорбіемъ видитъ себя подобнымъ образомъ очерненнымъ, тогда какъ онъ, вышедъ въ отставку, живетъ почти въ уединеніи и мало куда ѣздитъ.

Графъ Кочубей отвѣчалъ вице-адмиралу Сенявину, что онъ долженъ прежде всего объяснить заблужденіе его относительно заключенія, что онъ есть министръ полиціи; что министерство это Его Величествомъ уничтожено: потому что, съ минованіемъ трудныхъ военныхъ обстоятельствъ, Государь Императоръ не призналъ существованіе его нужнымъ въ спокойное время, когда Его Величество можетъ исключительно заниматься большимъ, такъ сказать, семействомъ своимъ, съ которымъ онъ изволитъ почитать себя связаннымъ, какъ отецъ съ дѣтьми своими; что тѣмъ не менѣе не скроетъ онъ отъ вице-адмирала Сенявина, что онъ слышалъ о существованіи какого-то общества, но не слышалъ, чтобъ онъ, вице-адмиралъ, былъ главнымъ орудіемъ общества; что онъ, не имѣя чести его знать и имѣя таковую въ первый разъ его у себя видѣть, никакъ бы этому не повѣрилъ: ибо всегда слышалъ о немъ, какъ о человѣкѣ благородномъ и благомыслящемъ; что какимъ образомъ предполагать можно, чтобъ кто нибудь, хотя малѣйше здравымъ разсудкомъ одаренный и сколько нибудь опытности имѣющій, пожелалъ преобразованія правительства Россійскаго, подобно тому, какъ это въ другихъ государствахъ въ послѣднее время произошло? Что какая бы цѣль такого преобразованія быть могла, еслибы даже (что невозможно) произведеніемъ его въ дѣйствіе кто нибудь и осмѣлился себя ласкать: разстройство государства, разрушеніе всѣхъ связей, нынѣ цѣлость и благоденствіе его ограждающихъ, убійства, безурядица, отторженіе разныхъ областей, презрѣніе чужеземцевъ,

варварство, какое существовало во времена Татарскаго владычества, и множество другихъ неисчислимыхъ бѣдствій; что онъ, графъ Кочубей, такъ сильно въ этомъ заключеніи убѣжденъ, что никакъ представить себѣ не можетъ, чтобъ подобное глупое, подлое, гнусное предпріятіе могло вмѣститься въ головѣ Русскаго дворянина; что онъ знаетъ, что много есть молодыхъ вѣтреныхъ людей, которые прельщаются новостями, въ Испаніи и Неаполѣ происшедшими, и которые желали бы, если бы можно было вѣрить вѣтренымъ рѣчамъ ихъ, чтобъ и здѣсь что-либо подобное сдѣлалось; но правительство наше, руководствуясь кротостію Государя, презираетъ болтаньемъ этимъ; да еслибы и важнѣе что-либо могло существовать или быть предпринимаемо, то, благодареніе Богу, правительство наше слишкомъ сильно и твердо, слишкомъ дѣятельно, чтобъ всѣхъ замысловъ этихъ благовременно не уничтожить и виновныхъ не обратить въ прахъ. „Но (примолвилъ графъ Кочубей) ваше превосходительство, „конечно, объ обществахъ вредныхъ слышали также, какъ и я?"

—Никогда; вчера только въ первый разъ объ этомъ я услышалъ, когда было сказано мнѣ, что я принадлежу къ какому-то обществу и есть онаго начальникъ.

—Кто вашему превосходительству это сказалъ?

—Позвольте, ваше сіятельство, чтобъ я этого, до времени по крайней мѣрѣ, не открывалъ. Честь моя требуетъ не компрометировать пріятеля, который, со слезами, открылъ это гнусное обвиненіе. Объ обществѣ, какомъ бы то ни было, я ничего не слыхалъ; но ваше сіятельство замѣтили правильно, что много вѣтреныхъ разговоровъ на счетъ революцій Европейскихъ происходитъ; и я помню, что, когда однажды слышалъ я, что изъявляли удивленіе, какъ въ пять дней съ такимъ спокойствіемъ въ Неаполѣ произошла перемѣна, то я тутъ же приводилъ въ примѣръ Сицилію, гдѣ, по послѣдствію революціи Неапольской, люди перерѣзались и пр. Объ обществѣ, я повторяю вашему сіятельству, мнѣ ничего неизвѣстно; я никуда почти не ѣзжу; я ѣзжу, по Понедѣльникамъ, къ старику Самбурскому, къ человѣку, у коего большое семейство. Я бываю тамъ съ моими дѣтьми; мы пьемъ чай, ужинаемъ и въ карты играемъ. Игра наша не составляетъ важнаго предмета: проигрываемъ 200, 300 и много 1000 рублей. По Понедѣльникамъ бываю я у сосѣда моего, Петра Алексѣевича Шепелева. Бываю я у Николая Семеновича Мордвинова, у Василія Степановича Попова, но весьма рѣдко. Жена моя ѣздитъ по вечерамъ, играть въ бостонъ, къ госпожамъ: Некрицкой, Скоропадской и Карцовой. Самъ я, съ того времени, какъ вышелъ въ отставку и окончилъ мои съ казною расчеты, никого почти у себя не принимаю. Прежде часто обѣдали у меня знакомые; нынѣ живу я уединенно. Бываютъ у меня довольно часто три офицера Энгельгардты, очень хорошіе молодые люди, изъ которыхъ одинъ играетъ на фортепіано, а дочери мои играютъ на арфѣ. Бываетъ у насъ одинъ офицеръ гвардейскаго егерскаго полка, молодой человѣкъ, также хорошо воспитанный. Но чтобы мнѣ войти въ какіе заговоры! Какъ можно было выдумать

подобную гнусную клевету! Я увѣренъ въ добротѣ Государя, и самодержавное правленіе есть для насъ самое лучшее.

Вице-адмиралъ Сенявинъ послѣ этого сказалъ графу Кочубею, что онъ теперь же обратится къ С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, который, какъ ему сказывали, будто уже и доносилъ Государю Императору о заговорѣ, въ коемъ онъ (вице-адмиралъ) долженъ быть начальникомъ. Онъ присоединилъ, что намѣренъ, объяснясь съ графомъ Милорадовичемъ, писать къ Его Величеству и, представя оправданіе свое, просить объ изслѣдованіи и удовлетвореніи, по обстоятельству, столько честь его оскорбляющему.

Вице-адмиралъ Сенявинъ спросилъ тутъ у графа Кочубея, когда ожидаютъ Государя Императора и сказалъ, что въ городѣ носится слухъ, будто Его Величество къ 27-му Ноября прибыть изволитъ; и что онъ не знаетъ, должно ли ему писать къ Его Величеству въ Тропау, или дождаться, дабы, по возвращеніи, принести жалобу.

Графъ Кочубей отвѣчалъ вице-адмиралу Сенявину, что о времени возвращенія Его Величества онъ ничего не знаетъ и не полагаетъ, чтобъ это кому-бы то ни было въ городѣ было извѣстно; что отъ него зависитъ объясниться съ военнымъ генералъ-губернаторомъ; что если онъ увѣренъ въ невинности своей (какъ и онъ графъ Кочубей полагаетъ), то намѣреніе его оправдаться предъ Государемъ не можетъ не быть одобрено, и это, конечно, соотвѣтствовать будетъ и имени его, и степени, до которой онъ въ службѣ достигнулъ; что̀ же касается до того, когда приличнѣе ему писать къ Государю, то это самъ онъ, и по побужденіямъ своимъ и по объясненію съ военнымъ генералъ-губернаторомъ, наилучше сообразить можетъ.

Въ этомъ заключались существенныя обстоятельства разговора вице-адмирала Сенявина съ графомъ Кочубеемъ.

Ноябрь 1820 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ДОКЛАДУ СЛѢДСТВЕННОЙ КОММИСІИ О ТАЙНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ, ОТКРЫТЫХЪ ВЪ 1825 ГОДУ.

При составленіи общаго донесенія о замыслахъ и дѣйствіяхъ бывшихъ въ Россіи злоумышленныхъ тайныхъ обществъ, Коммисія старалась не упоминать о тѣхъ обстоятельствахъ, кои, сдѣлавшись извѣстными, могли бы обратиться въ орудіе зложелательства, дать поводъ къ неосновательнымъ толкамъ, или быть причиною какого-либо, даже самаго малѣйшаго, волненія въ умахъ непросвѣщенныхъ, наипаче же въ низшихъ состояніяхъ. Для сего и чтобы съ другой стороны вполнѣ представить всѣ собранныя ею свѣдѣнія, Коммисія признала нужнымъ означить подлинно въ семъ *приложеніи* послѣдствія изысканій своихъ о томъ:

1) Не имѣли ли вліянія на дѣйствія и планы злоумышленниковъ державы иностранныя?

2) Не были ли съ ними въ сообщничествѣ люди значительные по сану своему или мѣстамъ, ими въ государствѣ занимаемымъ?

И наконецъ 3) какими средствами злоумышленники надѣялись обольстить войско, народъ и вообще найти себѣ пособниковъ между непринадлежавшими къ ихъ сообществамъ?

Относительно перваго изъ сихъ пунктовъ, Коммисія, по дошедшимъ до нея извѣстіямъ, могла бы имѣть подозрѣнія: на дворъ Стокгольмскій, потому что носился слухъ, будто въ Финляндіи есть тайное общество, желающее присоединенія сей области къ Швеціи; или на Австрію, по тѣснымъ родственнымъ связямъ одного изъ главныхъ мятежниковъ *князя Трубецкаго* съ бывшимъ посланникомъ Австрійскимъ графомъ *Лебцельтерномъ*; или на Англію, ибо нѣкоторые изъ допрошенныхъ утверждали, что кабинетъ Сенджемскій обѣщалъ помогать Варшавскому тайному обществу въ предпріятіяхъ онаго для отдѣленія Польши отъ Россіи. Но по точнѣйшемъ изслѣдованіи оказывается, что нѣтъ основательныхъ причинъ питать сіи подозрѣнія. Финляндское общество есть не что иное, какъ выдумка злоумышленниковъ, подобная многимъ другимъ, коими они старались ободрять другъ друга. О бывшемъ посланникѣ Австрійскомъ, *князь Трубецкой* въ своихъ, весьма пространныхъ, показаніяхъ говоритъ только, что ввечеру 14-го минувшаго Декабря своякъ его, разсуждая о происшествіяхъ сего дня, сказалъ: Que diable, si l'on voulait faire une révolution, ce n'est pas comme cela qu'il fallait s'y prendre (кой чортъ, если хотѣли сдѣлать революцію, то должно бы не такъ за это взяться). Сіи слова безъ сомнѣнія не могутъ служить доказательствомъ доброжелательства къ Россіи, но они доказываютъ *) по крайней мѣрѣ, что планъ заговора и мятежа не былъ извѣстенъ *графу Лебцельтерну*. Наконецъ все вышеозначенное объ участіи Англіи могло быть вымысломъ

*) Какое же это доказательство? И. Б.

депутатовъ Польскаго общества, имѣвшихъ сношенія съ Южнымъ. Они утверждали, что г. *Стратфордъ-Каннингъ*, проѣзжая изъ Петербурга чрезъ Варшаву, видѣлся тайно съ нѣкоторыми ихъ сочленами; но Государь Цесаревичь, на донесеніе о томъ отъ предсѣдателя Коммисіи, отвѣтствовалъ, что это ложь, ибо ему были извѣстны всѣ поступки, всѣ шаги г. *Стратфорда-Каннинга*, въ кратковременное пребываніе его въ Варшавѣ. *Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ* показываетъ, что оное свиданіе было не въ Варшавѣ, а въ Дрезденѣ, съ Польскимъ генераломъ *Княжевичемъ*; но сіе показаніе, основанное на слухахъ, едва ли заслуживаетъ какое-либо вниманіе [1]), а того менѣе онаго достойны связи, которыя, буде вѣрить *Рылѣеву*, имѣлъ лейтенантъ *Завалишинъ* съ г-мъ *Сальманомъ*, бывшимъ здѣсь посланникомъ Испанскаго революціоннаго правленія, и съ генераломъ *Бойе*, родственникомъ президента республики Санъ-Домингской.

На второй вопросъ Коммисія, къ чести всѣхъ, болѣе или менѣе удостоенныхъ довѣренности правительства, можетъ отвѣчать совершенно отрицательно. Что никто изъ значительныхъ въ Россіи людей не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ открытомъ заговорѣ, въ томъ давно удостовѣряютъ и единогласныя показанія допрошенныхъ злоумышленниковъ, и дѣйствія, и самая степень вліянія надъ ними извѣстныхъ нынѣ ихъ начальниковъ, людей почти ничтожныхъ. Когда коммисары Польскаго тайнаго общества спросили у полковника *Пестеля*, кто изъ важныхъ государственныхъ чиновниковъ съ нимъ въ сообщничествѣ: то онъ, какъ сіе означено выше, принужденъ былъ отвѣчать безсмысленно, и депутаты Варшавскаго общества отгадали причину такого отвѣта. Руководители Общества Сѣвернаго, замышляя учрежденіе временнаго правительства, назначали въ оное членовъ Государственнаго Совѣта, именно, какъ говорятъ они, адмирала *Мордвинова* и тайнаго совѣтника *Сперанскаго*; но единственно потому, что первый, адмиралъ *Мордвиновъ*, часто въ Совѣтѣ изъявлялъ мнѣнія противныя предположеніямъ министерствъ, а втораго, тайнаго совѣтника *Сперанскаго*, они (по словамъ князя *Трубецкаго*) *считали не врагомъ новостей*. Одинъ (*Рылѣевъ*) сверхъ того думалъ, что *Батенковъ*, живучи въ домѣ и, какъ полагали они, пользуясь довѣренностію г. *Сперанскаго*, могъ склонить его къ ихъ цѣли. *Рылѣевъ* иногда говорилъ своимъ соумышленникамъ: *Сперанскій нашъ*! а иногда, и даже въ послѣднее время, только: *онъ будетъ нашъ*; *мы на него дѣйствуемъ чрезъ Батенкова*. Но сей самый *Батенковъ*, который лучше зналъ и образъ мыслей г. *Сперанскаго* и свои съ нимъ сношенія, какъ скоро лишь стали разсуждать о составѣ временнаго правленія, сказалъ рѣшительно: *Нѣтъ, Сперанскаго не надобно*. Онъ членомъ сего правленія хотѣлъ сдѣлать себя, архіепископа *Филарета* и адмирала *Мордвинова*, но и то (какъ онъ самъ показываетъ) лишь для ослѣпленія общаго мнѣнія, надѣясь вскорѣ удалить г. *Мордвинова*,

---

[1]) *Стратфордъ-Каннингъ*, какъ увѣдомилъ Государь Цесаревичь Коммисію, и не проѣзжалъ чрезъ Дрезденъ въ 1825-мъ году.

отдавъ его мѣсто князю *Сергѣю Трубецкому*, а у преосвященнаго *Филарета* отнять возможность дѣйствовать: *ибо онъ съ Трубецкимъ имѣлъ бы во всѣхъ случаяхъ большинство голосовъ на своей сторонѣ.* Впрочемъ, ясно видно, по извѣтамъ *Батенкова*, наполненнымъ подробностями, даже мелочами, что г. *Сперанскій*, и будучи благодѣтелемъ его, всегда однакоже его считалъ человѣкомъ неосновательнаго ума и часто предсказывалъ, что онъ погубитъ себя *неосторожными связями и вздорными мечтами.* Но *Батенковъ* не говорилъ о томъ съ своими товарищами. Вообще (какъ сіе было уже замѣчено) они всѣ были весьма неискренны другъ съ другомъ и не стыдились лжи самой грубой. Такъ Измайловскій поручикъ *Гудимовъ* (впрочемъ не членъ обществъ) расказывалъ мичманамъ *Бѣляевымъ*, 13-го Декабря, будто адмиралъ *Мордвиновъ*, отправляясь въ Совѣтъ отъ *Львовыхъ*, думалъ, что не возвратится, ибо не хочетъ присягать, и прибавилъ: *теперь не намъ, а вамъ, господа, и гвардіи должно дѣйствовать.* Сей нелѣпой баснѣ, кажется, и слушавшіе ее молодые мичманы не повѣрили. Изъ одного показанія открывается еще, что нѣкоторые члены Южнаго Общества упоминали о вице-адмиралѣ *Сенявинѣ*, и потому только, что, слышавъ объ его отставкѣ, считали его въ числѣ недовольныхъ правительствомъ. Другіе, здѣшніе, надѣялись также на сенаторовъ *Муравьева-Апостола* [1]), *Баранова*, а прежде и на покойнаго *Столыпина*, но почему, особливо на двухъ послѣднихъ (ибо перваго они, конечно, мыслили увлечь посредствомъ сыновей его), того никто изъ нихъ не умѣлъ объяснить. Ихъ невѣдѣніе о степени значительности людей въ государственной службѣ и въ свѣтѣ простиралось до того, что *Рылѣевъ* сказалъ однажды: *О, въ Сенатѣ у насъ есть надежная опора, человѣкъ рѣшительный, оберъ-прокуроръ Краснокутскій*; а въ одномъ изъ отвѣтовъ на допросы онъ пишетъ: *насъ ободряло и то, что двое изъ нашихъ сочленовъ, Трубецкой и Никита Муравьевъ, были въ родствѣ съ многими знатными домами; одинъ же, Н. Тургеневъ, занималъ важное мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ* (мѣсто помощника статсъ-секретаря).

Что касается до послѣдняго, важнѣйшаго изъ вышепредложенныхъ вопросовъ, то по всему кажется, что злоумышленники, не смотря на ихъ чрезвычайное ослѣпленіе, сами иногда чувствовали ничтожность собственныхъ силъ своихъ, и потому средствъ для успѣха искали внѣ своего круга. Они надѣялись, особливо въ случаѣ удачи, привлечь на свою сторону крѣпостныхъ поселянъ, обѣщаніемъ свободы и раздѣленіемъ земель [2]); другихъ же гражданъ

---

[1]) И. М. Муравьевъ-Апостолъ считался другомъ графа Н. П. Панина. *П. Б.*

[2]) *Рылѣевъ* показываетъ, что планъ *Пестеля* былъ: раздѣлить всѣ земли, казенныя и помѣщичьи, на двѣ части; потомъ одну половину передѣлить также поровну, между крестьянами, давъ имъ на сіи участки право вѣчнаго потомственнаго владѣнія, даже продажи; другую же половину оставить помѣщикамъ; а въ казенныхъ селеніяхъ — надѣлять изъ нее крестьянъ ежегодно, по ихъ требованію, начиная съ тѣхъ, кои будутъ требовать менѣе. Симъ способомъ *Пестель* думалъ уничтожить нищихъ, хотя, по его же расчетамъ, приходилось бы всего не болѣе 5 десятинъ на душу.

дарованіемъ равныхъ правъ всѣмъ состояніямъ, прощеніемъ недоимокъ, уничтоженіемъ нѣкоторыхъ податей и установленій, стѣсняющихъ рукодѣлья или торговую промышленность, а войско — уменьшеніемъ лѣтъ службы солдатъ. Для того, 14-го Декабря, они хотѣли требовать, съ одной стороны съѣзда депутатовъ отъ всѣхъ состояній, дворянства, купечества, духовенства и поселянъ, съ каждаго по два, съ другой обнародованія завѣщанія императора Александра, коимъ будтобы опредѣлялось рядовымъ служить не болѣе 15 лѣтъ. Сверхъ того, вѣря слухамъ о неудовольствіяхъ въ военныхъ поселеніяхъ, они полагали, что легко могутъ возбудить ихъ къ содѣйствію [1]). *Батенковъ* утверждалъ своихъ сообщниковъ въ сей мысли. При немъ *Николай Бестужевъ* говорилъ однажды, что въ Кронштадтѣ занимаются только билліардомъ, а тамъ бы, по его мнѣнію, быть Русскому острову *Леону*. — *Нѣтъ*! отвѣчалъ *Батенковъ*, *нашему острову Леону должно быть на Ильменѣ или Волховѣ.* Когда они замышляли бунтъ, 14-го Декабря, то въ ихъ планѣ было (сіе показываютъ гласно *Рылѣевъ* и князь *Трубецкой*), при неудачѣ отступить къ Новогородскимъ военнымъ поселеніямъ, чтобъ произвести въ оныхъ возмущеніе; *а еслибы и тамъ не удалось*— прибавилъ *Рылѣевъ*, то стараться взволновать крестьянъ объявленіемъ вольности [2]). „Въ войскахъ же, такъ говорятъ Сергѣй и Матвѣй *Муравьевы*, есть начала, коими смѣлый мятежникъ можетъ всегда воспользоваться для произведенія неустройствъ". Главнымъ они почитаютъ пороки настоящаго образа продовольствія; ибо эти нижніе чины не только лишаются принадлежащихъ имъ по праву остатковъ и всѣхъ выгодъ бережливости, но иногда не имѣютъ и достаточнаго пропитанія; видя же, что начальники похищаютъ ихъ собственность, пріучаются и ненавидѣть, и презирать ихъ. Другое, столь же важное зло, есть большое число *штрафованныхъ* солдатъ и разжалованныхъ офицеровъ и иныхъ чиновниковъ, людей если не всегда очернившихъ себя злодѣяніями, то по крайней мѣрѣ оказавшихъ худыя склонности, и сверхъ того лишенныхъ всякой надежды на улучшеніе судьбы своей въ будущемъ, слѣдственно готовыхъ на все.

Злоумышленники думали также, что найдутъ себѣ пособіе и въ общемъ расположеніи умовъ. Слыша ропотъ и жалобы на злоупотребленія, безпорядки во многихъ частяхъ управленія, на лихоимство, почти всегда ненаказанное и даже незамѣчаемое началь-

---

[1]) Еще въ 1817 году, на совѣщаніи, въ коемъ *Якушкинъ* вызывался убить покойнаго Государя, одинъ членъ (Сергѣй *Муравьевъ*) предлагалъ воспользоваться тѣмъ, что̀ происходило тогда въ Новогородскихъ поселеніяхъ. Подполковникъ *Ентальцевъ*, въ Декабрѣ минувшаго 1825-го года, обѣщалъ своимъ сообщникамъ, но какъ увѣряетъ, притворно, идти съ своею ротою артиллеріи на Бугскія военныя поселенія. *В. Давыдову*, жившему въ сосѣдствѣ сихъ поселеній, было отъ Южнаго Общества поручено дѣйствовать на оныя.

[2]) Онъ, *Рылѣевъ*, совѣтовалъ *Каховскому* идти служить въ военныхъ поселеніяхъ.

ствомъ, на медлительность и неправильность въ теченіи дѣлъ, на несправедливости и въ приговорахъ судебныхъ, и въ награжденіяхъ по службѣ, и въ назначеніяхъ къ должностямъ, на изнеможеніе главныхъ отраслей народной промышленности, на чувствительное обѣднѣніе и самыхъ богатѣйшихъ классовъ, которыя, въ досадѣ, каждый болѣе или менѣе приписываетъ мѣрамъ правительства, они воображали, что всѣ, быть можетъ съ излишнею, нескромною живостію изъявлявшіе неудовольствіе, пристанутъ къ нимъ и уже въ душѣ ихъ сообщники. Они забыли, что въ глазахъ человѣка съ умомъ здравымъ и съ правилами чести, никакое неудовольствіе, хотя бы и основательное, не извиняетъ беззаконія; что онъ скорѣе откажется и отъ собственннаго блага и отъ мысли быть полезнымъ, нежели отъ исполненія долга, отъ соблюденія клятвъ, имъ данныхъ.

Происшествія 14-го Декабря и послѣдствія оныхъ доказали свѣту и самимъ мятежникамъ, какъ они заблуждались въ своихъ расчетахъ. Нѣкоторые признаютъ сію ошибку свою, описывая дѣла и случаи, подавшіе къ ней поводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ представляемой ими картинѣ многое увеличено, а иное должно быть отнесено къ обстоятельствамъ, часто независящимъ отъ правительства, или къ несовершенству всего человѣческаго. Но Коммисія сочла обязанностію своею означить все, могущее въ чемъ-либо служить къ дополненію свѣдѣній о состояніи государства. Ей извѣстно, что всякая истина, и враждебными, и недостойными ея устами произнесенная, имѣетъ доступъ къ Монарху, который можетъ быть счастливъ только счастіемъ Россіи.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ.

Когда К. Я. Булгаковъ былъ переведенъ изъ директоровъ Московскаго почтамта въ Петербургъ на таковую-же должность, на мѣсто его назначенъ былъ Рушковскій *), съ незапамятныхъ временъ служившій по Московскому почтовому вѣдомству. Никто никогда не зналъ ни происхожденія, ни родства его. Онъ точно родился на почтѣ: почта была мать его, семейство, родина. Извѣстная жизнь его начиналась съ почты и почтою кончилась она. Онъ былъ какой-то почтовой самородокъ. По нѣкоторымъ слухамъ, примѣтамъ и по выговору его, можно было приписать его къ Бѣлоруссамъ, съ отпечаткомъ іезуитскаго образованія. Онъ былъ большой оригиналъ, умный, со свѣдѣніями и, по крайней мѣрѣ, повидимому, простосердечный, скромный, даже когда судьба возвела его на почтъ-директорское мѣсто, мѣсто вездѣ и всегда значительное, а въ Москвѣ, небогатой представительными должностями, и подавно. Всегда оживленный, веселый, гостепріимный домъ К. Я. Булгакова претворялся со дня на день въ домъ пустынный, отшельническій, въ келью. Въ первый разъ, что я навѣстилъ Рушковскаго въ новомъ жительствѣ его, онъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу съ подсвѣчникомъ, въ которомъ тускло горѣла сальная свѣча. Я тогда отправлялся въ Петербургъ и шутя спросилъ его, не дастъ-ли онъ мнѣ писемъ, чтобы избавиться отъ любопытства и нескромности почты. Надобно было видѣть, съ какимъ страннымъ и словно испуганнымъ выраженіемъ въ лицѣ принялъ онъ предложеніе мое. — „Нѣтъ", сказалъ онъ, „благодарю, но и вамъ не совѣтую писать никогда съ отъѣзжающими: это ненадежнѣе, а часто и опаснѣе, нежели писать прямо по почтѣ". Булгаковъ очень любилъ и уважалъ его. Вѣроятно, онъ и указалъ начальству на него, какъ на преемника себѣ; преемника, но вовсе не наслѣдника. При Булгаковыхъ, т. е. при Константинѣ Яковлевичѣ, а послѣ кончины Рушковскаго, при Александрѣ Яковлевичѣ, почтамтъ отличался любезною угодливостью всѣмъ невиннымъ ходатайствамъ Московскихъ барынь, особенно молоденькихъ и пригоженькихъ, по части писемъ и вообще почтовыхъ сношеній и удобствъ. Съ Рушковскимъ ничего этого не было. Почтамтъ сдѣлался заповѣднымъ монастыремъ и недоступною крѣпостью: съ нимъ существовали одни оффиціальныя сношенія. Въ Москвѣ Рушковскаго никто не зналъ; онъ былъ нелюдимъ и не общителенъ. Кажется, и милый нашъ всеобщій корреспондентъ и общій почтовой приживалка, Тургеневъ, не бывалъ въ перепискѣ съ нимъ: эта черта обрисовываетъ Рушковскаго. Во время бытности императора Александра въ Москвѣ, Рушковскій представлялся ему въ кабинетѣ его. Государь, отпуская его, когда онъ прибли-

*) Иванъ Александровичъ Рушковскій (старый холостякъ), Бѣлоруссъ родомъ, зналъ много иностранныхъ языковъ. *П. Б.*

зился къ дверямъ, сказалъ ему: Il y a là une marche, prenez garde de tomber [1]). Еще не договорены были слова Государя, а Рушковскій задѣлъ за ступеньку и повалился. Падая, говоритъ онъ: C'est déja fait, votre majesté [2]).

*

А вотъ и другой почтовой анекдотъ довольно историческій и характеристическій.

И. Б. Пестель, въ званіи Петербургскаго почтъ-директора и президента главнаго почтоваго правленія при императорѣ Павлѣ, пользовался особеннымъ благоволеніемъ его и довѣренностію. Графъ Ростопчинъ, родъ перваго министра, въ то время, былъ недоволенъ этимъ. Не любилъ-ли онъ Пестеля, имѣлъ-ли причину не любить, забывался-ли предъ нимъ Пестель при счастіи своемъ и можетъ быть, въ ожиданіи и надеждѣ на счастіе еще болѣе возвышенное, опасался-ли его Ростопчинъ, какъ соперника, который рано или поздно можетъ побѣдить его, или просто не довѣрялъ онъ искренности, преданности его къ Государю? Все это остается не разъясненною тайною. Но вотъ какую западню устроилъ Ростопчинъ противъ Пестеля. Онъ написалъ письмо отъ неизвѣстнаго, который увѣдомляетъ пріятеля своего за границею о заговорѣ противъ Императора и входитъ въ разныя подробности по этому предмету; въ заключеніе говоритъ онъ: „Не удивляйтесь, что пишу вамъ по почтѣ; нашъ почтъ-директоръ Пестель съ нами". Ростопчинъ приказалъ отдать письмо на почту, но такъ (не извѣстно, какимъ способомъ), что письмо должно было непремѣнно возбудить вниманіе почтоваго начальства и быть передано главноуправляющему для перлюстраціи. Графъ Ростопчинъ хорошо зналъ характеръ императора Павла, но хорошо зналъ его и Пестель. Онъ не рѣшился показать письмо Императору, который, по мнительности и вспыльчивости своей, не далъ-бы себѣ времени порядочно изслѣдовать достовѣрность этого письма, а тутъ же уволилъ-бы его, или сослалъ. Графъ Ростопчинъ также все это сообразилъ и съ большою надеждою на удачу. Нѣсколько дней спустя, видя, что Пестель утаеваетъ письмо, доложилъ онъ Государю о ходѣ всего дѣла, объясняя, разумѣется, что единственнымъ побужденіемъ его было испытать вѣрность Пестеля, и что во всякомъ случаѣ повергаетъ онъ повинную голову свою предъ его величествомъ. Государь поблагодарилъ его за прозорливое усердіе къ нему. Участь Пестеля рѣшена: прекращены дальнѣйшіе успѣхи его, по крайней мѣрѣ, на все настоящее царствованіе; онъ уволенъ отъ занимаемаго имъ мѣста. Но этимъ не довольствуется торжество Ростопчина. Онъ былъ ума насмѣшливаго, и ему захотѣлось еще пошутить надъ жертвою своею, такъ сказать, подурачить ее. До сообщенія Пестелю именнаго повелѣнія, онъ приглашаетъ его къ себѣ на обѣдъ. Тотъ, обольщенный успѣхами своими, является къ обѣду въ попы-

---

1) Тутъ ступенька; смотрите, не упадите.

2) Я уже упалъ, ваше величество.

хахъ и съ нѣкоторою самоувѣренностью. Хозяинъ расточается предъ гостемъ своимъ въ особенныхъ вѣжливостяхъ и ласкахъ. Пестель при этомъ думаетъ, что Ростопчинъ начинаетъ опасаться его и хочетъ задобрить. Онъ проговаривается и двусмысленными словами указываетъ на виды свои въ будущемъ. Возвратившись домой отъ обѣда, находитъ онъ офиціальную бумагу, вовсе не согласную съ розовыми мечтаніями честолюбія его. (Слышано отъ Карамзина).

Вотъ какіе разыгрываются водевили, а иногда и драмы на скользкой сценѣ честолюбивыхъ замысловъ и столкновеній. Графъ Ростопчинъ былъ человѣкъ страстный, самовластный. При всей образованности своей, которая должна-бы укрощать своельные порывы, онъ часто бывалъ необузданъ въ увлеченіяхъ и дѣйствіяхъ своихъ. Но онъ не былъ золъ, хотя, можетъ быть, былъ нѣсколько злопамятенъ. Дружба его съ доблестнымъ княземъ Циціановымъ, уваженіе къ Суворову, позднѣе постоянно пріятельскія сношенія съ Карамзинымъ, благоговѣйная признательность къ памяти императора Павла, благодѣтеля своего, а во время служенія при немъ, искренность въ изложеніи мнѣній своихъ, искренность доходившая иногда до неустрашимости и гражданскаго геройства, все это доказываетъ, что онъ способенъ былъ питать въ себѣ благородныя и возвышенныя чувства.

*

И. Б. Пестель-одно изъ воспоминаній дѣтства моего. Онъ часто бывалъ въ домѣ нашемъ въ Москвѣ. Мой отецъ, довольно строгій и исключительный въ пріязняхъ своихъ, былъ, сколько мнѣ извѣстно, дружески расположенъ къ нему. Эти пріятельскія отношенія сохранялись до кончины отца моего. Когда привезъ онъ меня въ Петербургъ для помѣщенія въ пансіонъ, онъ часто видѣлся съ Пестелемъ. До вступленія моего въ училище я также часто видался съ сыновьями его, почти одного возраста со мною. Вѣроятно товарищемъ въ играхъ моихъ былъ и несчастный, столь горестно кончившій свое политическое и земное поприще. Жена Пестеля, какъ узналъ я изъ семейныхъ преданій, была очень умная и любезная женщина. Мои родители очень любили и уважали ее; а сколько мнѣ извѣстно, моя мать была также довольно разборчива въ связяхъ своихъ. Съ нею ѣзжали къ намъ мать ея, Крокъ, съ ея дочерью незамужнею. Салонъ отца моего былъ салономъ разговора: слѣдовательно посѣщавшіе его должны были вносить, кто болѣе, кто менѣе, свою долю ума и любезности. Въ маленькой комнатной библіотекѣ отца моего, въ одномъ шкапѣ съ книгами, за стеклами хранился маленькій, очень маленькій, бѣлой шолковой матеріи, башмачекъ. Послѣ узналъ я, что этотъ сандрильоновскій башмачекъ обувалъ маленькую ножку г-жи Пестель. Honny soit qui mal y pense.

*

Князь Бѣлосельскій (отецъ милой и образованной княгини Зинаиды Волконской) былъ, какъ извѣстно, любезный и просвѣщен-

ный вельможа, но бѣдовый поэтъ. Его поэтическія вольности (licences poëtiques) были безграничны до невозможности. Однажды въ Москвѣ написалъ онъ оперетку, кажется, подъ заглавіемъ *Олинька*. Ее давали на домашнемъ и крѣпостномъ театрѣ Алексѣя Аѳанасьевича Столыпина. Не придворная, а просто дворовая труппа его, отличалась нѣкоторыми художественными актерами, которые послѣ заняли почетныя мѣста въ императорскомъ Московскомъ театрѣ. Помню между прочими одного изъ нихъ, Лисицына: онъ былъ очень забавенъ въ комическихъ роляхъ простачковъ и долго смѣшилъ Московскую публику. Оперетка князя Бѣлосельскаго была приправлена пряностями самаго соблазнительнаго свойства. Хозяинъ дома, въ своемъ нелиттературномъ простосердечіи, а, можетъ быть, и въ слѣдствіе общаго вкуса стариковъ къ крупнымъ шуткамъ, которыя кажутся имъ тѣмъ болѣе забавны, что они не очень цѣломудренны, созвалъ Московскую публику къ представленію оперы князя Бѣлосельскаго. Сначала все было чинно и шло благополучно.

Благопристойности ничто не нарушало.
Но Бѣлосельскій былъ *не разъ бѣдамъ* начало.

Вдругъ посыпались шутки даже и недвусмысленно-прозрачныя, а прямо набѣло и на голо. Въ публикѣ удивленіе и смущеніе. Дамы, многія вѣроятно по чутью, чувствуютъ что-то неловко и неладно. Дѣйствіе переходитъ со сцены на публику: сперва слышенъ шопотъ, потомъ ропотъ. Однимъ словомъ, театральный скандалъ въ полномъ разгарѣ. Нѣкоторые мужья, не дождавшись конца спектакля, поспѣшно съ женами и дочерьми выходятъ изъ залы. Дамы, присутствующія тутъ безъ мужей, молодыя вдовы, чинныя старухи слѣдуютъ этому движенію. Зала пустѣетъ. Слухи объ этомъ представленіи доходятъ до Петербурга и до правительства. Спустя недѣли двѣ (тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ), князь Бѣлосельскій тревожно вбѣгаетъ къ Карамзину и говоритъ ему: „Спаси меня: императоръ (Павелъ Петровичь) повелѣлъ, чтобы немедленно прислали ему рукопись моей оперы. Сдѣлай милость, исправь въ ней всѣ подозрительныя мѣста; очисти ее, какъ можешь и какъ умѣешь“. Карамзинъ тутъ-же исполнилъ желаніе его. Очищенная рукопись отсылается въ Петербургъ. Немедленно въ такомъ видѣ, исправленную и очищенную, предаютъ ее, на всякій случай, печати. Все кончилось благополучно: ни автору, ни хозяину домашняго спектакля не пришлось быть въ отвѣтственности.

Для статистическаго и типографическаго опредѣленія прибавимъ еще нѣсколько словъ: домъ Столыпина, въ Знаменскомъ переулкѣ, близъ Арбатскихъ воротъ, не горѣлъ въ пожаръ 1812 года и существуетъ донынѣ. Въ старину, то есть при владѣльцѣ Столыпинѣ, былъ онъ, какъ мы видимъ, сборнымъ мѣстомъ увеселеній и драматическихъ зрѣлищъ. Старая Москва славилась не однимъ этимъ театральнымъ барскимъ домомъ. Были домашніе, дворовые и даровые спектакли у князя Шаховскаго, бригадира Дурасова, Позняко-

ва. Комикъ князь Шаховской, въ забавной комедіи, осмѣялъ эти *полубарскія затѣи* родственника своего или однофамильца. Но мы опять скажемъ: эти *затѣи* были не худшая сторона Русскаго крѣпостничества. Напротивъ, они имѣли и свое хорошее значеніе. Домъ Столыпина перешелъ послѣ во владѣніе князя Хованскаго, а отъ него купленъ былъ княземъ Трубецкимъ, и вотъ по какому случаю. По сосѣдству съ нимъ былъ домъ князя Андрея Ивановича Вяземскаго, у Колымажнаго двора *). Когда князь скончался, на отпѣваніе приглашенъ былъ Московскій викарій. По ошибкѣ пріѣхалъ онъ въ домъ Хованскаго и, увидѣвъ князя, сказалъ, онъ ему: „Какъ я радъ, князь, что встрѣчаю васъ; а я думалъ, что приглашенъ въ домъ вашъ для печальнаго обряда". Хованскій былъ очень суевѣренъ и вовсе не располагался умирать. Онъ не взлюбилъ дома своего и поспѣшилъ продать его при первомъ удобномъ случаѣ.

*

Длинный, многословный разскащикъ имѣлъ привычку поминутно вставлять въ рѣчь свою: *короче сказать*.—„Да, попробуй хоть разъ сказать *длиннѣе сказать*", перервалъ его N. N.: „авось будетъ короче".

*

Умному К. совѣтывали жениться на умной и любезной дѣвицѣ Б. И она и онъ были рябые.—„Что-же", отвѣчалъ онъ, „вы хотите, чтобы дѣти наши были вафли".

*

Говорили объ *интересномъ* и нѣсколько двусмысленномъ положеніи молодой ***... „А мужъ ея", сказала одна изъ ея пріятельницъ, „такъ глупъ, что онъ даже не слыхалъ, что жена его беременна".

*

Нѣкоторые драматическіе писатели — за чѣмъ называть ихъ поименно? — отвергли три классическія драматическія единства: времени, мѣста и содержанія, или интереса. Они замѣнили ихъ единымъ единствомъ: единствомъ скуки.

*

Въ походахъ своихъ на драматическихъ Французскихъ классическихъ писателей, А. М. Пушкинъ перевелъ между прочимъ и комедію Реньяра *Игрокъ* и, помнится, удачнѣе другихъ попытокъ своихъ. Ее должны были разыгрывать любители въ подмосковной Екатерины Владиміровны Апраксиной. Сама хозяйка принимала въ ней участіе, равно какъ и самъ переводчикъ, княгиня Вяземская, Василій Львовичь Пушкинъ, и другіе. Роль слуги передана была Б., видному мущинѣ, который держалъ себя особенно благоприлично. Пушкинъ находилъ, что онъ и въ роли своей немного чопоренъ, и замѣтилъ это ему, какъ чадолюбивый родитель дѣтища, которое должно было явиться въ свѣтъ, какъ режиссеръ домашняго спектакля и какъ самъ отличный актеръ. — „А позвольте

*) Нынѣ княгини Натальи Владиміровны Долгорукой.

спросить", возразилъ Б.: „благородный-ли спектакль у насъ, или нѣтъ?" — „Разумѣется, благородный".—„Такъ предоставьте же мнѣ разыгрывать роль свою благородно, а не полакейски"..

*

Совмѣстникъ А. М. Пушкина по части драматическихъ переводовъ былъ Дмитрій Евгеніевичъ Кашкинъ, братъ извѣстнаго и любимаго въ Москвѣ бригадира, а потомъ сенатора Николая Евгеніевича. Но этотъ нападалъ болѣе на новѣйшихъ Французскихъ трагиковъ: классиковъ оставлялъ онъ въ покоѣ. Такимъ образомъ смастерилъ онъ съ полъ-дюжины трагедій. Пушкинъ, встрѣтясь съ нимъ, спрашиваетъ: „Нѣтъ-ли у васъ новой трагедіи"?—„Нѣтъ", отвѣчалъ онъ, „я трагедіи оставилъ; мнѣ показалось, что это не мой родъ: я принялся за комедіи".

*

Въ Константинополѣ спросилъ я одного извѣстнаго и знаменитаго Греческаго поэта, многіе-ли нынѣ занимаются поэзіею въ Греціи? — „Кому-же теперь заниматься?" отвѣчалъ онъ. „Мы съ братомъ захватили всю поэзію: я драматическую, а онъ лирическую. Другимъ тутъ мѣста нѣтъ". — Вотъ семейный и братскій миролюбивый раздѣлъ.

*

А. М. Пушкинъ, по сходству фамилій, величалъ всегда графомъ одного барина, который никакого графства за собой не имѣлъ. Кто-то замѣтилъ Пушкину ошибку его.—„А, теперь понимаю", сказалъ онъ, „почему, когда случается мнѣ заговорить съ нимъ, онъ поспѣшно отводитъ меня въ уголъ комнаты, чтобы подальше отъ людей и безпрепятственно насладиться, когда я *сіятельствую его*".

*

Одна милая, умная, молодая женщина, въ откровенной исповѣди, сказала мнѣ...... но какъ пересказать то, что она мнѣ сказала? Впрочемъ попробуемъ, но съ слѣдующею оговоркою, въ видѣ предостережнія:

La mére en défendra la lecture à sa fille;

а особенно:

L'époux en défendra la lecture à sa femme *)

Вотъ сущность словъ моей своеобразной собесѣдницы: „Женщина, которая себя уважаетъ и не совсѣмъ заглушила совѣсть свою, „ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ увлеченіяхъ страсти, не „позволитъ себѣ подвергнуться опасенію водворить въ семью свою „дѣтей, которыя не принадлежали бы мужу ея. Но разъ мужемъ „*застрахованная* на извѣстный срокъ (ея собственное выраженіе), „это дѣло другое: тогда она не такъ безусловно обязана бороться „съ наступающимъ искушеніемъ. Такимъ образомъ уравниваются

*) Мать запретитъ читать объ этомъ своей дочери.—Мужъ запретитъ читать объ этомъ своей женѣ.

„брачныя права и отвѣтственность между супругами. Въ устрой„ствѣ нашего общества, главное преимущество мужа предъ женою „заключается въ томъ, что проступокъ, что грѣхъ его не позо„ритъ семьи, не вводитъ въ нее беззаконныхъ наслѣдниковъ и на„слѣдницъ: семья остается ненарушимою твердынею, святынею, по „крайней мѣрѣ, фактически непоруганною и незатронутою. Вы „мущины счастливы: даже и преступленіе ваше имѣетъ въ поль„зу свою облегчающія вину обстоятельства“. Вотъ новыя соображенія для любопытной главы философіи и физіологіи брака.

*

Дмитрій Гавриловичь Бибиковъ, узнавъ о болѣзни одного изъ нашихъ государственныхъ людей, посѣтилъ его. Ему показалось, что больной очень задумчивъ и мраченъ. Приписывая это опасенію за исходъ болѣзни, началъ онъ утѣшать его, говоря, что онъ вовсе не такъ боленъ и скоро непремѣнно оправится.—„Вовсе не за себя безпокоюсь“, отвѣчалъ тотъ; „а мнѣ жаль бѣдной Россіи: что будетъ съ нею, когда я умру“. Вотъ человѣкъ, который, при всемъ обширномъ умѣ и большихъ способностяхъ своихъ, имѣлъ простодушіе думать, что онъ *необходимъ*.

А на что-же Провидѣніе? Оно не воплощается въ одномъ человѣкѣ. Иногда оно какъ будто выдаетъ полномочіе ему; но все это на извѣстное время, и къ тому-же на извѣстныхъ условіяхъ. У Провидѣнія есть всегда въ запасѣ свои калифы на часъ.

*

На бѣломъ свѣтѣ лишнихъ людей много, нужныхъ мало, необходимыхъ вовсе нѣтъ.

*

Князь Андрей Кириловичь Разумовскій былъ въ молодости очень красивый мущина и славился своими счастливыми любовными похожденіями, то есть *благородными интригами*, какъ говорится у насъ въ провинціи, и какъ говорилось еще и недавно въ нашихъ столицахъ. Онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь. Въ то время Неаполитанскою королевою была Каролина, извѣстная красавица и не менѣе извѣстная своими благородными, а можетъ быть, и инородными интригами. Долгое время фаворитомъ ея былъ Ирландецъ Актонъ, а фавориткою леди Гамильтонъ, тоже извѣстная въ хроникѣ любовныхъ происшествій. Послѣ офиціальнаго представленія королевѣ, графъ Разумовскій распустилъ по городу слухъ, что удивляется общей молвѣ о красотѣ ея, что онъ не видитъ ничего въ ней особеннаго. Этотъ слухъ, разумѣется, дошелъ до королевы: онъ задралъ за живое женское и царское самолюбіе. Опытный и въ сердечной женской дипломатикѣ, Разумовскій на это и расчитывалъ. Чрезъ мѣсяцъ онъ былъ счастливъ. (Разсказано графомъ Косаковскимъ).

Графъ Разумовскій былъ очень гордъ. Однажды, на эрмитажномъ спектаклѣ, Павелъ Петровичь подзываетъ Ростопчина и говоритъ ему: „Поздравь меня; сегодня мнѣ везетъ: Разумовскій первый поклонился мнѣ“ (Слышано отъ графа Ростопчина).

Я познакомился съ Разумовскимъ (уже княземъ) въ Вѣнѣ въ 1835 г. Онъ былъ уже старъ, но видны были еще слѣды красивости его. Онъ показался мнѣ очень привѣтливъ и обхожденія простаго и добродушнаго, чтó впрочемъ замѣтилъ я, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, и въ братѣ его графѣ Алексѣѣ Кириловичѣ, который также слылъ нѣкогда гордецомъ. J'étais jeune et superbe *), могли сказать они съ поэтомъ. Но жизнь присмирила ихъ. Можно еще постигнуть молодаго гордеца: тутъ есть чѣмъ похвастаться, когда есть молодость прекрасная, цвѣтущая и къ тому-же еще одаренная разными преимуществами. Но что можетъ быть жалче и глупѣе стараго гордеца? Старость не порокъ, а хуже: она немощь и недугъ. Пожалуй, стыдиться ея не для чего, но и похвалиться нечѣмъ. Графъ Разумовскій имѣлъ свой собственный великолѣпный домъ въ Вѣнѣ и жилъ въ немъ барски. Городъ этотъ былъ совершенно по немъ, и въ немъ оставался онъ до самой кончины своей, уважаемый и любимый Вѣнскимъ аристократическимъ обществомъ, чтò дѣло не легкое и не всякому удается. Вѣнское общество славилось всегда блескомъ своимъ, общежительствомъ, но болѣе между собою, и было довольно исключительно и недоступно для иностранцевъ и разночинцевъ, своихъ и чужеземныхъ. Царскій конгресъ 1814 г., родъ политическаго вселенскаго собора, не могъ выбрать въ Европѣ лучше сцены для своихъ лицедѣевъ и дѣйствій. Утромъ занимались дѣлами, ворочали и переворачивали Европу; вечеромъ присутствовали на великолѣпныхъ праздникахъ и балахъ. Старый принцъ де-Линь, любезный и любимый собесѣдникъ и попутчикъ Екатерины Великой, дожившій до конгреса, говорилъ: „Конгресъ пляшетъ, но не подвигается впередъ". Императоръ Александръ и министръ его Разумовскій достойно разыгрывали роли свои на этомъ театрѣ, собравшемъ въ одну группу все чтò Европа имѣла блестящаго и высокопоставленнаго. Вѣнскій конгресъ могъ въ своихъ переговорахъ и прѣніяхъ обмолвиться не одною ошибкою; но все-же онъ былъ важное и занимательное историческое событіе въ Европейскихъ лѣтописяхъ. Наши политическіе недоброжелатели, чтобы не сказать враги, остались недовольны этимъ конгресомъ, и въ продолженіи многихъ лѣтъ они напрягали всѣ свои силы и козни, чтобы ослабить и уничтожить послѣдствія его. Равно вооружались они, изъ непріязни къ намъ, и противъ Священнаго Союза. Всѣ эти враждебныя усилія и постоянныя, такъ сказать, злоумышленія не доказываютъ-ли, что въ сущности, за исключеніемъ частныхъ промаховъ и ошибокъ, была въ этой политикѣ и въ основѣ ея, положенной Александромъ I-мъ, и своя доля пользы и первенствующей власти для Россіи? Не изъ любви же къ намъ недоброжелатели наши такъ усердно, упорно и горяче работали, чтобы потрясти и окончательно ниспровергнуть созданіе рукъ императора Александра. А наши недальновидные, невинные журнальные политиканы туда-же лѣзутъ за Европейскими крикунами и съ негодованіемъ и ужасомъ порицаютъ политику Александра I-го. Легко пере-

*) Я былъ молодъ и гордъ.

суживать заднимъ числомъ попытки, дѣйствія и событія минувшаго! Не должно забывать, что Провидѣніе, что Исторія имѣютъ свои неожиданные, крутые повороты, свои coups d'état и coups de théâtre, которые озадачиваютъ и сбиваютъ съ панталыку всякую человѣческую мудрость. То что́ казалось полезнымъ и нужнымъ въ извѣстное время, можетъ, въ силу непредвидимыхъ и неподлежащихъ человѣческой видимости обстоятельствъ, принять въ другое время совершенно противоположный оборотъ.

Въ проѣздъ мой чрезъ Вѣну, жила у деверя своего графиня Марія Григорьевна Разумовская, вдова брата его графа Льва Кириловича. Она меня и представила хозяину дома. На прощаньи графъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать на Прагу. „Она напомнитъ вамъ нашу Москву", сказалъ онъ.

Графъ Левъ Кириловичь былъ также замѣчательная и особенно сочувственная личность. Онъ не оставилъ по себѣ слѣдовъ и воспоминаній ни на одномъ государственномъ поприщѣ, но много въ памяти знавшихъ его. Отставной генералъ-маіоръ, онъ долго жилъ въ допотопной или допожарной Москвѣ, забавлялъ ее своими праздниками, спектаклями, концертами и балами, какъ въ домѣ своемъ на Тверской, такъ и въ прекрасномъ своемъ загородномъ Петровскомъ. Онъ былъ человѣкъ высокообразованный: любилъ книги, науки, художества, музыку, картины, ваяніе. Едва-ли не у него перваго въ Москвѣ былъ зимній садъ въ домѣ. Это смѣшеніе природы съ искусствомъ придавало еще новую прелесть и разнообразіе праздникамъ его. Братъ его графъ Алексѣй Кириловичь имѣлъ въ то время въ Горенкахъ замѣчательный и богатый ботаническій садъ, извѣстный въ Европѣ, и при немъ равно извѣстнаго и ученаго ботаника Фишера. Москва, въ то время, славилась не однимъ барствомъ, а барство славилось не одною Азіатскою пышностью. Графъ Левъ Кириловичь былъ истинный баринъ въ полномъ и настоящемъ значеніи этого слова: добродушно и утонченно вѣжливый, любилъ онъ давать блестящіе праздники, чтобы угощать и веселить другихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дорожилъ онъ ежедневными отношеніями съ нѣкоторыми избранными: графомъ Ростопчинымъ, Карамзинымъ, княземъ Андреемъ Ивановичемъ Вяземскимъ, княземъ Андреемъ Петровичемъ Оболенскимъ, графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Вьельгорскимъ и другими. Сверхъ того у него были тѣсныя связи съ передовыми и старостами масонства. Въ молодости былъ онъ большой сердечкинъ и волокита. Дмитріевъ разсказывалъ, что на дежурства на Петербургскихъ гауптвахтахъ ему то и дѣло приносили, на тонкой надушеной бумагѣ, записки, видимо написанныя женскими руками. Спѣшилъ онъ отвѣчать на нихъ на заготовленной у него также красивой и щегольской бумагѣ. Такимъ образомъ упражнялся онъ и утѣшалъ себя въ душныхъ и скучныхъ стѣнахъ не всегда опрятной караульни. Позднѣе влюбился онъ въ княгиню Голицыну, жену богача, котораго прозвали въ Москвѣ cosa rara. Она развелась съ мужемъ и обвѣнчалась съ графомъ Разумовскимъ. Онъ страстно любилъ ее до самой

кончины своей. Бракъ, разумѣется, не былъ признанъ законнымъ, то есть не былъ офиціально признанъ; но семействомъ графа, то есть Разумовскими, графомъ Кочубеемъ, Наталіей Кириловной Загряжской, Марія Григорьевна была принята радушно и съ любовью. Дядя графа, фельдмаршалъ графъ Гудовичъ, былъ въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ императора Александра, дядя, вѣроятно, ходатайствовалъ предъ его величествомъ за племянника и племянницу. На одномъ балѣ въ намѣстническомъ домѣ, Государь подошелъ къ Марьѣ Григорьевнѣ и громко сказалъ: Madame la comtesse, voulez-vous me faire l'honneur de danser une polonaise avec moi? *) Съ той минуты она вступила во всѣ права и законной жены, и графскаго достоинства. Впрочемъ общество, какъ Московское, такъ и Петербургское, по любви и уваженію къ графу и по сочувствію къ любезнымъ качествамъ жены, никогда не оспаривали у нея этихъ правъ.

Графъ Левъ Кириловичь, или какъ обыкновенно звали его въ обществѣ le comte Léon, былъ въ высшей степени характера благороднаго, чистѣйшей и рыцарской чести, прямодушенъ и простодушенъ вмѣстѣ. Хозяинъ очень значительнаго имѣнія, былъ онъ, разумѣется, плохой хозяинъ, какъ и подобаетъ или подобало Русскому барству. Вопреки изрѣченію Евангелія, у насъ кому много дано, у того много и отпадаетъ. Тѣ у кого мало, имѣютъ еще надежду, да и къ тому-же умѣніе округлить это малое. Графъ былъ любезный говорунъ. При серьезномъ выраженіи лица и вообще покойной осанкѣ (какъ иначе перевести выразительное слово tenue?), онъ часто отпускалъ живое, мѣткое, забавное слово. Онъ нѣсколько картавилъ. Даже вѣчный насморкъ придавалъ рѣчи его особенный и привлекательный діапазонъ: по крайней мѣрѣ таково мое дѣтское впечатлѣніе, уцѣлѣвшее и понынѣ. Я лѣтъ десяти особенно и внимательно вслушивался въ разговоръ его, когда онъ навѣщалъ отца моего, съ которымъ былъ очень друженъ. Дѣтство воспріимчиво и впечатлительно. Помню, какъ будто видѣлъ это вчера, сани его запряженныя парою красивыхъ коней и свѣтлой бѣлизны покрывало, которымъ былъ обтянутъ передокъ саней. Малороссійскій гайдукъ въ большой мѣховой шапкѣ стоялъ на запяткахъ. Графъ, войдя въ первую комнату, бросалъ ловко и даже граціозно большую мѣховую муфту свою. Проходя мимо, онъ всегда привѣтствовалъ меня привѣтливымъ и веселымъ словомъ. Позднѣе удостоивался я и пріязни его. Большое счастіе для сына быть обязанымъ отцу своему доброжелателями, такъ сказать по наслѣдству, которые сохраняютъ прежнія связи свои съ умершими, въ лицѣ ихъ дѣтей.

Въ воспоминаніяхъ дѣтства моего встрѣчаюсь и съ графинею Разумовскою, въ то время еще княгинею Голицыною. Съ чуткою и безсознательною догадливостью *бѣдовыхъ дѣтей* (enfants terribles), скоро подмѣтилъ я, что за муфтою графа не замѣшкаетъ явиться и

---

*) Графиня, не угодно ли вамъ сдѣлать мнѣ честь протанцовать со мною польскій?

княгиня, или за княгинею немедленно покажется и муфта. Я всегда такъ и караулилъ эти неминуемыя, одно за другимъ последовательныя явленія. Она въ молодости своей пѣла очень мило; впрочемъ и до конца была любительницею и цѣнительницею хорошей музыки. Однажды задрала она за живо стихотворческое и Русское самолюбіе Нелединскаго. Пропѣвъ романсъ Ханыкова: Quand sur les ailes des plaisirs и пр. *), графиня сказала Нелединскому: „Вотъ никакъ не передать этихъ словъ на Русскій языкъ". На другой день привезъ онъ ей свой прелестный переводъ.—Помню, какъ она меня ребенка учила пѣть слѣдующій куплетъ:

Enfant chéri des dames,
Je fus en tout pays,
Fort bien avec les femmes,
Mal avec les maris **).

Есть имена, которыя, разъ попавшись подъ перо, невольно вовлекаютъ его въ дальнѣйшія подробности. Имя гр. Разумовской принадлежитъ этому разряду. Она, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, едва-ли имѣла много себѣ подобныхъ. Во первыхъ, знавшіе ее съ молодыхъ лѣтъ говорили, что она хорошѣла съ годами, то есть, разумѣется, до извѣстнаго возраста. Въ лѣтахъ полной зрѣлости, и даже въ лѣтахъ глубокой старости, она могла дать о себѣ понятіе, что была нѣкогда писаной красавицей, чего, говорятъ, никогда не было. Во вторыхъ, позднѣе, пережила она всѣхъ сверстниковъ и свое современное поколѣніе; пережила многихъ и изъ новаго, такъ что Маѳусаиловскіе года ея оставались головоломною задачею для охотниковъ до лѣтосчисленія. Долго по кончинѣ графа, мужа своего, предавалась она искренней и глубокой скорби. Глаза ея были буквально двумя источниками непрерывныхъ и неистощимыхъ слезъ. Для здоровья ея, сильно пострадавшаго отъ безутѣшной печали, присовѣтовали ей съѣздить на время въ чужіе краи. Тамъ, міръ новыхъ явленій и впечатлѣній, новая природа, разнообразіе предметовъ, а вѣроятно болѣе всего счастливое сложеніе натуры и характера ея, взяли свое. Она въ глубинѣ души осталась вѣрна любви и воспоминаніямъ своимъ, но источникъ слезъ изсякъ: трауръ жизни и одѣяній перемѣнился на болѣе свѣтлые оттѣнки. Она не забыла прежней жизни своей, но переродилась на новую. Парижъ, Вѣна приняли ее радушно: домъ ея сдѣлался опять гостепріимнымъ. Русскіе, особенно богатые, имѣютъ даръ привлекать иностранцевъ; къ тому же иностранцы умѣютъ цѣнить благовоспитанность и дорожатъ ею. А должно признаться, что Русскія дамы высшаго общества, въ немъ рожденныя, въ немъ взросшія, чуждающіяся излишней *эмансипаціи* и негоняющіяся за *эксентричностью* (два слова и два понятія нерусскаго происхожденія) умѣютъ поставить себя вездѣ въ отношенія благопріятныя и внушающія уваженіе. Г-жа

---

*) Когда, на крыльяхъ удовольствія.
**) Любимое дитя дамъ, я во всѣхъ странахъ былъ очень хорошъ съ женами, нехорошъ съ мужьями.

Жирарденъ, въ извѣстныхъ остроумныхъ Парижскихъ письмамъ своихъ, печатаемыхъ за подписью Виконта де Лоне, упоминаетъ о графинѣ Разумовской и о ея Парижскомъ салонѣ. Благодарный Карлсбадъ посвятилъ ей памятникъ: она была на водахъ душою общества и хороводицею посѣтителей и посѣтительницъ этого цѣлительнаго уголка. Починъ прогулокъ, веселій, праздниковъ ей принадлежалъ. Такую власть иначе пріобрѣсти нельзя какъ образованностью, навыкомъ утонченнаго общежитья, вѣжливыми пріемами и привычками, которыя дѣлаются второю натурою.

По возвращеніи своемъ въ Россію, она тотчасъ устроила положеніе свое въ Петербургѣ и заняла въ обществѣ подобающее ей мѣсто. Домъ ея сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ. Обѣды, вечеринки, балы зимою въ городѣ, лѣтомъ на дачѣ, слѣдовали непрерывно другъ за другомъ. Не одно городское общество, но и царская фамилія были къ ней благопріятно расположены. Императоръ Николай и Государыня Александра Ѳеодоровна были къ ней особенно милостивы и удостоивали праздники ея присутствіемъ своимъ. И ее принимали они запросто въ свои и немноголюдныя собранія. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который любилъ шутить и умѣлъ вести непринужденный и веселый разговоръ, охотно предавался ему съ графинею. Все это, разумѣется, утѣшало и услаждало ея свѣтскія наклонности. Но, при всей любви своей къ обществу, соблазнамъ и суетнымъ развлеченіямъ его, она хранила въ себѣ непочатый и, такъ сказать, освященный уголокъ, предѣлъ преданій и памяти минувшаго. Рядомъ съ ея салонами и большою залою было завѣтное, домашнее, сердечное для нея убѣжище. Тамъ была молельня съ семейными образами, мраморнымъ бюстомъ Спасителя, работы знаменитаго Итальянскаго художника, съ неугасающими лампадами и портретомъ покойнаго графа. Кто знаетъ, какія думы, какія чувства сосредоточивались въ ней, когда входила она въ эту домашнюю святыню и пребывала въ ней въ молитвѣ и съ глазу на глазъ съ сердечною памятью своею? Она не любила рисоваться, не любила облекать себя въ назидательную наружность: въ ней не было и тѣни притворства; не было ни желанія, ни умѣнія прикрывать свои и невинныя слабости личиною умышленной и обдуманной внѣшности. Напротивъ, она скорѣе была склонна какъ-бы хвалиться своими слабостями: не по лѣтамъ моложавостью нрава своего, нарядовъ, обычаевъ, жадностью (доходившей до слабодушія) свѣтскихъ развлеченій, веселій и вѣчно суетнаго движенія. Но, нѣтъ, она и тутъ не хвалилась: она ничѣмъ не хвалилась, а была таковою безсознательно, непримѣтно для себя самой, единственно потому, что натура таковою создала ее. Она была правдивая, чистосердечная личность. Общественное строгое сужденіе, насмѣшливое злорѣчіе обезоруживались и нѣмѣли предъ нею. То что могло-бы казаться смѣшнымъ въ другой, находило вездѣ не только снисхожденіе, но и сочувствіе. Всѣ были довольны, что она была довольна: всѣ тому радовались, что ей было радостно и весело. Личности, одаренныя такими свойствами и способностями, бываютъ въ обществѣ столь рѣдкія исключенія, такъ много встрѣчаешь лю-

дей скучающихъ жизнью, не умѣющихъ ужиться съ нею, жалующихся на нее, что невольно отдохнешь, когда попадается на глаза свѣтлое изъятіе изъ этой почти поголовной неуживчивости и брюзгливости.

Говоря о слабостяхъ ея, нельзя не указать особенно на одну изъ нихъ, совершенно женскую: а именно на страсть ея къ нарядамъ. Когда въ 1835 году въ Вѣнѣ собиралась она возвратиться въ Россію, просила она проѣзжавшаго чрезъ Вѣну пріятеля своего, который служилъ въ Петербургѣ по таможенному вѣдомству, облегчить ей затрудненія, ожидавшія ее въ провозѣ туалетныхъ пожитковъ.—Да что-же намѣрены вы провезти съ собою? спросилъ онъ.—„Бездѣлицу“, отвѣчала она: „триста платьевъ“. Она была неутомительна въ исправленіи визитовъ: лошади ея не пользовались синекурою, а заработывали свой овесъ въ трудѣ и потѣ. Разсказывали въ городѣ, что у нея была соперница по этой части и когда кучера той и другой съѣзжались гдѣ нибудь, то они, одинъ предъ другимъ, высчитывали и хвастались, сколько въ теченіи утра сдѣлали они визитовъ съ своими барынями.

На этомъ фотографическомъ снимкѣ не можемъ мы и не хотимъ кончить наше памятованіе о графинѣ Разумовской. Прибавимъ еще нѣсколько очерковъ. Она была отмѣнно добра, не только пассивно, но и дѣятельно. Всѣ домашніе и близкіе любили ее преданною любовью. Много добра и милостей совершала она, безъ малѣйшаго притязанія на огласку. Она была примѣрная родственница и охотно дѣлила богатство свое съ родственниками и дальными нуждающимися въ пособіи. Брату своему, князю Николаю Григорьевичу Вяземскому, подарила она свой великолѣпный домъ на Тверской, обратившійся послѣ въ помѣщеніе Англійскаго клуба. Свойство, а можетъ быть, и погрѣшность, аристократическаго круга есть ограниченіе, съуживаніе этого круга до самой тѣсной исключительности. Этого правила и обычая не держалась она: на балахъ и раутахъ ея въ Петербургѣ встрѣчались лица часто совершенно не знакомыя высшему Петербургскому обществу. Въ присутствіи царскихъ особъ, въ наплывѣ всѣхъ блестящихъ личностей туземныхъ и дипломатическихъ, были ласково принимаемы ею и дальніе родственники, пріѣзжіе изъ провинцій. На это нужна была нѣкоторая независимость и смѣлость, и сердечная доброта ея выказывала открыто эту независимость и смѣлость. Ей очень хотѣлось ѣхать въ Парижъ на выставку 1861 года. Она, не слишкомъ бережливая на расходы, скопила и отдѣлила нужную сумму на совершеніе этой поѣздки, не теряя вѣроятно изъ виду освѣжить и пополнить свой туалетный пакгаузъ, если не въ численности Вѣнскаго счета, нами выше упомянутаго, то все-же въ почтенномъ размѣрѣ. Срокъ отъѣзда приблизился, а она не ѣхала. Я спросилъ ее: когда-же она ѣдетъ? Она отвѣчала неопредѣленно. Что-же оказалось? Сбереженнымъ ею деньгамъ для увеселительной прогулки дала она другое назначеніе: узнавъ, что одинъ изъ молодыхъ родственниковъ ея много задолжалъ и находится въ нуждѣ, она,

долго не думая, употребила эти деньги на уплату долговъ его. Такая черта была-бы замѣчательна и прекрасна въ каждомъ; но со стороны ея, которую обыкновенно почитали женщиною легкомысленною и безпредѣльно-преданною развлеченіямъ и соблазнамъ свѣтскимъ и которая въ самъ дѣлѣ была такова, этотъ поступокъ имѣетъ всѣ свойства жертвы благочестивой и почти героической.

Вотъ чѣмъ довершу памятную записку свою о графинѣ Маріи Григорьевнѣ Разумовской, которую всѣ любили, но не всѣ знали. Подъ радужными отблесками свѣтской жизни, подъ пестрою оболочкою нарядовъ Парижскихъ, не рѣдко таятся въ Русской женщинѣ сокровища благодушія, добра и сердоболія. Надобно только имѣть случай подмѣтить ихъ и сочувственное расположеніе, чтобы ихъ оцѣнить и воздать имъ должную признательность.

*

Въ заключеніе свѣтлыхъ воспоминаній о семействѣ графовъ Разумовскихъ приведемъ одно довольно мрачное воспоминаніе. Одинъ изъ сыновей графа Алексѣя Кириловича былъ въ первыхъ годахъ столѣтія заключенъ въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь. Монастырь этотъ, не знаю съ котораго времени и по какому поводу, былъ и обителью благочестивыхъ иноковъ, и какою-то Русскою Бастиліею, въ которую административными мѣрами ссылали преступниковъ, или провинившихся, особеннаго разряда. Молодой графъ былъ, безъ сомнѣнія, не въ нормальномъ умственномъ положеніи. Говорили, что ученіе Иллюминатовъ вскружило ему голову за границею, что въ слѣдствіе этого онъ предавался иногда увлеченію дикихъ страстей и совершалъ поступки, нарушающіе законное и общественное благочиніе. Замѣчательно, что самъ отецъ слылъ усерднымъ, высокопоставленнымъ членомъ въ іерархіи Мартинистовъ. Примѣръ его, можетъ быть, пагубно подѣйствовалъ на сына. Разсказывали, что молодой графъ, ѣхавшій по большой дорогѣ въ Россіи, выстрѣлилъ въ коляскѣ изъ пистолета въ ямщика, сидѣвшаго на козлахъ. Все это слухи, за достовѣрность коихъ не ручаемся; но дѣло въ томъ, что онъ сидѣлъ въ монастырѣ и вовсе не по благочестивому призванію и не по доброй волѣ. Въ 1809 году, или около того, сенаторъ Петръ Алексѣевичь Обрѣзковъ ревизовалъ Владимірскую губернію. Былъ онъ и въ Суздалѣ съ чиновниками своими, былъ и въ помянутомъ монастырѣ (въ числѣ этихъ чиновниковъ былъ и Алексѣй Перовскій, будущій авторъ Монастырскій). Это было въ воскресный день. Архимандритъ, послѣ обѣдни, пригласилъ насъ всѣхъ на завтракъ, или на закуску. Въ кельѣ его нашли мы еще довольно молодаго человѣка, прекрасной, но нѣсколько суровой наружности: лице смуглое, глаза очень выразительные, но выраженіе ихъ имѣло что-то странное и тревожное, волоса черные и густые. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатъ, обшитый, кажется, мерлушкою; на рукѣ пальцы обвиты были толстою проволокою, вмѣсто кольцевъ. Это былъ графъ Разумовскій, отрасль знатной фамиліи, рожденный быть наслѣдникомъ значительнаго имѣнія, по рожденію своему и по обстоятельствамъ при-

званный и самъ занять въ обществѣ блистательное и почетное мѣсто. Когда приступили мы къ завтраку, графъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ и съ жадностью бросился на рюмку водки, которую поднесли ему. Архимандритъ говорилъ, что затворникъ всегда ждалъ съ нетерпѣніемъ этой минуты, которая повторялась только по Воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Не помню, по какому поводу, зашла рѣчь объ адѣ и о наказаніяхъ, которымъ грѣшники въ немъ подвержены. Графъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что наказаніе ихъ будетъ въ томъ состоять, что каждый грѣшникъ будетъ видѣть, безпрерывно и на вѣки вѣковъ, всѣ благопріятные случаи, въ которые могъ-бы онъ согрѣшить невидимо и безнаказанно, и которые пропустилъ онъ по оплошности своей. Мысль довольно замысловатая. Не помню, есть-ли что подобное ей въ *Божественной Комедіи* Данте; но эта кара могла-бы занять непослѣднее мѣсто въ адовой уголовной статистикѣ великаго поэта.

Вотъ еще просится подъ перо одно воспоминаніе изъ того-же времени, изъ той-же поѣздки и также по монастырской части. При выѣздѣ изъ Казани сенатора Обрѣзкова и жены его, Елисаветы Семеновны (которая была прославлена и обезсмертена прекрасными стихами Нелединскаго), большая часть избраннаго Казанскаго общества провожала насъ до города Свіяжска. Тамъ ожидалъ насъ напутственный завтракъ. Въ числѣ встрѣчавшихъ насъ былъ и архимандритъ. И вотъ какая встрѣча тутъ случилась. Архимандритъ вглядывается въ молодаго человѣка изъ провожателей: тотъ пристально вглядывается въ архимандрита. Наконецъ архимандритъ узнаетъ въ молодомъ человѣкѣ Чемесова (сына богатаго Казанскаго домовладѣльца и помѣщика), котораго онъ, во время служенія своего квартальнымъ въ царствованіе императора Павла, по повелѣнію его, вывезъ изъ Петербурга. Эта драматическая, водевильная встрѣча очень насъ всѣхъ позабавила.

*

Казанское общество въ то время, въ 1809 году, было очень пріятно, и даже блистательно. Губернаторомъ былъ Мансуровъ, женатый на красавицѣ княжнѣ Баратаевой; домъ его былъ гостепріимный. Семейство Юшковыхъ, Чемесовыхъ, Дебособръ (?) и многія другія вносили каждое свою посильную лепту въ казну общежитія и пріятныхъ развлеченій. Были даже тутъ и поэты, которые воспѣвали прекрасную сенаторшу. Театръ былъ очень порядочный; одинъ изъ актеровъ, по имени Грузинцевъ, съ большимъ искусствомъ и воодушевленіемъ передавалъ роль разбойника въ драмѣ Шиллера.

Вообще эта оффиціальная и ревизіонная поѣздка отъ Москвы до Перми представляла рядъ любопытныхъ впечатлѣній. Не лишена была она и нѣкоторыхъ поэтическихъ оттѣнковъ, по крайней мѣрѣ для канцелярской молодежи. Незнакомая намъ, приволжская и прикамская природа съ разнообразными картинами своими была для насъ новымъ зрѣлищемъ. Провинціальная жизнь и обстановка, хотя иногда и странная, выкупала свои областныя и мѣстныя особен-

ности добродушнымъ гостепріимствомъ и желаніемъ угодить и угостить, какъ можно лучше, своихъ столичныхъ посѣтителей. Къ тому-же вездѣ встрѣчались нѣсколько людей и не лишенныхъ образованности. Они вынесли изъ прежней жизни въ столицахъ привычки общежитія и вѣжливости. Эти привычки, перенесенныя на провинціальную почву и нѣсколько приспособленныя къ этой почвѣ, имѣли для насъ особенный вкусъ новинки. О женщинахъ и говорить нечего. Женская натура носитъ въ себѣ самой родникъ богатыхъ задатковъ и успѣшнаго развитія. Ей не нужно ни университетовъ, ни гимназій, чтобы образовать себя. Женская натура угадываетъ то, что мущина постигаетъ цѣною напряженнаго труда. Она сама себѣ своя школа, своя наука. Кому не случалось встрѣчать и въ отдаленныхъ областяхъ Россіи женщинъ, къ которымъ можно примѣнить стихи Жуковскаго:

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенный,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой:
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ губернскомъ воздухѣ теряя запахъ свой *).

Перенесите этотъ перлъ въ роскошное ожерелье, перенесите эту лилію въ садъ, и они будутъ предметами общаго удивленія и общей привлекательности. По крайней мѣрѣ таковы были наши тогдашнія путевыя впечатлѣнія. Каждый изъ насъ оставлялъ по себѣ на память частичку сердца своего въ томъ и другомъ городѣ. Особенно памятно довольно долгое пребываніе въ Перми. Пермскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Модерахъ, человѣкъ очень умный, очень дѣятельный, можетъ быть нѣсколько самоуправный въ своихъ административныхъ дѣйствіяхъ, но принесшій краю много пользы. Онъ завелъ въ Пермской губерніи первыя въ Россіи шоссе. Въ 1809 году мы безпрепятственно и покойно катились по этому дорожному полотну. Въ Перми, родинѣ поэта Мерзлякова, въ числѣ чиновниковъ, нашли мы дядю его того же имени, и помнится печатный экземпляръ первой оды, которую онъ написалъ, бывши еще школьнымъ ученикомъ. Семейство Модераха заключалось въ нѣсколькихъ дочеряхъ. Казалось, видишь семью изъ романа Августа Лафонтена, перенесенную на берега Камы и подъ свинцовое небо, въ преддверіе Уральскихъ горъ. Между тѣмъ эти переселенки совершенно обрусѣли, слѣдили за Русскою литтературою и жили общею Русскою жизнью, на которую повѣяло благоуханіемъ Рейнской природы. Одна изъ дочерей, жена генерала Пѣвцова, бывшаго Гатчинца, была необыкновенной красоты и очень образованная и любезная женщина. Одинъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ, находившихся въ свитѣ сенатора, сказалъ ей въ саняхъ, во время поѣздки въ какой-то мѣдноплавильный заводъ:

Природа здѣсь печальна и сурова,
Но душу ей придать умѣла ты.
Ты здѣсь живешь, прекрасная Пѣвцова,
И Пермь тобой есть царство красоты.

---

*) У Жуковскаго: въ пустынномъ воздухѣ.

Если мы разъ уже вступили въ канцелярскія и сердечныя нескромности и сплетни, то пойдемъ еще далѣе. Эти нескромности прикрыты многими давностями; эти нескромности чуть не допотопныя и не замогильныя: не грѣшно ихъ разглашать. Этотъ-же чиновникъ, лѣтъ семнадцати не съ большимъ, на балѣ, танцуя съ Пѣвцовой, открылся ей въ любви и предложилъ жениться на ней, если разведется она съ своимъ Гатчинскимъ мужемъ. Comment pouvez-vous croire, отвѣчала она, que j'aille me compromettre pour un enfant? (какъ можете вы думать, что я скомпрометирую себя для ребенка). Тутъ чиновникъ доказалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ ребенокъ: онъ публично расплакался на генералъ-губернаторскомъ балѣ. Впрочемъ послѣ дѣло приняло болѣе спокойный оборотъ: на безвременную и несовершеннолѣтнюю любовь его отвѣчали добродушною и нѣжною дружбою. Взаимныя отношенія установились мирныя и правильныя.

А вотъ еще маленькій эпизодъ изъ этой же домашней, канцелярской и негласной драмы. Сенаторъ отправился въ Екатеринбургъ съ своею свитою. Влюбленный чиновникъ не могъ выносить разлуку съ кумиромъ своимъ. На дорогѣ, въ городѣ Кунгурѣ, въ которомъ назначенъ былъ первый ночлегъ, онъ наклепалъ на себя боль въ глазахъ и выпросилъ позволеніе возвратиться въ Пермь. По пріѣздѣ въ городъ, онъ на другой день былъ пораженъ сильнымъ воспаленіемъ глазъ. Во все время отсутствія сенатора, то есть около трехъ недѣль, просидѣлъ онъ одинъ въ темной комнатѣ. Подите, не вѣрьте послѣ того, что каждая ложь, каждый грѣхъ не несутъ, рано или поздно, имъ подобающей кары на землѣ. Какъбы то не было, молодой влюбленный чиновникъ *сглазилъ* себя поклёпомъ на глаза свои.

•

(*Продолженіе будетъ*).

ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ КНЯЗЮ М. И. КУТУЗОВУ СМОЛЕНСКОМУ ВЪ 1812 ГОДУ.

I.

Милостивый государь князь Михаилъ Иларіоновичъ.

Почтенное письмо вашей свѣтлости, безъ числа, изъ Петербурга, я получилъ и на оное имѣю честь отвѣчать, что Московская сила, какъ изволите видѣть изъ приложеннаго при семъ рапорта г. генералъ-лейтенанта графа Маркова, почти вся собрана и, сверхъ чаянія, по времени, довольно образована. Вся она направлена къ Можайску, по предписанію г. военнаго министра, который требовалъ какъ можно болѣе и скорѣе людей на усиленіе войскъ. Не замедлю за симъ доставить къ вѣдѣнію вашему рапортъ о числѣ и готовности вооруженія губерній, Московскій округъ составляющихъ, за исключеніемъ Ярославской и Тверской, кои образуются подъ непосредственнымъ начальствомъ его им-го выс-ва принца Георгія. Вчерашній день я лишь получилъ высочайшее повелѣніе объ отношеніи прямо къ вамъ по вооруженіямъ Московскаго округа, что̀ въ точности исполню, ожидая дальнихъ предписаній вашихъ. Московское дворянство, единственно занятое долгомъ чести, приверженности къ Престолу и любви къ Отечеству, видитъ въ пожертвованіяхъ единственно счастливый случай обнаружить предъ цѣлымъ свѣтомъ, что они всѣ и со всѣмъ своимъ, душею и сердцемъ, преданы Государю Императору и за славу его и благоденствіе Россіи пойдутъ и умрутъ.

Предваряю вашу свѣтлость, что я приготовилъ здѣсь, по обширности и удобности, зданіе, называемое Екатерининскій дворецъ, гдѣ можно до 8000 помѣстить больныхъ; слѣдственно и отправленіе ихъ прикажите дѣлать въ Москву, а не въ Волоколамскъ, гдѣ городъ малъ и безъ способовъ къ продовольствію; здѣсь же мы всѣ за ранеными и больными станемъ смотрѣть, какъ за дѣтьми.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребыть

Вашей свѣтлости
покорнѣйшій слуга

Подписано: „Графъ Ф. Ростопчинъ“.

Москва.
16 Августа 1812.

Его свѣтлости князю М. И. Голенищеву-Кутузову.

Примѣч. Это письмо писано рукою писца и только подписано собственноручно графомъ Ростопчинымъ. Слѣдующія за симъ письма его писаны всѣ собственноручно. Въ нихъ обычныя начало и конецъ здѣсь опускаются. Въ этихъ письмахъ графъ Ростопчинъ именовалъ князя Кутузова: „*Михайло Ларіоновичъ*“.

II.

Два пріѣхавшіе изъ Гжати сейчасъ увѣряли меня, что обозъ нашъ грабитъ городъ и что армія въ движеніи его оставитъ и отступитъ къ Можайску.

Не зная ни предположеній вашей свѣтлости, ни точной безопасности столицы, мнѣ ввѣренной, отправляю нарочнаго къ вамъ, чтобы отвѣтомъ вашимъ рѣшиться на отправленіе важныхъ предметовъ, здѣсь находящихся.

Извольте мнѣ сказать: твердое ли вы имѣете намѣреніе удерживать ходъ непріятеля на Москву и защищать городъ сей? Посему я приму всѣ мѣры: или вооружа все, драться до послѣдней минуты, или, когда вы займетесь спасеніемъ арміи, я займусь спасеніемъ жителей и со всѣмъ, что̀ есть военнаго, направлюсь къ вамъ на соединеніе.

Вашъ отвѣтъ рѣшитъ меня, и я по смыслу его дѣйствовать буду: съ вами предъ Москвою или одинъ въ Москвѣ.

19 Августа 1812.
Москва.

P. S. Сей день рѣшитъ судьбу Москвы. Естьли позиція останется ваша, то злодѣй нашъ побѣжденъ, и готовыя въ ходу подкрѣпленія усилятъ васъ свѣжими войсками. Лобановъ и теперь педанства не откинетъ и могъ бы скорѣй идти. Я посылаю повелѣніе въ Коломну, чтобы пришедшее туда Рязанское ополченіе шло поспѣшно сюда и коль скоро придетъ, то васъ увѣдомлю. Если сильныя потери людей и превосходство силъ Наполеоновыхъ принудили бы оставить позицію и отступить къ Москвѣ, тогда я сберу множество десятковъ тысячъ рѣшительныхъ молодцовъ и явлюсь къ вамъ. Но ихъ далеко вести невозможно. А мое мнѣніе: когда дѣло до нихъ дойдетъ, то употребить ихъ на ночныя тревоги въ лагерѣ непріятельскомъ, гдѣ они со вредомъ мѣшать будутъ отдыхать Французамъ. Я не могу вамъ изъяснить, что̀ во мнѣ дѣлается; и некогда дивиться, какъ я на ногахъ. Вся надежда на Бога и на васъ. Богъ съ вами.

III.

Два письма вашей свѣтлости, отъ 19 числа, я сего утра получилъ. Означенные 1000 топоровъ, 1000 лопатокъ и 250 буравовъ завтра же отправлены будутъ. Что же касается до вооруженія Московской военной силы выдачею ружей, то ей сперва 7200, да послѣ 2600 выдано изъ арсенала, и завтра прямо къ вашей свѣтлости отправляется генералъ-лейтенантъ графъ Марковъ, которой по сему предмету приметъ и сообщитъ мнѣ приказанія ваши для самоскорѣйшаго исполненія.

20 Августа 1812 г.
Москва.

IV.

Вчерашній еще день приступилъ я къ исполненію требованія вашего наймомъ тысячи или болѣе подводъ помѣсячно, для употребленія при арміяхъ на подвозъ провіанта, и надѣюсь, при первомъ отправленіи, извѣстить васъ о успѣхѣ. Но если за арміею будутъ происходить подобныя бывшимъ безпорядки, то я вамъ ни за что отвѣчать не могу, и сношенія отъ грабежей съ столицею прервутся. При томъ доведу до свѣдѣнія вашего, что ко мнѣ Ставриковъ присылаетъ какихъ-то пойманныхъ съ паспортами, по его словамъ, подозрительныхъ людей, для разбору: то ей-Богу теперь и не время, и времени нѣтъ этимъ вздоромъ заниматься.

24 Августа 1812.

Москва.

V.

Имѣю честь отвѣчать на три письма вашей свѣтлости.

Требуемыя лошади, по 1000 на каждой станціи, отъ Москвы до Можайска, выставлены будутъ, и нарядъ уже сдѣланъ. Но въ Можайскѣ отъ того, что три пограничные уѣзда отошли въ военное распоряженіе, наряду сдѣлать невозможно; и для сего соблаговолите отъ себя сдѣлать предписаніе.

Наемъ помѣсячно тысячи и болѣе лошадей, для употребленія при арміи, я очень успѣшно произвелъ. Завтра заключаю контрактъ, который къ вамъ отправлю; и съ ними лошадей съ повозками, положа на нихъ готовые сухари.

Инструменты для рабочихъ, то есть лопатки и буравы, по требованію вашему, куплены и сегодня отправлены.

Можайской и Волоколамской уѣзды разогнаны казаками и провожатыми раненыхъ. Доказательствомъ то, что нѣсколько лошадей, ихъ привезшихъ, остались безъ хозяевъ. Если безпорядки сіи продолжатся, то ни за что по дорогѣ отвѣчать не можно; и я бы желалъ, чтобъ при отправленіи обозовъ, имъ дано было направленіе не чрезъ Москву, и въ приставы—надежный и уваженія достойный человѣкъ.

25 Августа 1812.

Москва.

VI.

Вручитель сего г. маіоръ Шепелевъ имѣетъ препорученіе отъ Государя Императора формировать гусарской и конной казачьи полки. Но какъ они, за неимѣніемъ лошадей, совсѣмъ не въ готовности, то я, удовлетворяя съ одной стороны убѣдительной просьбѣ Шепелева, а съ другой и желая вамъ сдѣлать угодное доставленіемъ отличнаго г. маіора, позволилъ ѣхать ему и явиться къ вамъ, увѣренъ бывъ заранѣе, что онъ лишнимъ не будетъ.

25 Августа 1812.

Москва.

VII.

Извѣстія, здѣсь полученныя о сраженіи 24 числа, чрезвычайно обрадовали городъ, и лица совсѣмъ иной имѣютъ видъ. Сдѣлайте милость и Москвѣ, и мнѣ: всякой разъ, когда будетъ сраженіе, то прикажите кому нибудь изъ вашихъ ко мнѣ писать, чтобы быть свѣдущу о происшествіяхъ военныхъ. При семъ прилагаю письмо, сейчасъ отъ князя Лобанова полученное. Вы, можетъ быть, заблагоразсудите сдѣлать какія-либо перемѣны въ направленіи его войскъ.

26 Августа 1812.

Москва.

VIII.

Вслѣдствіе требованій вашей свѣтлости, завтра на разсвѣтѣ, отправляются отсюда формирующіеся въ Москвѣ два полка г-лъ-маіоромъ Миллеромъ, въ коихъ слишкомъ 4000 человѣкъ; при нихъ десяти-дневной провіантъ. Завтра же, поутру, отсюда поспѣшно пойдутъ къ вамъ на подводахъ, на 125 орудій, комплектъ зарядовъ; да отправилъ я курьера въ Коломну и по дорогѣ къ Боровску съ открытымъ повелѣніемъ, гдѣ найдетъ, чтобы всѣ ящики съ снарядами, отъ каждой роты, при офицерѣ, вести какъ можно скорѣй въ Можайскъ; а васъ прошу, если есть какое либо препятствіе съ стороны Вереи, то взять предосторожности. Также всѣ снаряды отъ трехъ ротъ Арапетовыхъ идутъ къ вамъ.

27 Августа 1812 года.

Москва.

IX.

На почтеннѣйшія письма вашей свѣтлости имѣю честь отвѣчать:

Подводы требуемыя теперь уже выставлены; а затрудненіе сперва дѣйствительно вышло отъ того, что Можайской и Верейской уѣзды разстроены военными дѣйствіями и что жители разбѣжались.

Завтра на разсвѣтѣ выступаютъ къ Можайску форсированными маршами два полка, въ коихъ 4600 человѣкъ совсѣмъ на службу готовыхъ. Чрезъ два дни еще полкъ, 2300 человѣкъ, изъ Подольска. Отсюда послѣ завтра батарея, съ понтонной ротой и 100 человѣками изъ ополченія совершенно выученными пушечной стрѣльбѣ. Арапетова три роты съ орудіями и снарядами уже пошли. Да найденные между Подольскомъ и Боровскомъ моимъ курьеромъ всѣ ящики отъ артиллерійской дивизіи, въ Коломну слѣдующей, съ снарядами, обращены къ Можайску. Сверхъ того завтра на подводахъ повезутъ къ арміи 26000 снарядовъ для пушекъ. Лошадей 500 съ хомутами надѣюсь послѣ завтра отправить.

Не можно ли вамъ понудить князя Ростовскаго, хотя бы ему обѣщать подписку еще мира *)? А у него 8 полковъ прекрасныхъ. Въ Клину теперь Тверское ополченіе. И если вамъ надобно, то курьеръ ихъ скоро направитъ на Можайскъ. Я увѣренъ, что ваша

---

*) Князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій участвовалъ въ подписаніи Тильзитскаго мира. *П. Б.*

свѣтлость не забыли, что въ Завидовѣ и въ Клину формируется по полку, и они почти готовы.

Вѣрьте, что ревностнѣй меня исполнителя вы не найдете и больше о васъ молящихъ, какъ въ Москвѣ; а я въ ожиданіи, что скоро поцѣлую руку, спасавшую Россію, пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

28 Августа 1812.

Москва.

X.

Батарейныя орудія всѣ къ вамъ идутъ. Вино уже отправлено. Письмо къ Винцегероде тоже. Что же касается до дружины, то я въ сію минуту ее сбирать начну и тоже въ окрестностяхъ. Если бы я увѣренъ былъ, что по Звѣнигородской дорогѣ нѣтъ для Москвы опасности, то бы пріѣхалъ къ вамъ для свиданія.

Мой страхъ одинъ, что изъ обозовъ придутъ грабить городъ; а мнѣ ихъ унимать некому.

31 Августа 1812.

Москва.

XI.

При семъ имѣю честь препроводить къ вашей свѣтлости рапортъ г-лъ-маіора Миллера. Ружья изъ арсенала сего же дня выдать можно и, если угодно, то завтра же, по утру, оный полкъ выступитъ къ арміи.

Сейчасъ получаю письмо, что въ Подольскомъ уѣздѣ къ Боровску казаки наши сожгли деревню и у меня въ имѣніи одну разграбили. Сею же ночью, близъ Москвы, разграбленъ коровій дворъ воспитательнаго дома.

1-го Сентября 1812.

Москва.

(*Выписаны изъ дѣлъ Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Штаба 1-й арміи, отд. II, св. 281, № 6*).

Примѣч. На всѣхъ оригинальныхъ письмахъ графа Ростопчина нѣтъ никакихъ резолюцій князя Кутузова-Смоленскаго. По ходу важнѣйшихъ событій ихъ некогда ему было дѣлать.

(*Сообщено Г. Н. Александровымъ*).

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ, УМЕРШИХЪ ВЪ 1873 ГОДУ.

Изъ Справочнаго Словаря, составляемаго Г. Н. Геннади *).

Бенедиктовъ, Владиміръ Григорьевичь, стихотворецъ. Р. въ 1807, Ноября 5-го, въ Петербургѣ, воспитывался въ 1-мъ кад. корпусѣ, служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ кампаніи 1831 года въ Польшѣ. Покинувъ военную службу, въ 1832-мъ Бенедиктовъ поступилъ въ канцелярію министра финансовъ, былъ въ числѣ директоровъ государственнаго банка, а послѣдніе годы (съ 1860) провелъ въ отставкѣ, въ чинѣ д. ст. сов. Ум. 14 Апрѣля 1873.

Еще въ корпусѣ и потомъ въ полку Бенедиктовъ писалъ стихи; но въ печати появились они впервыя въ 1835 году и тотчасъ пріобрѣли ему блестящую извѣстность. Не смотря на нѣкоторую изъисканность выраженій, они нравились, особенно молодежи, своею картинностью и звучностью. Они печатались потомъ въ журналахъ, особенно въ Библіотекѣ для Чтенія. Изъ критиковъ Бенедиктова встрѣтили восторженно Сенковскій и Шевыревъ; въ послѣдствіи Бѣлинскій указалъ на искусственный тонъ его произведеній. Черезъ нѣсколько лѣтъ молчанія Б. появился опять въ 1860-хъ годахъ съ пьесами весьма искренними и трезвыми (изъ коихъ нѣкоторыя сатирическія) и занялся переводами.

— Біогр. очеркъ по свѣдѣніямъ отъ него самаго въ Русс. Худож. Листкѣ Тимма 1858, № 7 и подробнѣе въ Портретной Галлереѣ Русскихъ дѣятелей изд. Мюнстера, т. II (1869), стр. 262—267 (Д. Хмырова). — Некрологи въ Биржевыхъ Вѣд. № 104; въ Моск. Вѣдом. № 105 (Г. Ф.).— Статья о немъ *С. Н.* во Всем. Иллюстраціи, т. IX (1873, № 230, стр. 346).

— Стихотворенія. Спб. 1835, вторично въ 1836. Книжка вторая, 1838; 2-е изд. 1842 г.

— Стихотворенія, 3 тома, Спб. 1856 (Сюда вошли прежнія стихотворенія, съ прибавленіемъ двухъ частей новыхъ). Дополненіемъ къ нимъ служитъ книжка „Новыхъ Стихотвореній“, 1857, большею частію патріотическихъ.

Буцковскій, Николай Андреевичъ, т. с., сенаторъ уголовнаго кассаціоннаго деп-та. Онъ принималъ участіе въ составленіи и приведеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 1864 года. Р. въ 1813, началъ службу въ инженерномъ вѣдомствѣ, потомъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ (съ 1836), а съ 1839 по судебному вѣдомству, въ министерствѣ юстиціи; съ 1854 въ Московскихъ деп-тахъ Сената. Въ 1861 г. Буцковскій былъ прикомандированъ въ госуд. канцеляріи для производства работъ по преобразованію судебной части. (Ум. 25 Сент. 1873).

— О приговорахъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ. Спб. 1866.

---

*) Мы можемъ извѣстить любителей Русской исторіи и библіографіи, что обширный трудъ г-на Геннади нынѣ печатается въ Лейпцигѣ и уже доведенъ до буквы Г. *П. Б.*

— Очеркъ кассаціоннаго порядка отмѣны рѣшеній по судебнымъ уставамъ 1864. Спб. 1866.

— О дѣятельности прокурорскаго надзора вслѣдствіе отдѣленія обвинительной власти отъ судебной. Спб. 1867.

— Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20-го Ноября 1864 г. Спб. 1874. Съ портретомъ.

— Свѣдѣнія о его службѣ въ Журналѣ Мин. Юстиціи, т. 28 (1866, № 4). Некрологъ въ Голосѣ 1873, № 268 и также въ Моск. Вѣдом. № 246.

Варлаамъ (Вас. Порфирьевичъ Денисовъ), архіеп. Черниговскій, сынъ Новгородскаго діакона. Р. 3 Апрѣля 1804. Окончивъ курсъ (1825) въ Новгор. семинаріи, остался при ней учителемъ и вскорѣ постригся. Въ 1829 г., при учрежденіи Олонецкой епархіи, опредѣленъ членомъ консисторіи, инспекторомъ и учителемъ новой семинаріи, а въ 1833 г., перемѣщенъ въ Вятскую. Въ слѣд. году произведенъ въ санъ архимандрита, въ 1840 въ Иркутскъ ректоромъ семинаріи и настоятелемъ Вознесенскаго монастыря. 19 Декабря 1843 по болѣзни уволенъ изъ семинаріи, а въ 1844 перемѣщенъ настоятелемъ въ Нижегородскій Макаріевъ монастырь; въ 1852 въ Кирилло-бѣлозерскій съ назначеніемъ и на другія еще должности; въ 1857 году архимандритомъ Новгородскаго Юрьева монастыря. Въ 1860 г. Іюля 17 хиротонисанъ епископомъ Екатеринбургскимъ, викаріемъ Пермской епархіи; въ 1862, 19 Мая епископомъ Оренбургскимъ и Уральскимъ, въ 1866 Ноября 9-го Черниговскимъ и Нѣжинскимъ, въ санѣ архіепископа съ 31 Марта 1868 г. Удалился на покой въ Новгородъ-сѣверскій Преображенскій монастырь въ Сент. 1871 года; сконч. 18 Января 1873 г.

— Бесѣды и слова. Спб. 1850 (30 проповѣдей; остальныя, говоренныя, послѣ 1848 г., еще въ рукописяхъ).

— Обозрѣніе рукописей преп. Кирилла Бѣлозерскаго. (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1860, кн. 2).

— Историко-археологическое описаніе древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-бѣл. монастырѣ. (тамъ же, 1860, кн. 3).

— Служба преподобному отцу нашему Нилу, Сорскому чудотворцу. М. 1860.

— Преосв. Ириней, епископъ Екатеринбургскій. Спб. 1860 (Біографія, изъ „Странника").

— Нѣсколько словъ и статей его въ журналахъ (Странникъ 1867; Дух. Бесѣда 1872).

Черниг. Епарх. Извѣстія 1873, № 4. Странникъ 1873, т. II, № 4, стр. 3 — 53 (біографія, составленная А. Страдомскимъ).

Волковъ, Адріанъ Марковичъ, художникъ, карикатуристъ, издатель сатирическаго листка „Маляръ". Ум. 1 Февраля 1873. (См. Голосъ № 35).

Галанинъ, Иванъ Дмитріевичъ. Ум. 16 Августа 1873 г. Участвовалъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., гдѣ много его рецензій (т. XLV—LXXIX) и гдѣ онъ помѣщалъ обозрѣнія Русскихъ газетъ и журналовъ. Онъ же составилъ: Указатель къ повременнымъ изданіямъ Мин. Нар. Пр. (1803—1864). Спб. 1865.

Гюббенетъ, Христіанъ Яковлевичъ, д. с. с., Кіевскій хирургъ и операторъ. Лифляндецъ. Род. 15 Мая 1822. Пройдя курсъ медицинскихъ наукъ въ Дерптѣ, онъ служилъ три года въ Казани. Въ 1847 онъ получилъ въ Дерптѣ степень доктора медицины, отправился въ Петербургъ и по предложенію графа Уварова поступилъ въ Кіевскій унив-тъ въ 1850 г. на каѳедру хирургіи и завѣдывалъ хирургическою клиникою. При началѣ

Крымской войны онъ отправился въ Севастополь и съ Пироговымъ дѣлилъ труды и заботы о раненыхъ. Въ 1869 онъ участвовалъ въ международномъ конгрессѣ всѣхъ обществъ попеченія о раненыхъ и способствовалъ учрежденію Русскаго общества. Во время Германо-французской войны находился на театрѣ военныхъ дѣйствій. Скончался въ Вильнѣ, Іюня 3-го 1873. Онъ былъ членъ многихъ ученыхъ обществъ и печаталъ въ иностранныхъ журналахъ.

— De acido arsenicoso. Dorpati 1847.

— Ueber cholera epidemia in Kiew. Leipzig. 1850.

— Наблюденія надъ холерною эпидеміею. Спб. 1851.

— О значеніи гимнастики въ жизни человѣка и народовъ. 1854.

— О медицинской части въ Австріи. 1854.

— О состояніи медицинской части въ Италіи. 1855.

— Die Beobachtung und das Experiment in der Syphilis, mit Abbildungen. Leipzig. 1859.

— Наблюденія надъ сифилитическою болѣзнію (Военно-Мед. Журналъ 1860 и 1861).

Всем. Иллюстрація, т. X (1873, № 242, стр. 123).

Жандръ, Андрей Андреевичъ, д. т. с. сенаторъ. Ум. 19 Янв. 1873, 80-ти лѣтъ отъ роду. Онъ былъ другомъ А. А. Грибоѣдова и въ сотрудничествѣ съ нимъ перевелъ съ Французскаго комедію Барта: „Притворная невѣрность“, представленную въ Спб. въ Февралѣ 1817 года.

Онъ долго былъ директоромъ канцеляріи морскаго министерства и принималъ участіе во всѣхъ учрежденіяхъ и преобразованіяхъ морской администраціи въ царствованіе Николая Павловича, а въ нынѣшнее царствованіе служилъ сенаторомъ.

— Семела, миѳологическое представленіе, подражаніе Шиллеру. Спб. 1825.

Некрологъ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 1873, № 22.

Куторга, Владиміръ Степановичъ. Ум. 28 лѣтъ въ Мартѣ 1873. Онъ былъ замѣчательнымъ преподавателемъ Русскаго языка въ Спб. Маріинской женской гимназіи. (Голосъ № 93).

Львовъ, Николай Михайловичъ, драматургъ. Изъ Екатеринославскихъ дворянъ; воспитанникъ Казанскаго унив-та.

— Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Комедія. Спб. 1857. (Въ Отеч. Запискахъ, № 3).

— Предубѣжденіе, или не мѣсто краситъ человѣка, человѣкъ — мѣсто, Комедія. 1858.

Недзвецкій, Эдуардъ Ѳомичъ, медикъ. Воспит. Моск. унив-та (1849), служилъ съ 1853 года въ Ярославлѣ, гдѣ съ 1870 былъ помощникомъ врачебнаго инспектора Ярославской губерніи. Онъ былъ одинъ изъ учредителей Ярославской лечебницы для приходящихъ, съ родильнымъ отдѣленіемъ; занимался микрографіею и печаталъ въ Моск. Медиц. Газетѣ и въ иностранныхъ журналахъ. Ум. въ Монтрё 6 Сент. 1873.

(Моск. Мед. Газета 1873, № 39).

Оболенскій, князь Михаилъ Андреевичъ, археографъ, гофмейстеръ. Род. въ Москвѣ въ 1806. Служа офицеромъ въ Польскую войну, онъ сталъ извѣстенъ князю Паскевичу и завѣдывалъ секретною его канцеляріею. По рекомендаціи фельдмаршала, онъ былъ назначенъ (въ 1833) въ Моск. архивъ мин-ва ин. дѣлъ и съ 1839 былъ управляющимъ, а съ 1868 г. директоромъ его по кончину 12 Января 1873 г. (въ Петербургѣ).

По его почину и содѣйствію изданы многіе памятники историческіе, приготовленные къ печати большею частію служившими въ архивѣ А. Н. Аѳанасьевымъ, С. С. Ивановымъ, М. П. Полуденскимъ и другими. Онъ сообщилъ много историческихъ матеріаловъ въ изданія Моск. общества исторіи и древн., въ Библіогр. Записки, въ Архивъ Калачова, въ Русскій Архивъ, въ Журналъ Землевладѣльцевъ. Они указаны при его некрологахъ.

—Деньги Великаго Новагорода. М. 1834.

—Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенную лѣтописи. М. 1836. 4⁰ съ 2 снимками. (Лѣтопись до 1543 г.).

—Сборникъ князя Оболенскаго 11 книжекъ, М. 1838—1840. 12-я книжка (Проэктъ Елагина) М. 1859.

—Книга Посольская Метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе короля Сигизмунда Августа съ 1545 по 1572. 2 ч. (1-я ч. изд. съ И. Даниловичемъ. 2-я ч. издана Погодинымъ).

—Иностранные сочиненія и акты относящіеся до Россіи. М. 1847. Четыре брошюры.

—La légende de la vie et de la mort de Demetrius l'imposteur... imprimé à Amsterdam en 1606. Réimprimé en 1839. M.

—Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая санъ царя за великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, 1561 г. М. 1850 (Греч. текстъ съ переводомъ и примѣчаніями).

—Ярлыкъ хана золотой орды Тохтамыша къ Польскому королю Ягайлу. 1392—1399. Казань, 1850.

—Проэктъ устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, по тридцати четыремъ степенямъ, сост. при ц. Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. М. 1850. (Изъ Архива Калачова, I).

—Лѣтопись Переяславля Суздальскаго (1214—1219). М. 1851.

—Новый Лѣтописецъ, составл. въ ц. Михаила Ѳеодоровича. М. 1853.

—Свѣдѣнія объ авторѣ книги: „Lettres Moscovites". М. 1859. (Изъ Библіогр. Записокъ, т. I).

—О первоначальной Русской Лѣтописи. М. 1870 съ рисунками.

Комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ подъ его управленіемъ напечатанъ: 1) 5-й (неоконченный) томъ Собранія Гос. Грамотъ (начатаго гр. Румянцовымъ); 2) Книга объ избраніи на царство царя Михаила Ѳеодоровича. М. 1856, въ л., съ портретомъ царя и атласомъ; 3) Письма Русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства, 2 тома. М. 1861—1862.

По кончинѣ его, изданы его дочерью, княгиней А. М. Хилковою: „Изслѣдованія и замѣтки князя М. А. Оболенскаго по Русскимъ и Славянскимъ древностямъ". Спб. 1875, большой томъ.

М. Семевскаго, Рус. Старина т. VIII, (1873, № 2). Статья о немъ (очеркъ его трудовъ) *Н. Костомарова*, въ Рус. Архивѣ, т. XI (1873, стр. 667).

Окуневъ, Михаилъ Михайловичъ, генералъ-маіоръ, членъ кораблестроительнаго отдѣленія морскаго техническаго комитета, строитель монитора Петръ Великій. Ум. 24 Февраля 1873 (Рус. Міръ № 51), состоялъ на службѣ съ 1827 года.

Кромѣ постройки многихъ судовъ, онъ извѣстенъ и литературными трудами. Участвовалъ въ Морскомъ Сборникѣ.

— Опытъ сочиненія чертежей военнымъ судамъ, составленный для кондукторскихъ ротъ уч. морскаго рабочаго экипажа. Спб. 1836 съ 30 таблицами и 50 чертежами.

— Публичныя лекціи изъ корабельной архитектуры. Спб. 1866.

— Теорія и практика кораблестроенія, руководство для изученія корабельной архитектуры. 2 ч. въ 3-хъ выпускахъ, съ атласомъ чертежей. Спб. 1865—1867.

(Морской Альманахъ на 1874, стр. 248).

Пареєній, Петръ Тихоновичъ (Поповъ), архіепископъ. Воспитанникъ Воронежской семинаріи, изъ магистровъ Кіевской академіи (1835), былъ протоіереемъ, съ 1841 постригся и былъ ректоромъ семинарій: Орловской (1844), Харьковской (1845), Херсонской (1848), Казанской (1852). Потомъ, епископомъ Томскимъ (съ 14 Марта 1854) и Иркутскимъ (съ 13 Сент. 1860); въ санѣ архіепископа съ 31 Марта 1863.

Пеликанъ, Венцеславъ Венцеславовичъ д. т. с., предсѣдатель медиц. совѣта. Род. въ 1790 въ г. Слонимѣ, получилъ образованіе въ Виленскомъ унив-тѣ и въ медикохирургич. академіи, въ которой, по выпускѣ лекаремъ, оставался адъюнктомъ на каѳедрѣ хирургической патологіи и клиники наружныхъ болѣзней. Онъ вскорѣ отличился своими операціями, удостоенъ въ 1816 г. степени доктора медицины (Diss. de anevrysmate, 1816) и назначенъ въ Виленскій унив-тъ орд. профессоромъ хирургіи, съ завѣдываніемъ клиникою, и кромѣ того читалъ четыре года анатомію и суд. медицину и улучшилъ хирургич. кабинетъ. Онъ печаталъ въ Виленскомъ „Дневникѣ Медицины“ и написалъ на Польскомъ „Міологію для учащихся“, 1823. Въ 1824 онъ назначенъ ректоромъ унив-та, въ 1829 предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Во время Польской войны ему поручено было устройство военнаго госпиталя въ Вильнѣ для раненыхъ. Потомъ въ П. занимался въ коммиссіи объ учрежденіи Виленской медико-хирургич. академіи. Въ 1838 г. назначенъ главнымъ докторомъ въ Московскій военный госпиталь; въ 1846 сдѣланъ директоромъ медиц. деп-та военнаго мин-ва, съ 1851 по 1854 былъ президентомъ медикохирургич. академіи и за тѣмъ назначенъ предсѣдателемъ медиц. совѣта и въ этой должности сконч. 6 Іюля 1873, въ своемъ имѣніи Александровскаго уѣзда, Ковенской губ. (Изъ Всеобщаго Календаря 1874, стр. 589; некрологъ во Всем. Иллюстраціи, т. X, 1873, № 242, съ портретомъ).

Романовъ, Дмитрій Ивановичъ, инженеръ-полковникъ, одинъ изъ сотрудниковъ газетъ Спб. Вѣдомости и Голосъ. Онъ скончался на пути въ Хиву, въ лагерѣ 19 Апрѣля 1873. (См. извѣстія о кончинѣ его въ Голосѣ № 168, 198 и 211).

Мнѣ извѣстны слѣдующія статьи его:

— О Сибирской желѣзной дорогѣ (Изъ Спб. Вѣдом. 1858, № 226—228).

— Желѣзная Софійско-Александровская дорога. Проэктъ съ картою. Спб. 1859.

— Сибирскій Телеграфъ. Спб. 1860. (Изъ Спб. Вѣдом. № 109).

— Цѣны мяса на Амурѣ. Спб. 1860. (Спб. Вѣдом. № 90).

— Вопросъ о телеграфѣ чрезъ Сибирь, между старымъ и новымъ свѣтомъ (Спб. Вѣдом. 1861, № 48).

— Послѣднія событія въ Китаѣ и значеніе ихъ для Россіи. Иркутскъ. 1861.

Ротчевъ, Александръ Гавриловичъ. Получивъ воспитаніе въ Моск. унив-тѣ, онъ служилъ въ Москвѣ при театрѣ, потомъ въ Петербургѣ. Поступивъ на службу въ Россійско-американскую компанію, онъ жилъ въ колоніи „Россъ“, до того времени, когда эта колонія была уступлена Американцамъ. Ротчевъ доказывалъ невыгоду этой уступки. Объ Америкѣ и о своихъ путешествіяхъ онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ журналахъ. Въ Петербургѣ Р. испробовалъ различные роды службы и дѣятельности: служилъ въ военномъ мин-вѣ, былъ редакторомъ Полицейской Газеты, членомъ литературно-театральнаго комитета, сотрудникомъ многихъ га-

зетъ и журналовъ. Онъ былъ въ Ташкентѣ и участвовалъ въ изданіи Туркестанскаго Вѣстника, въ 1870—71 гг. былъ во Франціи. Послѣдній годъ онъ работалъ въ Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ и скон. въ Саратовѣ 20 Августа 1873, на 63 году.

— Мессинская Невѣста, траг. Шиллера. М. 1829.

— Вильгельмъ Тель, траг. Шиллера. М. 1829 (Пер. въ стихахъ, представленный одинъ разъ, въ бенефисъ трагика Каратыгина).

— Макбетъ, трагедія Шекспира. 1830.

— Гернани или Кастильская честь, трагедія В. Гюго. Спб. 1830.

— Правда объ Англіи и сказаніе о расширеніи владѣній ея во всѣхъ частяхъ свѣта. Спб. 1854 (5 тетрадей). 2-е изд. 1855.

— Отвѣтъ газеты „Рус. Инвалидъ" главному правленію Россійско-Американской компаніи о бывшихъ ея владѣніяхъ въ Калифорнія (Изъ № 237 Рус. Инвалида 1857).

Некрологъ въ Голосѣ 1873, № 240.

Туруновъ, Яковъ Николаевичъ, д. с. с., преподаватель исторіи въ военно-уч. заведеніяхъ. Ум. 17 Янв. 1873 (Спб. Вѣдом. № 19).

Состоя ученымъ секретаремъ бывшаго военно-ученаго комитета, онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи „Военнаго Журнала" и былъ сотрудникомъ Военнаго Сборника и Русскаго Инвалида.

Скаловскій, Ростиславъ Карповичъ, генералъ-маіоръ, морякъ, одинъ изъ первыхъ у насъ занимавшихся теоріею пароходства, дѣятельный членъ морскаго ученаго комитета, управлялъ Ижорскими адмиралтейскими заводами. Ум. въ Павловскѣ 6 Марта 1873.

Кромѣ многихъ журнальныхъ статей напечаталъ:

— Описаніе Кордуанскаго и Эддингстонскаго маяковъ. Спб. 1833. 8⁰. съ 2 рисунками.

— Морской офицеръ, романъ Марріэта. 1837. 2 ч.

— Описаніе сравненій Англійскаго флота съ 1690 по 1827 г. К. Экинса. Съ Англ. Спб. 1840. 4⁰. съ 80 листами чертежей.

— Руководство для служащихъ на морскихъ военныхъ пароходахъ. Спб. 1844. Съ 21 и 50 листами чертежей.

— Описаніе индикатора и динамометра. 1846.

— Жизнеописаніе адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова. 1856. Часть 1-я (книга очень важная для исторія нашего флота).

Въ 1849 былъ редакторомъ Морскаго Сборника.

(Морской Альманахъ на 1874, стр. 248).

Толмачовъ, Яковъ Васильевичъ. Воспитанникъ Харьк. коллегіума и Кіевской академіи, въ которой съ 1803 былъ учителемъ. Въ 1809 вызванъ въ Спб. и опредѣленъ въ семинарію учителемъ реторики и математич. наукъ, а въ 1816 при учрежденіи педагогич. института занялъ въ немъ каѳедру Россійской словесности, съ званіемъ орд. профессора, до увольненія въ 1835 г. Ум. въ 1873 г. 97 лѣтъ (См. Русс. Старину, т. IX, стр. 699, примѣч.).

— Русская поэзія, въ пользу юношества, обучающагося въ Харьк. коллегіумѣ. М. 1805.

— Логика Бакмейстера. М. 1807 и Спб. 1823.

— Разсужденіе о духовномъ свойствѣ души человѣческой Моисея Мендельзона. М. 1806.

— Метафизика Бакмейстера. М. 1808 и Спб. 1830.

— Французская грамматика. Изд. 2-е. М. 1814. 4-е изд. Грамматика, составленная для обученія юношества Франц. языку. Спб. 1827.

— Правила словесности, 4 ч. Спб. 1815—1822.

— Опытъ учебнаго предначертанія для преподаванія Росс. юношеству Греческаго языка, А. Стурдзы. Переводъ съ Фр. Спб. 1817.

— Описаніе жизни Его Кор. Высочества герцога Беррійскаго. Съ Фр. Спб. 1820.

— Краткое обозрѣніе словесности древнихъ народовъ. Спб. 1820.

— Похвальное слово имп. Траяну, Плинія, съ Лат. Спб. 1820.

— Военное краснорѣчіе, основанное на общихъ началахъ словесности, 3 ч. Спб. 1825.

— Ручная книга первообразныхъ Латинскихъ словъ. Спб. 1822.

— Подарокъ критику на статью, помѣщенную въ 5 № Журнала Сына Отеч. 1827 г. М. 1827. Второй подарокъ... и Третій подарокъ. (Три полемич. брошюрки по поводу критики на Военное Краснорѣчіе).

— Логика для употребленія въ училищахъ, Кизеветтера. Съ Нѣм. Спб. 1829 и 1831.

(В. Григорьева: Спб. Университетъ, Спб. 1870, стр. 20, 66, 73).

Толстой, графъ Ѳедоръ Петровичъ, скульпторъ и граверъ. Род. въ 1783, въ Петербургѣ. Окончивъ курсъ въ морской службѣ, онъ не долго былъ морякомъ, потомъ посвятилъ себя искусству; опредѣленъ въ 1806 на службу въ Эрмитажѣ, въ 1809 въ монетный департаментъ, а въ 1825 въ академію художествъ, въ которой былъ съ 1828 вице-президентомъ и въ 1842 возведенъ въ званіе профессора медальернаго искусства, а въ слѣдующемъ—скульптуры. Въ 1854 г. праздновали 50-лѣтъ его службы. Въ 1859 праздновали въ академіи художествъ другой 50 лѣтній юбилей со времени назначенія его почетнымъ членомъ этой академіи. Ум. 13 Апрѣля 1873 г.

Не исчисляя здѣсь его художественныхъ произведеній по части медальернаго искусства, скульптуры и гравюры, заслужившихъ ему обширную извѣстность, заносимъ его въ нашъ списокъ какъ автора, по его автобіографіи (въ Рус. Старинѣ, т. VII, 1873 г. № 1, 2 и 4) и укажемъ изданія его медалей и барельефовъ.

— Bas-reliefs allégoriques gravés au traits en mémoire des événements de la guerre de 1812, 1813 et 1814. St. Pét. 1818.

— Медальоны въ память военныхъ событій 1812—1815 годовъ, изобрѣтенные графомъ Ѳ. Толстымъ и выгравированные на стали по способу Бета Н. Менцовымъ. Изд. Археографич. Комиссіи. Спб. 1838.

О его произведеніяхъ статья П. Каменскаго въ Отеч. Запискахъ т. III (1839), IV, стр. 1—28.—Жизнь его и произведенія (подробная статья) Ап. Майкова, въ Отеч. Запискахъ 1852, № 9.—Общее годичное собраніе И. Академіи Художествъ и празднество пятидесятилѣтняго юбилея графа Ѳ. П. Толстаго 10-го Окт. 1854. Спб. 1855. 8°, 54 стр. съ 2 рис. (Изъ Сѣв. Пчелы). Объ этомъ юбилеѣ см. также статью Рамазанова въ Моск. Вѣдом. 1854, № 141.—Частный обѣдъ въ честь графа Т., статья Г. Д. (Данилевскаго) въ фельетонѣ Спб. Вѣдом. 1855, № 8.—См. также Пантеонъ 1855, кн. III, 27—38.—Revue générale historique etc. de Pascallet; Notice biographique, Paris 1856. 8°, 7 p. (очень краткая статейка, подписанная d'Henriet).—Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея графа Т. 16 Мая 1859., 8°, 15 стр. (Изъ Спб. Вѣдом. 1859, № 113).—Некрологъ въ Голосѣ 1873, № 112, М. С. (Семевскаго).

Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, каммергеръ, поэтъ. Р. 1803 г. 23 Ноября въ родовомъ помѣстьи, селѣ Овстугъ, Брянскаго уѣзда. Онъ вышелъ кандидатомъ изъ Моск. унив-та и въ 1821 поступилъ въ министерство ин. дѣлъ. Съ 1821 по 1844 онъ провелъ за границею, состоя до 1840 при разныхъ миссіяхъ. Въ 1844 снова поступилъ на службу и долго предсѣдательствовалъ въ комитетѣ цензуры иностранной. Умеръ 15 Іюля 1873.

Онъ отлично писалъ пофранцузски, и изъ записокъ его напечатана въ Revue des deux mondes 1850: La papauté et la question romaine au point de vue de Saint-Pétersbourg. — Многочисленныя его и замѣчательныя письма предполагаютъ собрать. — Стихотворенія его были впервыя оцѣнены Пушкинымъ и появились въ его Современникѣ. Въ 1854 г. ихъ собралъ И. С. Тургеневъ и напечаталъ при Современникѣ.—2-е изданіе М. 1868.—Переводъ: Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmassen des Originals, dem Russ. nachgebildet. Von H. Noé. München. 1861.

Некрол. Рус. Вѣстникъ т. 106 (1873, № 8), 836—837 стр. Journal de St.-Pétersb. 1873, № 199, фельетонъ.—Рус. Старина т. VIII, (1873, № 8), Прилож. стр. IV, Н. Никитенко. Всем. Иллюстрація, т. X, (1873, № 244), стр. 153, портретъ и некрологъ стр. 155. Обширная статья о немъ его зятя И. С. Аксакова въ Р. Архивѣ 1874, № X-й, съ гравированнымъ портретомъ.

Филаретъ (Ѳома Ѳедоровичъ Малишевскій), епископъ. Сынъ уніатскаго священника села Ромна, Рогачевскаго у. Р. 1807, учился въ Полоцкой уніатской семинаріи (1822 — 1826) и въ Виленскомъ унив-тѣ, гдѣ въ 1829 получилъ степень магистра филологіи и въ томъ же году рукоположенъ во священника. Затѣмъ онъ былъ въ Полоцкой семинаріи учителемъ Французскаго языка, статистики, Нѣмецкаго языка и въ 1833 возведенъ въ профессоры и перемѣщенъ въ Литовскую семинарію на каѳедру церковной исторіи, обрядовъ восточной церкви и проч. Съ 1837 онъ былъ инспекторомъ семинаріи и занялъ каѳедру библейской исторіи и нравственнаго богословія, съ 1840 г. ректоромъ и, сдѣлавшись вдовцомъ, принялъ монашество и нареченъ архимандритомъ. Въ 1849 г., оставаясь ректоромъ, назначенъ настоятелемъ святотроицкаго Виленскаго монастыря, членомъ консисторіи и благочиннымъ монастырей Виленской и Ковенской губерній. 1851 г. Мая 28 рукоположенъ, въ епископа Ковенскаго, викарія Литовской епархіи; въ 1860 Сент. 13 перемѣщенъ епископомъ Уфимскимъ и Мензелинскимъ, а 28 Фев. 1869 г. на каѳедру Нижегородскую. Ум. 7 Фев. 1873. (См. Всеобщій Календарь 1874, стр. 592).

Чайковскій, Антонъ Павловичъ, бывшій профессоръ Спб. университета, въ которомъ читалъ въ 1847—1851 г. о ипотекѣ, нотаріатѣ и коммерціи по Польскимъ законамъ. Ум. 31 Янв. 1873.

— О земскомъ кредитномъ обществѣ Царства Польскаго. Спб. 1856.

Ѳедченко Алексѣй Павловичъ, естествоиспытатель. Сибирскій уроженецъ. Род. въ 1844; окончивъ въ 1864 г. курсъ въ Моск. унив-тѣ, въ которомъ потомъ былъ нѣсколько лѣтъ субъ-инспекторомъ, онъ занимался зоологіею и въ 1868 г. отправился въ Туркестанъ, гдѣ былъ снова въ 1870 г.; потомъ ѣздилъ въ Коканъ и вывезъ обширныя коллекціи и свѣдѣнія о топографіи и природѣ этихъ странъ. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Моск. общества любит. ест. и устроилъ Туркестанскій отдѣлъ Моск. политехнической выставки. Начавъ уже печатать свой огромный трудъ: Путешествіе въ Туркестанъ, онъ осенью въ 1872 г. отправился за границу, а въ слѣдующемъ году осенью находился въ Швейцаріи, гдѣ погибъ въ горахъ при восшествіи на Монбланъ, 14 Сент., близъ Шамуни.

— О самосадочной соли и соляныхъ озерахъ Каспійскаго и Азовскаго бассейновъ. М. 1850. 4°. Съ картами.

— Описаніе его путешествія началось печатаніемъ въ 1872 г. и обрабатывается по частямъ для изданія членами Моск. общества любителей естествовѣденія.

Извѣстія о его кончинѣ въ газетахъ, Моск. Вѣдом. № 245; Голосъ № 254 и 262 (письмо вдовы его).

Некрологъ (краткая біографія) во Всем. Иллюстраціи, т. X, (1873, № 253).

ПОРТРЕТЫ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Русская археографія сдѣлала значительное пріобрѣтеніе въ двухъ большихъ томахъ, изданныхъ Императорскою Академіею Наукъ подъ заглавіемъ: Liste alphabétique de Portaits Russes, par A. Wassiltchikoff. (Азбучный перечень Русскихъ портретовъ. Составилъ А. Васильчиковъ). Въ обоихъ томахъ 1039 страницъ.

Почтенный трудъ этотъ принадлежитъ А. А. Васильчикову, автору книги „Семейство Разумовскихъ" и отличному знатоку Русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ. Привѣтствуемъ его на этомъ новомъ поприщѣ: извѣстно, что для живаго знакомства съ дѣятелями отечественной старины портреты часто даютъ болѣе, чѣмъ кропотливыя біографическія изысканія. При распространяющемся у насъ знакомствѣ съ недавнею стариною, новая книга Васильчикова можетъ служить отличнымъ пособіемъ для собирателей портретовъ. Къ сожалѣнію, она издана на Французскомъ языкѣ.

Чтобы нѣсколько познакомить съ этою книгою Русскихъ читателей, приводимъ въ переводѣ нѣсколько мѣстъ изъ того, что̀ авторъ говоритъ въ предисловіи.

*

Трудъ, предлагаемый нами публикѣ, есть плодъ слишкомъ десятилѣтнихъ изысканій. Для составленія его мы пользовались:

1) Коллекціею Русскихъ портретовъ Парижской Императорской Библіотеки, которая въ то время не была еще приведена въ тотъ общій азбучный порядокъ въ которомъ она находится теперь, безъ различія національностей въ картинахъ и портретахъ.

2) Коллекціею Ф. Ф. Вигеля, хранящейся въ библіотекѣ Московскаго Университета.

3) Библіотекою Императорскаго Петербургскаго Эрмитажа.

4) Императорской Публичной Библіотекою, гдѣ находятся богатыя коллекціи гг. Стелина, Погодина, Коробанова, князя Лобанова и др.

5) Коллекціею г. Геннади, хранившеюся въ Чертковской Библіотекѣ и наконецъ

6) своею коллекціею, собираемою нами въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ. Многое заимствовано нами изъ прекрасныхъ трудовъ покойнаго князя Александра Лобанова-Ростовскаго, столь извѣстнаго иностранцамъ по своимъ изысканіямъ о Французской королевѣ Аннѣ Ярославовнѣ и о Маріи Стюартъ. Князь Лобановъ былъ однимъ изъ первыхъ серьезно занявшихся Русскими портретами. Онъ пожертвовалъ въ Императорскую Публичную Библіотеку свою замѣчательную коллегію портретовъ Петра Великаго вмѣстѣ съ записками, къ нимъ относящимися, плодомъ продолжительныхъ изысканій. Эти портреты вошли въ составъ богатой коллекціи другихъ портретовъ Петра Великаго, которая постепенно пополнялась, начиная съ 1848 года.

Наконецъ мы дѣлали справки въ подлинномъ каталогѣ покойнаго князя Александра Лобанова, хранящемся и понынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ со всѣми прибавленіями и изысканіями г. Стасова. Затѣмъ мы много заимствовали, по части портретовъ Петра Великаго, изъ ученаго труда г. Пекарскаго. Наконецъ, уже по окончаніи нашего труда, вышла въ свѣтъ книга г. Ровинскаго, изъ которой мы извлекли все, что̀ было новаго.

Такимъ образомъ получилась возможность описать 2431 эстампъ.

Въ нашемъ каталогѣ можно найти всѣ извѣстные намъ портреты Русскихъ замѣчательныхъ людей съ Петра Великаго включительно до восшествія на престолъ императора Александра I, распредѣленные въ азбучномъ порядкѣ. Къ портретамъ мы присоединили краткія историческія описанія и нѣкоторыя свѣдѣнія о лицахъ, вошедшихъ въ каталогъ. Но тутъ напрасно стали бы искать портретовъ тѣхъ лицъ, которыя прославились послѣ 1801 года. Поэтому-то мы и не даемъ описанія портретовъ ни фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, ни Багратіона и др. Напротивъ того, у насъ описаны портреты графа Ростопчина, игравшаго столь важную роль при Павлѣ Петровичѣ, хотя и извѣстнаго иностранцамъ преимущественно по Московскому пожару. Императоръ Александръ I и супруга его императрица Елисавета помѣщены у насъ еще какъ великій князь и великая княгиня.

Въ нашемъ трудѣ мы строго ограничивались одними гравированными портретами.

Конечно, книга наша далеко не полна; въ ней, вѣроятно, найдется немало пропусковъ, быть можетъ даже и ошибокъ; но мы просимъ не забывать, что это есть первый въ Россіи подобный трудъ, да и наконецъ, это—не болѣе какъ опытъ.

Мы давно уже посвятили себя изученію нашей исторіи XVIII вѣка. Познакомившись съ дѣяніями и характерами главнѣйшихъ личностей, мы пожелали ознакомиться и съ ихъ внѣшнимъ обликомъ. Намъ удалось собрать болѣе 1500 эстамповъ. Сперва идя ощупью, мы руководствовались въ этомъ дѣлѣ лишь книгою Наглера, которая далеко неполна и часто невѣрна въ описаніи портретовъ Русскихъ людей; и только познакомившись съ различными коллекціями, мы могли составить себѣ идею о портретахъ существующихъ и о тѣхъ, которыхъ не доставало для нашей коллекціи. Въ этихъ изысканіяхъ получился навыкъ распознавать портреты рѣдкіе. Изучивши разъ массу портретовъ, мы были поражены той неряшливостью, съ которой въ наше время воспроизводятся гравюры и портреты нашихъ знаменитостей. Это-то и привело насъ къ изысканію подлинности изображеній.

Относительно портретовъ Петра Великаго, мы исключительно руководствовались трудами покойнаго князя Александра Лобанова; что̀ же касается другихъ, то изслѣдованія наши до послѣднихъ двухъ лѣтъ были, если можно такъ выразиться, болѣе умозрительныя. Проведя большую часть нашей жизни за границей и начавши настоящій трудъ въ Римѣ, продолжая его въ Баденѣ и кончая въ подмосковной деревнѣ, мы затруднялись дѣлать изысканія оригиналовъ гравюръ, находящихся большею частію въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покойному Леониду Никитичу Панину, скромному и неутомимому секретарю Московскаго общества любителей художествъ пришла мысль организовать въ Москвѣ выставку историческихъ портретовъ. Не смотря на всѣ трудности и недостаточность средствъ общества, ему удалось собрать 200 портретовъ, между которыми было много чрезвычайно любопытныхъ въ историческомъ отно-

шенія. За тѣмъ князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ, А. А. Половцевъ, Д. В. Григоровичъ, князь Паскевичъ и графъ Павелъ Строгановъ устроили въ Петербургѣ выставку по примѣру Московской, но въ гораздо бóльшихъ размѣрахъ. По приглашенію ихъ, отыскивая и приводя въ порядокъ эти портреты, мы нашли большую часть оригиналовъ, дотолѣ извѣстныхъ лишь по гравюрамъ. Но одно обстоятельство насъ сильно поразило: мы не находили въ этой коллекціи многихъ оригиналовъ извѣстныхъ и прекрасныхъ гравюръ, и наоборотъ — попадалось множество великолѣпныхъ портретовъ, гравюръ которыхъ нѣтъ нигдѣ. Вообще до нашего времени всѣ старинные портреты и, къ сожалѣнію, тѣ немногіе историческіе памятники, которые мы имѣемъ, находятся въ непозволительно-жалкомъ состояніи. Сколько разъ случалось намъ встрѣчать въ семействахъ портреты, сравнительно не очень древніе, но о которыхъ намъ не могли ничего сказать; нужно было выводить множество заключеній и предположеній, чтобы объяснить, кого изъ предковъ они изображали.

Мы отмѣчали вездѣ, гдѣ могли, мѣстонахожденіе извѣстныхъ намъ оригиналовъ, также какъ и номера тѣхъ, которые были на выставкѣ въ Петербургѣ. Каждый портретъ нашего каталога сопровожденъ краткимъ біографическимъ очеркомъ.

Мы повторяемъ, что трудъ нашъ далеко не безукоризненъ: одна изъ нашихъ богатѣйшихъ коллекцій, а именно г. Ровинскаго, по случайнымъ обстоятельствамъ, намъ до сихъ поръ неизвѣстна. А потому всякая поправка, всякое дополненіе со стороны знатоковъ и любителей, будутъ нами приняты съ живѣйшей благодарностію. Мы надѣемся со временемъ дополнить нашъ каталогъ, и тогда укажемъ всѣ опечатки, всѣ добавленія и всѣ вновь отысканные нами Русскіе гравированные портреты.

(Іюнь 1870).

А. В. ГОРСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Письмо къ издателю Русскаго Архива.

Въ письмѣ вашемъ ко мнѣ по случаю кончины о. ректора Московской духовной академіи А. В. Горскаго, вы, желая почтить память этого подвижника нравственности и просвѣщенія, выразили желаніе получить отъ меня біографическія о немъ извѣстія для помѣщенія въ Русскомъ Архивѣ.

Кончина его уже вызвала немало некрологическихъ о немъ воспоминаній. Въ Москов. Вѣдом. помѣщенъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ его памяти, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія какъ объ ученой и воспитательной дѣятельности, такъ и о нравственномъ характерѣ почившаго. Послѣ этого мнѣ оставалось бы только написать его полную біографію; но она, какъ справедливо замѣчено въ одной изъ упомянутыхъ статей *), должна послужить предметомъ особаго изслѣдованія, которое потребовало бы немалаго времени. Притомъ же для такого труда нужно стоять ближе къ Академіи и имѣть непосредственный доступъ къ ея бумагамъ. Со всѣмъ тѣмъ, исполняя ваше желаніе, я рѣшаюсь набросать здѣсь краткій очеркъ жизни А. В. Горскаго, на сколько мнѣ позволятъ это и скудость имѣющихъ у меня матеріаловъ, и непродолжительность личнаго моего знаства съ покойнымъ. Пусть настоящія строки послужатъ хотя слабымъ выраженіемъ благоговѣйнаго уваженія моего къ его памяти.

Александръ Васильевичъ Горскій родился въ Костромѣ, 16 Авг. 1812 г. Отецъ его, Василій Сергѣевичъ, получившій образованіе въ Троицѣ-лаврской семинаріи и кончившій жизнь въ санѣ протоіерея Костромскаго каѳедральнаго собора, былъ тогда учителемъ риторики въ Костромской семинаріи. Молодой Горскій первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ своего достойнаго родителя и на 12-мъ году возраста поступилъ въ число воспитанниковъ мѣстной семинаріи. Богатство его дарованій и прилежаніе обратили на него вниманіе ревизовавшаго въ 1828 г. это учрежденіе баккалавра Моск. дух. академіи Аѳанасія, который тогда же назначилъ его къ поступленію въ студенты этой академіи, не смотря на то, что онъ кончилъ только курсъ философіи и что ему было не болѣе 16 лѣтъ отъ роду: возрастъ безпримѣрно ранній для поступленія въ духовныя академіи.

При вступленіи въ академію Горскій уже обладалъ достаточнымъ знаніемъ Латинскаго и Греческаго языковъ. Въ теченіе пребыванія своего въ этомъ заведеніи онъ усовершенствовался въ обоихъ, что открыло ему сво-

---

*) Статья г. Смирнова въ № 265-й М. Вѣдом. 1875 года.

бодный доступъ къ изученію въ подлинникѣ отцевъ церкви. Счастливая память и богатство природныхъ дарованій облегчали ему ходъ образованія. Въ 1832 году онъ окончилъ курсъ академіи третьимъ студентомъ и выпущенъ магистромъ, съ назначеніемъ преподавателемъ церковной исторіи въ Московскую духовную семинарію, гдѣ вскорѣ были возложены на него и обязанности библіотекаря. Это естественно облегчило ему знакомство съ книгами, которое потомъ онъ употребилъ чрезвычайно плодотворно, особенно исполняя въ послѣдствіи должность библіотекаря академіи, куда послѣ годичной службы въ семинаріи онъ былъ переведенъ въ качествѣ баккалавра по классу церковной исторіи. Въ званіе ординарнаго профессора Горскій возведенъ въ 1839 году.

Историческимъ наукамъ тогда отведено было не очень видное мѣсто, и нельзя сказать, чтобы онѣ процвѣтали въ академіи. Горскій предался своему предмету съ пылкостію юноши и съ выдержкою мужа. Въ любви своей къ ученымъ трудамъ онъ нашелъ энергическаго товарища въ лицѣ баккалавра академіи Филарета Гумилевскаго *), который былъ старше его только однимъ курсомъ. Оба одаренные самыми счастливыми дарованіями, проникнутые искреннимъ благочестіемъ и приверженностію къ православной церкви, одушевленные горячею любовію къ наукѣ, они скоро сблизились, и между ними основалась самая тѣсная дружба. Они начали знакомиться съ рукописями академіи и лавры и выписывать изъ за границы замѣчательнѣйшія произведенія западной науки.

Вскорѣ, и именно въ Декабрѣ 1835 года, Филаретъ былъ назначенъ ректоромъ академіи. Это предоставило друзьямъ болѣе средствъ къ ихъ ученымъ трудамъ и дало возможность свободнѣе работать на пользу науки. Библіотека академіи стала обогащаться многими изданіями, въ которыхъ прежде чувствовался недостатокъ. Въ замѣткахъ студентовъ, носившихъ дотолѣ почти исключительно философско-теологическій характеръ, сдѣлалось замѣтнымъ направленіе историческое. Въ это время, подъ руководствомъ этихъ наставниковъ, изданы академіею замѣчательныя сочиненія: Мухина—„О праздникахъ богородичныхъ", и Руднева—„О ересяхъ и расколахъ въ Россіи".

Въ 1842 г. Горскій былъ назначенъ библіотекаремъ академіи, — должность, въ которой онъ оставался двадцать лѣтъ. Ознакомясь съ занятіями библіотекаря еще во время служенія своего въ Моск. семинаріи, онъ теперь получилъ возможность еще болѣе обогатить свои библіографическія познанія. Разбирая сокровища академическаго книгохранилища, онъ стоялъ, такъ сказать, у источника вѣдѣнія: могъ ли онъ не удовлетворять жажды своего любознательнаго ума? И дѣйствительно, онъ черпалъ изъ него полными руками. Громадное число книгъ и рукописей сохраняютъ въ себѣ свидѣтельства знакомства его съ ними, въ видѣ собственноручныхъ его замѣтокъ карандашемъ, обличающихъ многосторонность его ума и знаній. Библіотекарскія занятія имѣли для него такимъ образомъ огромное значеніе; они имѣли его и для академіи: онъ выписывалъ много новыхъ сочиненій, въ которыхъ нуждалась библіотека. Снабжая источниками и разными книгами наставниковъ и студентовъ, онъ обыкновенно указывалъ при этомъ что въ какомъ изданіи можно было отыскать для изслѣдованія и разработки даннаго вопроса. Такъ обширно было его знакомство съ литературою и такъ богата была его память!

---

*) Извѣстный впослѣдствіи епископъ Рижскій; сконч. въ санѣ архіепископа Черниговскаго.

Во всю свою жизнь Александръ Васильевичъ былъ глубоко и искренно преданъ церкви и свято хранилъ ея установленія. Въ юности своей онъ даже выражалъ желаніе поступить въ монахи, но былъ удержанъ отъ того своею матерью. Впрочемъ онъ всегда питалъ уваженіе къ иночеству. Его неподдѣльныя чувства къ досточтимому отцу-намѣстнику лавры доказываютъ, какъ уважалъ онъ подвижничество духовное; онъ называлъ его неиначе, какъ „аввою", въ смыслѣ первобытныхъ Египетскихъ пустынниковъ. Хотя Горскій не носилъ иноческой мантіи, но образъ жизни велъ монашескій. Мясной пищи не употреблялъ съ давняго времени и имѣлъ не болѣе одного стола въ день. Всѣ посты соблюдалъ строго, а въ великій вкушалъ рыбу только въ дни, разрѣшаемые уставомъ церкви. На страстной недѣлѣ хаживалъ въ Троицкій лаврскій соборъ и выстаивалъ тамъ всѣ службы, продолжающіяся не рѣдко по 12 часовъ въ сутки. Въ свѣтлое воскресенье всегда пріобщался Св. Таинъ, хотя говѣлъ обыкновенно и на первой недѣлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое глубокое и искренное благочестіе сохранило его во всей чистотѣ православія, не смотря на обширное знакомство его съ сочиненіями всякихъ отрицательныхъ направленій, столь опасныхъ для людей неутвержденныхъ въ вѣрѣ. Горскій до конца пребылъ вѣрнымъ своей церкви. При такомъ направленіи неудивительно, что онъ ощутилъ потребность ближайшаго отношенія къ алтарю и въ 1860 году былъ рукоположенъ въ священника. Это былъ едва ли не первый примѣръ у насъ неженатаго священника. Каноны церкви, правда, не требуютъ безусловнаго вступленія въ бракъ предъ принятіемъ священнослужительскаго сана; но практика нашей Русской церкви ввела это въ постоянный обычай, почти равняющійся непремѣнному целибату, установленному въ церкви Латинской. Рукоположеніе Александра Васильевича было такъ ново, что породило тогда много толковъ даже въ нашихъ салонахъ, обыкновенно крайне-безразлично относившихся къ церковнымъ событіямъ. По общему у насъ невѣдѣнію каноновъ встрѣчались даже сомнѣнія въ правильности его рукоположенія; иные смѣшивали целибатъ съ монашествомъ и спрашивали, почему онъ не носитъ клобука....

Устраняя этотъ вопросъ свѣтскаго невѣжества, можно было дѣйствительно спросить, зачѣмъ не надѣлъ онъ клобука, который открывалъ ему путь въ высшимъ іерархическимъ степенямъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слова его некролога: онъ не принялъ иночества, потому что оно должно было „отвлечь его отъ ученыхъ занятій, которымъ онъ желалъ посвятить всю свою жизнь, — удалить его отъ любимой имъ лавры и академіи и заставить заниматься дѣлами, преимущественно уже не книжными, то въ той, то въ другой епархіи" *). Кто не узнаетъ въ этомъ истиннаго подвижника науки?

Въ 1860 г. Горскій опредѣленъ ректоромъ Московской духовной академіи. Митрополитъ Филаретъ цѣнилъ и уважалъ Горскаго; но, придерживаясь вѣковой практики, по которой ректорами назначались обыкновенно монахи, онъ не сразу рѣшился назначить его въ эту должность, какъ принадлежащаго къ бѣлому духовенству. Благоразумное мнѣніе духовника митрополита, архимандрита Антонія, что Горскій, какъ протоіерей, не повышаясь въ санѣ и оставаясь постоянно ректоромъ, принесетъ болѣе пользы академіи, было уважено владыкою.

*) Моск. Вѣд. № 265.

Вмѣстѣ съ своимъ назначеніемъ Александръ Вас-чъ принялъ на себя преподаваніе догматическаго богословія и оставилъ каѳедру церковной исторіи, занимаемую имъ въ теченіи 30 лѣтъ.

Учено-трудовая дѣятельность его была изумительна; онъ не зналъ ни отдыха, ни развлеченій, и жизнь свою всецѣло посвящалъ занятіямъ. Греческую церковную литературу онъ изучилъ до малѣйшей подробности. Новѣйшія сочиненія по всѣмъ наукамъ, хотя бы только косвенно относящимся къ церковной исторіи и богословію, были ему хорошо знакомы. „Онъ былъ живою энциклопедіею всѣхъ знаній, съ которою могъ справляться и наставникъ, и студентъ", какъ справедливо сказалъ мнѣ одинъ изъ его друзей и почитателей.

Перечень его напечатанныхъ трудовъ помѣщенъ въ № 265 Моск. Вѣд. Я не переписываю его. Скажу только, что послѣ него много сочиненій осталось въ рукописяхъ, и еще болѣе начатыхъ и, къ сожалѣнію, не оконченныхъ. Должно также сказать, что хотя въ послѣднемъ томѣ Описанія рукописей синодальной библіотеки и не выставлено имени Александра Вас-ча, но онъ составленъ при такомъ же его участіи, какъ и первые, и едва ли онъ еще не болѣе трудился надъ этимъ отдѣломъ описанія богослужебныхъ книгъ, которыя онъ изучилъ спеціально.

Я лично познакомился съ нимъ въ Январѣ 1872 года, когда переѣхалъ на жительство въ Сергіевъ Посадъ. Меня поразила его святолѣпная наружность. Благородныя и выразительныя черты лица, окаймленныя бѣлоснѣжною бородою, напоминали мужей первобытной церкви, какъ мы привыкли видѣть ихъ на картинахъ классической школы. Изъ подъ густыхъ бровей его искрились задумчивые, полные любви и кротости, глаза. Онъ былъ тогда бодръ и крѣпокъ, и здоровье его обѣщало еще долгую жизнь. Александръ Вас-чъ принялъ меня благосклонно; съ той поры мы видались довольно часто. Чѣмъ ближе я узнавалъ его, тѣмъ болѣе цѣнилъ и тѣмъ сердечнѣе къ нему привязывался. Его назидательная бесѣда поучала меня, и сколь ни громадны были его знанія, онъ не подавлялъ меня ими, потому что рѣчь его растворялась необычайною скромностію и ставила собесѣдника въ уровень съ собою. Горячо преданный наукѣ, онъ отдавалъ ей все свое время. Кромѣ обязательнаго по своей каѳедрѣ чтенія догматики, онъ еще добровольно читывалъ студентамъ исторію восточной церкви со времени взятія Турками Константинополя. Лекціи его по этому предмету были тѣмъ болѣе интересны, что представляли трудъ, вполнѣ самостоятельный, такъ какъ оффиціальное преподаваніе не доходило до этой эпохи по недостатку руководствъ и по неразработанности самаго предмета. Это былъ дорогой вкладъ въ сокровищницу церковно-историческихъ знаній. Остается желать, чтобы труды его по этой части сохранились и сдѣлались со временемъ извѣстными.

Главную черту нравственнаго характера почившаго составляла любовь, полная, всеобъемлющая, христіанская любовь, соединенная съ кротостію и смиреніемъ. Кто по этому признаку не узнаетъ истиннаго ученика Христова? Только этотъ одинъ признакъ и завѣщалъ Своимъ послѣдователямъ Самъ Законоположникъ вѣры нашей: „о семъ разумѣютъ вси яко Мои ученицы есте", и единственное наставленіе, оставленное Имъ въ строгомъ смыслѣ *ученія*, заключается въ словахъ: „*научитесь* отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ". Обѣ эти черты существенно характеризовали покойнаго.

Обычная жизнь Александра Вас-ча текла своимъ порядкомъ. Онъ пользовался полнымъ здоровьемъ, и лѣтомъ 1872 года даже посѣтилъ меня въ деревнѣ, въ 17 верстахъ отъ посада. Но осенью того же года, съ нимъ

повторился (какъ пишетъ г. Смирновъ въ № 265 М. В.) бывшій 18 л. тому назадъ „припадокъ сердцебіенія въ довольно сильной степени, а 21 Дек. прошлаго года, при новомъ повтореніи припадка, оказалось, что болѣзнь неизлѣчима“ *). Причину этихъ припадковъ одинъ изъ некрологистовъ Горскаго видитъ въ любви къ академіи. „Можетъ быть, горячность этой любви, — говоритъ онъ въ № 261 М. В., — чрезмѣрность ея безпокойствъ, заботъ и огорченій и подорвали крѣпкія отъ природы силы Александра Вас-ча. Неустройство переформированной жизни академіи, нѣкоторыя настроенія въ ея коллегіи, неправильности въ свѣтскихъ выборахъ, все это слишкомъ тяжело ложилось на душу покойнаго, неумѣвшую холодно относиться къ ненормальностямъ дорогаго его сердцу учрежденія....“

Вечеромъ 11 Окт. онъ почилъ свято, какъ свято жилъ, напутствованный спасительными таинствами церкви. Я не буду говорить, какъ тяжело отозвалась въ сердцѣ вѣсть о его кончинѣ. На домашнихъ панихидахъ священнослужители едва могли произносить возгласы: рыданія заглушали ихъ. Въ день похоронъ пространная трапезная церковь лавры была переполнена его почитателями. Отпѣваніе совершилъ преосв. Леонидъ, епископъ Дмитровскій въ сослуженіи многочисленнаго столичнаго, академическаго и лаврскаго духовенства. И наставники, и студенты горячо оплакивали своего ректора. Я не видалъ сухихъ глазъ.

Гр. Дмитрій Н. Толстой.

30 Октября 1875.
Сергіевъ Посадъ.

P. S. Въ 9-й день по кончинѣ поминовеніе совершалъ преосв. Алексій, архіеп. Рязанскій, пріѣхавшій нарочно почтить своего сослуживца **).

---

*) Г. Смирновъ говоритъ, что это случилось лѣтомъ. Память въ этомъ случаѣ измѣнила ему: повтореніе припадка послѣ 18 лѣтняго перерыва произошло именно осенью.

**) Преосвященный Алексѣй былъ ректоромъ академіи, когда А. В. Горскій былъ ординарнымъ профессоромъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНШИКОВЪ.

VI.

1710 годъ *)

Прошло слишкомъ пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Меншиковъ выѣхалъ изъ Петербурга. Петровскій парадизъ выросталъ изъ болотъ Финскихъ не по днямъ, а по часамъ. Могучею волею великаго человѣка тысячи людей собирались со всѣхъ концовъ Россіи рубить городовое строеніе. Крестьяне дворцовые, архіерейскіе, монастырскіе и помѣщичьи пригонялись изо всѣхъ губерній въ новорожденный городъ для построекъ и другихъ работъ. Много слегло ихъ отъ болѣзней, порожденныхъ мѣстнымъ климатомъ, много и отъ скудной пищи и дурнаго содержанія въ мазанкахъ и шалашахъ. Народъ роптал, и Петру пришлось узнать объ этомъ отъ своего шута, знаменитаго Ивана Балакирева. Петръ спросилъ его что̀ говоритъ народъ о Петербургѣ.—„Царь Государь, отвѣчалъ шутъ, народъ говоритъ: съ одной стороны море, съ другой горе, съ третьей мохъ, а съ четвертой охъ!“ За эту прибаутку шутъ поплатился спиною, по которой прогулялась знаменитая дубинка.

Выстроился и домъ князя Александра Даниловича на Васильевскомъ острову, въ которомъ Петръ, за недостаткомъ помѣщенія въ своемъ дворцѣ, устроивалъ всѣ торжественныя празднества. Значительно измѣнилось и общественное положеніе Меншикова со времени послѣдняго его пребыванія въ Петербургѣ. Съ пожалованіемъ Меншикову въ теченіи этого періода всего Петербургскаго края, Малороссійскихъ Мазепинскихъ имѣній, Польскихъ староствъ, онъ сдѣлался первымъ богачомъ въ Россіи, а дружескія отношенія съ Петромъ и Екатериною закрѣпились твердо заслугами фельдмаршала. Никто къ царю не былъ ближе Меншикова. Возвращеніе князя въ Петербургъ Петръ праздновалъ торжественно. На встрѣчу къ Красному Кабачку выѣхали всѣ ближніе люди, и сверхъ того посланники Польскій и Датскій. Самъ Петръ встрѣтилъ сотоварища понесенныхъ трудовъ передъ городомъ. Во время въѣзда князя въ Петербургъ съ обѣихъ крѣпостей (Петропавловской и Адмиралтейской) производилась пальба изо всѣхъ пушекъ. Какая великая разница между губернаторомъ-Меншиковымъ, выѣхавшимъ тому назадъ пять лѣтъ изъ Петербурга и фельдмаршаломъ, свѣтлѣйшимъ княземъ, возвратившимся теперь въ Петровскій парадизъ. Сколько замѣчательныхъ, важныхъ событій совершилось передъ его глазами, въ которыхъ онъ принималъ непосредственное участіе! Все что̀ онъ видѣлъ, что̀ онъ и другіе сдѣлали въ это

---

*) См. выше стр. 198.

время, все чтò происходило съ нимъ и съ Петромъ, въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, все это дало необыкновенное развитіе его необыкновеннымъ способностямъ, и изъ денщика, изготовлявшаго знамена для Семеновскаго полка, вышелъ фельдмаршалъ, дипломатъ, администраторъ—полный государственный человѣкъ. Въ глазахъ Петра всѣ заслуги Меншикова въ „домашнемъ обиходѣ“ были на второмъ планѣ; на первомъ были государственныя, и Петръ оцѣнилъ ихъ искренно, честно и возвышалъ князя не какъ любимца, а какъ одного изъ самыхъ вѣрныхъ, знающихъ, дѣятельныхъ своихъ сотрудниковъ на славу Россіи.

Въ крутой ломкѣ стариннаго быта, старыхъ порядковъ государственнаго хозяйства и администраціи, изо всѣхъ „птенцевъ“ Петра Великаго всѣхъ ближе и яснѣе видѣлъ подробности дѣла Меншиковъ: онъ съ первыхъ дней отдался направленію Петровскому, сродниился съ нимъ и постепенно развивался подъ геніальнымъ преобразовательнымъ вліяніемъ царя..... Всѣ прочіе Русскіе люди, ближніе царя, тянулись за Петромъ, но принадлежали къ XVII столѣтію. Они отрекались отъ преданій своего вѣка, иные изъ преданности, иные изъ страха, иные безотчетно, увлекаемые силою и духомъ времени; а Меншиковъ не имѣлъ никакой связи съ стариною: онъ попалъ къ царю съ улицы. Онъ найденышъ Петра, оживленный и воспитанный имъ. Неминуемо, всѣ пороки и недостатки Петра Великаго стали присущи и Меншикову. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же и о нѣкоторыхъ высоко-нравственныхъ качествахъ принадлежавшихъ Петру, а именно: высокой любви къ Отечеству, простоты въ обращеніи, вѣрности въ дружбѣ; этихъ качествъ Меншиковъ не перенялъ у своего учителя и друга, и отсутствіе ихъ погубило его. Богатство, пріобрѣтенное княземъ Меншиковымъ такъ скоро, такъ легко и доведенное потомъ до огромныхъ размѣровъ пожалованіями въ Шведскую кампанію, развило въ немъ жажду къ пріобрѣтенію, хотя бы противузаконными путями; а быстрое возвышеніе изъ ничтожества и обаяніе власти породили гордость и тщеславіе. Петръ замѣчалъ эти недостатки въ своемъ любимцѣ и строго относился къ нимъ, а когда Меншиковъ забывался, то давалъ ему почувствовать, что онъ такой же какъ и всѣ, его подданный. „Не забывай, говаривалъ ему Петръ, кто ты былъ, и изъ чего сдѣлалъ я тебя тѣмъ, каковъ ты теперь“ (Дѣянія Петра В. Голикова, IV, 459). Но подобные упреки испорченнаго человѣка не останавливаютъ, а только оскорбляютъ, напоминая то, чтò онъ желалъ бы скрыть отъ другихъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Меншиковъ поставилъ свой домашній бытъ на широкую ногу. У князя свои карлы, парикмахеръ, камердинеръ-Французъ, мундшенкъ, берейторъ, трубачи, гобоисты, бандуристы, шталмейстеръ, кучера, сѣдельники, конюхи, конали, слесари, кухмейстеры, часовникъ, садовой мастеръ, огородники: всѣ изъ иностранцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ плѣнные взятые подъ Полтавою; они по тому времени получали значительное жалованье; напримѣръ, шталмейстеръ Крестьянъ Росталь, находившійся безотлучно при князѣ, 300 р. въ годъ; кухмейстеръ Юрій Патонъ 200 р.; трубачь Крестьянъ Краморъ 204 р. Другіе получали отъ 50 до 150 р. въ годъ. Изъ Русскихъ были только сапожники и псари; эти получали 30 алтынъ въ мѣсяцъ жалованья. По сохранившимся счетамъ видно, что, съ конца 1709 года по 1711 годъ, князь на свое содержаніе (за исключеніемъ расходовъ на княгиню и сына) израсходовалъ 45123 рубля.

Меншиковъ неотлучно при Петрѣ, то въ Петербургѣ, то въ Петергофѣ. то на Котлинѣ островѣ (См. Военно-походн. журналъ 1710 г.). 22 Августа Петръ, на новопостроенномъ кораблѣ „Выборгъ“, отправился въ Крон-

штатъ. 27 числа Меншиковъ пріѣхалъ къ нему съ плѣннымъ генераломъ Левенгауптомъ, и на новомъ кораблѣ веселились. 1-го Сентября на этомъ кораблѣ опять праздненство, съ участіемъ знаменитаго князь-папы, канцлера графа Головкина и графа Мусина-Пушкина. 3-го числа тутъ же пиръ до 4 часу ночи, и потомъ переѣхали въ Петербургъ. Между тѣмъ княгиня Дарья Михайловна не на радость пріѣхала въ свои новыя палаты. Она съ сестрою Варварою ухаживала за больнымъ сыномъ. Доктора не помогли, и 25 Сентября рожденный въ походѣ князь Лука-Петръ скончался. За два дня до кончины его Екатерина посылала ему еще свой привѣтъ въ письмѣ къ Дарьѣ Михайловнѣ изъ флота, гдѣ она была съ Петромъ на кораблѣ „Выборгъ“: „Государыня моя матушка княгиня Дарья Михайловна (писала Екатерина), здравіе ваше да сохранитъ Господь купно и съ свѣтлѣйшимъ княземъ моимъ милостивымъ государемъ Александромъ Даниловичемъ и съ маленькимъ княземъ, моимъ дорогимъ сударушкою. О себѣ вашей милости доносимъ: слава Богу, при милости господина шаутъ-бейнахта, въ добромъ здравіи. Просимъ васъ мою государыню, дабы вы изволили насъ увѣдомить о здравіи своемъ; а наипаче желаемъ, дабы вашу милость здѣсь намъ вскорѣ видѣть и купно съ вами веселиться. Въ прочемъ здравіе вашей милости въ сохраненіе Господу предавъ, остаюсь Екатерина. P. S. Прошу васъ мою государыню, дабы отданъ былъ мой поклонъ государынѣ моей Варварѣ Михайловнѣ“ (Архивъ Мин. Иност. Д.).

Но князю некогда было и погоревать—пришлось дѣлить горе съ весельемъ. Получены были извѣстія о взятіи Ревеля, Кексгольма. Съ 8-го Октября начались банкеты. Первый былъ у князя Меншикова, потомъ у адмирала Апраксина, у князя Черкасскаго, у графа Головкина, у Шафирова, пожалованнаго въ Іюнѣ въ „Россійскіе бароны“, и послѣдній банкетъ опять у князя Меншикова гдѣ веселились до 4 ч. утра. Справивши веселія въ Петербургѣ, Меншиковъ 17 Октября отправился съ Петромъ въ Кексгольмъ; въ компаніи были адмиралъ Апраксинъ и князь-папа. По дорогѣ заѣхали повеселиться къ Апраксину въ его имѣніе Осиновую Рощу. На другой день при пушечныхъ выстрѣлахъ въѣхали въ Кексгольмъ; встрѣчалъ генералъ Бауръ, которому принадлежала честь взятія этого города. 22-го Октября на квартирѣ князя Меншикова обѣдъ, а послѣ обѣда, какъ записано въ военно-походномъ журналѣ, „по соизволенію святѣйшаго князь-папы, ходили вкругъ по городу“. 24-го всѣ возвратились въ Петербургъ.—Здѣсь шли уже приготовленія въ домѣ князя къ свадьбѣ царевны Анны Ивановны съ герцогомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Курляндскимъ. Предварительный брачный договоръ былъ подписанъ еще 10-го Іюня 1710 г. съ одной стороны княземъ Меншиковымъ, съ другой стороны оберъ-маршаломъ герцога фонъ-Рейне и совѣтникомъ Лау. Любопытенъ титулъ Меншикова выписанный въ этомъ договорѣ: „Римскаго и Россійскаго государствъ князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, герцогъ Ижорскій, наслѣдный господинъ Ораніенбурга и иныхъ, его царскаго величества первый дѣйствительный тайный совѣтникъ, командующій генералъ-фельдмаршалъ войскъ и генералъ-губернаторъ Санктпетербурга и многихъ провинцій его императорскаго величества, кавалеръ св. ордена Андрея и Слона и Бѣлаго и Чернаго Орла“ (П. С. Зак., т. IV. 2272). Въ тоже время въ оффиціальныхъ Русскихъ бумагахъ титулъ князя писался слѣдующій: „Римскаго и Россійскаго государствъ князь Ижорскія земли, генералъ-губернаторъ надъ провинціями Ингріею и Эстляндіею, его царскаго величества государственныхъ тайныхъ дѣлъ министръ и генералъ-фельдмаршалъ, кавалеръ и подполковникъ Преображенскаго регименту и

капитанъ компаніи бомбардирской отъ первѣйшей гвардіи его величества и полковникъ надъ двѣмя конными и надъ двѣмя пѣхотными полками". (Архивъ Мин. Ин. Д.).

Герцогъ Курляндскій прибылъ въ Петербургъ еще въ Августѣ. Передъ пріѣздомъ Петръ подарилъ ему 400 конныхъ солдатъ „въ добромъ мундирѣ", а князь Меншиковъ сафиръ въ 50.000 ефимковъ, Турецкую лошадь въ 1000 флориновъ и 50 человѣкъ драбантовъ (Жур. Гизена, у. Туманскаго, VIII, 249, 311). По пріѣздѣ герцога, старушка-царица Прасковья Өедоровна, будущая его теща, угостила его великолѣпнымъ столомъ, а Петръ показывалъ герцогу всѣ свои заведенія въ Петербургѣ, за городомъ, въ Кронштатѣ и на Котлинѣ-островѣ; въ присутствіи герцога заложены городъ и крѣпость Кронштадтъ. За три дня до свадьбы Петръ возилъ жениха и невѣсту со всѣмъ царскимъ семействомъ веселиться въ Шлюссельбургъ (Голиковъ, IV, 488). Вѣроятно Петръ съ Екатериною угощали жениха и въ Царскомъ Селѣ за просто, такъ какъ еще въ Іюнѣ этого года Сарская и Славянская мызы въ Копорскомъ уѣздѣ были пожалованы Петромъ Екатеринѣ. Меншиковъ пишетъ къ коменданту Копорскому Думашеву 24 Іюня 1710 года: „Его царское величество соизволилъ отдать Катеринѣ Алексѣевнѣ въ Копорскомъ уѣздѣ Сарскую и Славянскую мызы съ принадлежащими къ нимъ деревнями, со крестьяны и со всѣми угодьи, и по полученіи сего тѣ мызы со всѣми принадлежащими къ нимъ деревнями и прочимъ ей Катеринѣ Алексѣевнѣ отдайте и изъ окладныхъ книгъ тѣ мызы выпишите; а что́ въ тѣхъ мызахъ въ отдачѣ будетъ дворовъ, и пашни, и лѣсу, и сѣнныхъ покосовъ, и всякихъ угодій, о томъ о всемъ вѣдомость пришлите" (Голиковъ, IV, 493).

Бракъ царевны Анны Ивановны совершился 31 Октября въ домѣ Меншикова; вѣнчалъ новый любимецъ Петра Хутынскій архимандритъ Өеодосій, въ полотняной церкви, поставленной въ хоромахъ князя (Военно-Походн. Журн. 1810 г). Голиковъ пишетъ, что бракъ совершенъ митрополитомъ Рязанскимъ въ Троицкомъ Соборѣ (IV, 489).

Послѣ свадьбы царевны, въ домѣ Меншикова снова приготовленія къ другой свадьбѣ. При Петрѣ Великомъ съ давнихъ лѣтъ находился безотлучно карликъ Якимъ Волковъ. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Петра и иногда въ походахъ завѣдывалъ мелочными вещами изъ гардероба. Вѣроятно, въ добрый часъ, онъ могъ также замолвить царю словечко, и „ближніе люди" посылали ему поклоны; такъ Өедоръ Матвѣевичь Апраксинъ, въ одномъ письмѣ къ кабинетъ-секретарю Макарову, просилъ отдать поклонъ „славному богатырю Екиму" (Соловьевъ, Исторія Россіи, XVI, 7). Въ 1716 году, въ заграничной поѣздкѣ царя, въ Гданскѣ, велѣно сдѣлать Екиму карлѣ платье, какого цвѣта онъ похочетъ, только бы цѣною отъ 20 до 25 рублей. Екиму сдѣлали кафтанъ изъ зеленаго сукна, съ камзоломъ, штанами и съ золотыми петлицами, и все стало 23 р. 30 а. 2 д. Жалованья Якимъ получалъ 30 р. въ годъ. (См. Сборникъ, изданіе братьевъ Вострляковыхъ).

Свадьба Якима задумана Петромъ еще въ Августѣ, и онъ предписалъ тогда же князю Өедору Юрьевичу Ромодановскому, управлявшему Москвою, прислать всѣхъ карлъ и карлицъ, находящихся въ Москвѣ у разныхъ лицъ. Оказалось: у царицы Марөы Матвѣевны карло и двѣ карлицы, у царевны Марьи Алексѣевны карлица; на Преображенскомъ дворѣ у государя 2 карла; у царицы Прасковьи Өедоровны 1; у Шеина 1; у Андрея Апраксина 1; у Алексѣя Петровича Салтыкова 2; у Тихона Никитича Стрѣшнева 3 ч.; у Александра Львовича Нарышкина 2; у князя Өедора Юрьевича Ромодановскаго 1; у Нелединскаго 1; у Ивана Нарышкина два, и одинъ въ Петербургѣ; у Гаврилы Ивановича Головкина 1, а

другой въ Петербургѣ; у князя Петра Долгорукова 2; у князя Михаила Алегуковича Черкасскаго 1; у Андрея Матвѣева 1; у жены князя Данилы Черкасскаго 1; у Василья Меншова-Салтыкова 1; у князя Василья Михаиловича Долгорукова 1; у брата его князя Владиміра 1; у боярыни вдовы Татьяны Аѳанасьевны Шереметевой 2; у вдовы княгини Авдотьи Барятинской 1; у вдовы Марѳы Ивановны Салтыковой 1; Семеновскаго полку солдатской сынъ 1; у Канбора Акинфіева 1. Всего набралъ князь Ромодановскій 30 карликовъ. Карлицы нашлись сверхъ того въ домахъ Гаврилы Ивановича Головкина одна, у Строганова одна и у Тихона Никитича Стрѣшнева двѣ. Всю эту гурьбу недоростковъ князь Ѳедоръ Юрьевичь отправилъ въ Петербургъ.

Свадьба назначена была 14-го Ноября. На канунѣ, два разряженные карлика ѣздили по городу въ трехъ-колесной корзинкѣ и сзывали гостей. На другой день свадебная процессія отправилась въ крѣпостную церковь; карликъ-маршалъ открывалъ шествіе; за нимъ слѣдовали женихъ съ невѣстою, сопровождаемые царемъ, знатнѣйшими особами новой столицы и всѣми карликами. Петръ, великанъ ростомъ, забавлялся, окруженный толпою этихъ маленькихъ людей; а еще забавнѣе было, когда самъ царь держалъ вѣнецъ надъ невѣстою и, безъ сомнѣнія, при церковномъ обрядѣ ходилъ за нею вокругъ налоя. Изъ церкви все общество отправилось водою въ домъ князя Меншикова, гдѣ карлики угощались на маленькихъ, по ихъ росту, устроенныхъ столикахъ. Къ брачному торжеству приглашены были въ домъ князя иностранные посланники, бывшіе тогда въ Петербургѣ: Австрійскій графъ Вилькесъ, Датскій Габель, Польскій графъ Фицтумъ и многіе Шведскіе плѣнные генералы (Сынъ Отечества 1848, V, 28).

Вскорѣ наступили имянины князя, и опять банкетъ у него въ домѣ. Не въ этотъ ли день Петръ рѣшилъ окончательно объ учрежденіи Александро-Невскаго монастыря? Насъ приводитъ къ этому предположенію слѣдующее предписаніе Меншикова Копорскому коменданту отъ 26 Ноября 1710 г.: „Понеже его царское величество соизволилъ, дабы святаго князя Александра Невскаго, яко патрона сего мѣста, въ городѣ и въ уѣздѣхъ нашей губерніи во всѣхъ церквахъ, на всякихъ молитвахъ, гдѣ обычай такихъ святыхъ поминать, также и на отпускахъ въ вечерни и утренніи и литоргеи поминали, и того ради, какъ въ Копорьѣ, такъ и въ Ямбургѣ велите священникомъ, дабы они по тому указу чинили непремѣнно“. (Архивъ Мин. Ин. Д. Портфели Миллера).

Веселія и свадебныя празднества не мѣшали никому, особенно Петру, заниматься, какъ слѣдуетъ, дѣлами. Крѣпкая, богатырская природа Петра выдерживала, въ это время, всѣ эти страшныя оргіи. Не рѣдко, какъ мы видѣли и въ предшествующихъ разсказахъ, царь страдалъ различными болѣзненными припадками, но онъ не обращалъ вниманія на это и не измѣнялъ образа своей жизни. Натура Меншикова была гораздо слабѣе, и онъ велъ жизнь, особенно по настояніямъ княгини, сколь возможно, при сложившихся придворныхъ обычаяхъ, воздержную.

Но среди празднествъ, неожиданно, 22 Декабря 1710 года, получено извѣстіе, что султанъ объявляетъ войну Россія. Новая война—новыя хлопоты, новая опасность. Петръ рѣшился идти самъ въ походъ и, встрѣтивъ новый 1711 годъ въ Петербургѣ, 17 Января отправился въ Москву. Меншикову поручено управлять всѣмъ Петербургскимъ краемъ, Курляндіею и Лифляндіею. Парадизъ оставленъ на попеченіе вѣрному другу Данилычу. Екатерина послѣдовала за Петромъ.

(*Продолженіе будетъ*).

О ЛЕФОРТОВСКОМЪ ДВОРЦѢ ВЪ МОСКВѢ.

Въ жизнеописаніи князя А. Д. Меншикова, сочиненіи Г. В. Есипова, помѣщенномъ въ Русскомъ Архивѣ 1875-го года (кн. III, стр. 49-я), между прочимъ, сказано: „Петръ I утѣшилъ своего любимца: подарилъ ему Лефортовъ домъ въ Москвѣ и 2000 руб. на постройки. Меншиковъ сей-же часъ написалъ Шафирову, чтобъ тотъ приказалъ передать управляющему дѣлами князя въ Москвѣ Лефортовъ домъ со всѣми внутренними принадлежностями и украшеніями". А въ примѣчаніи, въ видѣ дополненія къ сему, сказано, что Лефортовъ домъ былъ въ завѣдываніи Посольскаго Приказа, которымъ управлялъ Шафировъ. Меншиковъ писалъ къ нему о пожалованіи Лефортова дома, *7-го Января 1707 года*, изъ Жолквы.

Въ I-мъ томѣ Исторіи Петра Великаго, Устряловъ удостовѣряетъ, что домъ Лефорта былъ построенъ ему Петромъ въ Нѣмецкой слободѣ. Въ этомъ домѣ жилъ первый адмиралъ Россійскаго флота Лефортъ; въ немъ онъ и умеръ въ 1699 году. Петръ присутствовалъ на похоронахъ своего любимца и наставника.

Г-нъ Забѣлинъ въ книгѣ: „Домашній бытъ Россійскихъ царей" (ч. I, на стр. 93 и 94-й), упоминая, о Лефортовскомъ дворцѣ, говоритъ, что тутъ въ XVIII столѣтіи имѣлъ пребываніе императорскій дворъ во время высочайшихъ присутствій въ Москвѣ.

Между тѣмъ изъ подворной описи Нѣмецкой слободы, которая состояла въ вѣдѣніи Военной Канцеляріи, за 1707 годъ, видно, что домъ адмирала Лефорта принадлежалъ его вдовѣ Еленѣ Францевнѣ, жившей въ Епифанскомъ уѣздѣ „въ вотчинѣ племянника ея бригадира Петра Лефорта" и что „въ домѣ семъ, для береженія, оставленъ былъ человѣкъ ея Петръ Петровъ".

За тѣмъ, извѣстно, что въ Лефортовскомъ дворцѣ имѣлъ свою резиденцію Петръ II, гдѣ онъ, 18-го Января 1730 года, и скончался.

По восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, она, въ 1742 году, прибывъ съ своимъ лейбъ-компанскимъ корпусомъ въ Москву, послѣ коронаціи своей, „чрезъ нарочито построенные для этого торжества Красные Ворота, шествовала въ Лефортовскій дворецъ", въ которомъ имѣла пребываніе. Это согласуется и съ приведеннымъ выше свидѣтельствомъ г-на Забѣлина. Есть также извѣстіе, что въ Лефортовскомъ дворцѣ, въ царствованіе Елисаветы, жили чины лейбъ-компанскаго корпуса. Во время пожара во дворцѣ одни изъ нихъ лишились всей своей движимости, а другіе даже и жизни.

Впослѣдствіи Лефортовскій дворецъ, послѣ пожара, былъ возобновленъ, и въ немъ временно останавливались посланники, почему и дворецъ назывался Посольскимъ, а иногда и Слободскимъ по нахожденію его въ Нѣмецкой слободѣ. Недалеко отъ дому Лефорта и понынѣ существуетъ Посланниковъ переулокъ, гдѣ вѣроятно жили чины иностранныхъ посольствъ.

Въ 1771 году, во время бывшей въ Москвѣ чумной заразы, Лефортовскій дворецъ обращенъ былъ въ карантинъ. Послѣ чумы онъ не былъ обитаемъ ни царскою фамиліею, ни иностранными посольствами. Екатерина II-я, 18 Октября 1772 г. изъ Петербурга, требовала отъ князя Михаила Никитича Волконскаго (который въ 1771—1778 гг. управлялъ Москвою), „планъ Лефортовскаго дворца и всего въ немъ строенія, означивъ при томъ, какихъ онъ требуетъ починокъ". По разсмотрѣніи этихъ плановъ она писала, 10 Ноября, князю Волконскому, что „хотя домъ сей язвенный госпиталь былъ", „но ей хочется его перестроить и сдѣлать pied-à-terre для двора, т. е. чтобы, въ нужномъ случаѣ, двора на Москвѣ въ немъ можно было умѣстить". При этомъ она желала знать: можно ли поднять на теперешнихъ стѣнахъ третій этажъ? 20-го Декабря Государыня вновь писала князю Волконскому: „А планы Лефортовскаго дворца,

какъ его починить и обдѣлать, скоро очень пришлю; и увидите, какъ въ немъ жить буду, когда Богъ велитъ къ Москвѣ пріѣхать, что однако не скоро будетъ, ибо перестройка годъ-другой возметъ. Спросите, пожалуй, у князя Макулова, возметъ ли онъ на себя сіе строеніе?" (Осмнадцатый Вѣкъ, книга I-я).

Такъ Екатерина II-я заботилась о возобновленіи Лефортовскаго дворца. Но потомъ она покинула мысль объ этомъ дворцѣ и пожелала создать новый, въ лучшемъ видѣ, на другомъ совсѣмъ мѣстѣ. Явился дворецъ, такъ называемый Головинскій, гдѣ нынѣ помѣщаются 1-я и 2-я военныя гимназіи. Головинскій дворецъ получилъ это названіе, вѣроятно, потому, что на этомъ мѣстѣ предъ тѣмъ былъ Анненгофскій дворецъ, построенный въ царствованіе Анны Іоанновны, на мѣстѣ существовавшихъ домовъ боярина Головина. Изъ дѣлъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба видно, что когда на мѣстѣ домовъ Головина, при Аннѣ Іоанновнѣ, строился дворецъ, тогда часто для работъ Военною Коллегіею наряжались войска. Отъ бывшаго Анненгофскаго дворца, роща, находящаяся противъ 1-й и 2-й военныхъ гимназій, и нынѣ сохранила названіе Анненгофской.

Изъ дѣла Военной Коллегіи Приказной экспедиціи 1803 г. подъ № 51-мъ (оп. 55-й, св. 308-й) видно, что дѣла бывшей въ Москвѣ Военной Конторы, упраздненной въ 1797 году, находясь въ Кремлѣ, въ новопостроенномъ домѣ, въ казематахъ или подвалахъ, глубиною въ землѣ болѣе 5-ти аршинъ, подверглись, отъ сырости, гнили. Поэтому, съ Января 1804 года, дѣла сей Конторы были перевезены въ зданіе Лефортовскаго дворца, гдѣ онѣ и находились до нашествія, въ 1812 году, Французовъ.

Наконецъ мы видимъ изъ дѣла бывшаго Коммисаріатскаго Департамента Военнаго Министерства (3 стола, 5-го отдѣленія, 1832 года, оп. 8 (5), св. 32-я Сбор. Арх. за № 1357), что дворецъ, съ 1812 по 1826 годъ, оставался необитаемъ и пришелъ въ большую ветхость. Въ 1826 году, по высочайшему повелѣнію, изъ дворцоваго вѣдомства, онъ переданъ въ вѣдомство Московскаго Военнаго Госпиталя. Въ 1828 году, военнымъ вѣдомствомъ, на постройку и исправленіе этого дома, была исчислена сумма въ 548.712 руб. 75 коп. Но по недостатку на сей предметъ денегъ, которыя болѣе были необходимы на потребности Турецкой войны, дворецъ оставался въ развалинахъ, такъ что сама природа, безъ всякой человѣческой заботы, украсила его дикорастущими большими деревьями по окнамъ, дверямъ, кровлѣ и т. п. Въ немъ имѣли пристанище стаи птицъ и толпы жуликовъ, такъ что поздно вечеромъ и ночью никто не смѣлъ проходить мимо.

Въ концѣ 1840-хъ и началѣ 1850-хъ годовъ, Лефортовскій дворецъ получилъ, по исправленіи его, тотъ видъ, въ какомъ онъ нынѣ находится. Онъ украсился снаружи пилястрами, съ надстройкою (по срединѣ фаса, къ рѣкѣ Яузѣ) третьяго этажа.

Возвращаясь къ первоначальнымъ судьбамъ этого дворца, замѣтимъ, что по всему вѣроятію Петръ сперва пожаловалъ его Меншикову, но потомъ, усмотря, что онъ есть частная собственность вдовы Лефорта, возвратилъ домъ сей послѣдней и вознаградилъ Меншикова чѣмъ либо другимъ. Г-нъ Есиповъ говоритъ, что дворецъ, въ 1706 году, состоялъ въ вѣдомствѣ Посольскаго Приказа; а изъ подворной описи видно, что онъ находился въ вѣдомствѣ Военной Канцеляріи.

По всему видно, что зданіе это, гораздо позже, изъ частнаго владѣнія перешло въ дворцовое вѣдомство. *Григорій Александровъ.*

Москва. 9 Октября 1875 года.

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ МОЧАЛОВЪ *).

Актеръ, что̀ умеръ, то исчезъ.

(*Слова князя А. А. Шаховскаго*).

Дѣйствительно, прискорбна судьба исполнителей, будетъ ли это актеръ, пѣвица, или музыкантъ: о нихъ и отъ нихъ остаются только преданія, и ничего нѣтъ труднѣе, какъ передать манеру и способъ исполненія для тѣхъ, кто не видалъ или не слыхалъ артиста. И чѣмъ игра художника геніальнѣе и своеобразнѣе, тѣмъ задача становится труднѣе. Для біографій западныхъ артистовъ большимъ пособіемъ служатъ: мемуары, критическія статьи, записки самихъ актеровъ, какъ Гаррика, Тальмы, Ифланда и пр. У насъ почти нѣтъ ничего подобнаго. Свѣдѣнія по части искусствъ вообще у насъ отрывочны, часто невѣрны, собраны плохо, а приведены въ порядокъ еще хуже. Но природными дарованіями и сильными талантами не обижена и не обдѣлена Русская земля.

Характеризируя игру нашего славнаго трагика П. С. Мочалова, мы не остановимся на немъ одномъ, а постараемся сравнить его съ западными современниками, съ Эмилемъ Девріентомъ въ Германіи, съ Рашелью и Фридрихомъ Леметромъ во Франціи, съ Макреди въ Лондонѣ и съ Мо̀деной въ Италіи. Изъ сравненія мы нагляднѣе увидимъ, чего недоставало нашему артисту, въ чемъ онъ уступалъ Европейскимъ знаменитостямъ и въ чемъ превосходилъ ихъ.

Искусства наши, заимствованныя или изъ Греціи или съ Запада, хорошо начавшія развиваться на молодой почвѣ, не разъ переживали суровыя времена: такъ бо̀льшая часть Русскихъ драматическихъ произведеній Петровской эпохи, этотъ лепетъ зараждавшагося искусства, погибли въ одномъ изъ Петербургскихъ наводненій. Записки перваго, самаго даровитаго и самаго образованнаго актера Русскаго, Дмитревскаго, сгорѣли во время пожара. Даровитѣйшій изъ нашихъ раннихъ композиторовъ Березовскій, по возвращеніи изъ Италіи, окончилъ дни самоубійствомъ. Большинство артистовъ менѣе извѣстныхъ погибло отъ той среды, въ которой приходилось имъ вращаться, отъ недостатка сочувствія и поощренія. Если насъ упрекаютъ въ холодности къ нашей старинѣ, къ нашей литературѣ, то упрекъ этотъ еще болѣе заслуженъ относительно нашихъ искусствъ.

Заимствуя искусства отъ другихъ народовъ, мы невольно принуждены были подчиняться ихъ вліянію. Такъ въ музыкѣ была эпоха, когда у насъ господствовали Итальянцы и преобладалъ Итальянскій вкусъ: Арайя, Галуппи, Паезіелло, Чимароза. Въ началѣ столѣтія появились Французы; музыкою заправляли Боальдьё и Штейбельтъ, и только съ Кавоса начались серьезныя попытки создать Русскую музыку; но эти попытки удались и осуществились не ранѣе тридцатыхъ годовъ, когда появились оперы Верстовскаго и Глинки. Въ началѣ столѣтія у насъ не въ одной музыкѣ, но во всѣхъ искусствахъ, какъ и въ самой жизни, царствовала пол-

---

*) Эта статья покойнаго М. Е. Кублицкаго была читана имъ, не задолго до кончины, въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ. *П. Б.*

ная галломанія. Озеровъ, Катенинъ, Кокошкинъ, частію самъ князь Шаховской, восхищались псевдо-классической Французской литературой и брали ее за образецъ своихъ произведеній. Съ тридцатыхъ годовъ стали появляться новые взгляды на науку и искусство. Нѣсколько Москвичей начали знакомить нашу избранную публику съ Нѣмецкою философіею и Нѣмецкою эстетикою. Заговорили о Гёте, Лесингѣ, Гегелѣ, Гофманѣ. Это движеніе не прошло безслѣдно для нашего разумѣнія и для нашего развитія... Но прошли десятки лѣтъ, а Нѣмецкое вліяніе оставалось и остается до сихъ поръ преобладающимъ. А между тѣмъ и въ насъ самихъ и вокругъ насъ все измѣнялось и измѣняется. Правда, въ послѣдніе годы предвидится и предчувствуется нѣкотораго рода поворотъ; появляются попытки перестать смотрѣть на искусства черезъ Нѣмецкіе очки, и является рѣшимость смѣть свое сужденіе имѣть.

Всѣмъ извѣстно, что въ исполненіи ролей на сценѣ, едва ли не со временъ Росція, существуетъ два главныхъ способа. Это игра внѣшняя и игра внутренняя; соединеніе этихъ двухъ способовъ игры составляетъ идеалъ актера. Былъ ли онъ когда нибудь достигнутъ вполнѣ, мнѣ неизвѣстно; но къ этому должно стремиться искусство, и всякая попытка артиста въ этомъ родѣ почтенна и уважительна.

Мочаловъ родился, чтобы быть актеромъ. Мы, знавшіе его лично, затрудняемся сказать, могъ ли бы онъ быть чѣмъ нибудь другимъ, а не актеромъ. Онъ избралъ это поприще свободно; онъ посвятилъ ему свой талантъ и интересы всей своей жизни; онъ трудился усердно и добросовѣстно. Упреки ему въ небреженіи къ искусству, не рѣдко раздававшіеся въ нашей печати, несправедливы. Его натура, сильная, но причудливая и своеобразная, подчинялась не столько размышленію, сколько внутреннему движенію и страстнымъ порывамъ. Игра Мочалова съ перваго его дебюта въ трагедіи Озерова: „Эдипъ въ Аѳинахъ“, гдѣ онъ исполнялъ роль Полиника, въ то время когда отецъ его представлялъ Эдипа, а сестра Антигону, опредѣлилась рельефно и осталась преобладающею на всю его жизнь.

Игра Московскаго трагика, за исключеніемъ двухъ-трехъ ролей, гдѣ онъ бывалъ постоянно великимъ художникомъ, не отличалась ровностію. Въ игрѣ его всегда являлись моменты, въ которые онъ поднимался на большую высоту, овладѣвалъ сердцами зрителей и производилъ глубокое, а иногда и потрясающее впечатлѣніе. Моменты эти мѣнялись и разнообразились до безконечности. Такъ, въ одной и той же піесѣ, въ одно представленіе онъ былъ замѣченъ въ одной сценѣ, въ другое въ иной и не рѣдко совершенно противоположной. Онъ слишкомъ надѣялся на вдохновеніе, на какое-то наитіе, овладѣвавшее всѣмъ его существомъ и придававшее его рѣчи, его жестамъ что-то пламенное и увлекательное; но, довѣрясь излишне вдохновенію, онъ не рѣдко обрывался и падалъ. Выдавались вечера, въ которые онъ не только бывалъ ниже самаго себя, но и ниже посредственности. Можно было видѣть Мочалова разъ-другой и не видать настоящаго Мочалова; даже не подозрѣвать той силы таланта, которая была ему присуща.

Внѣшняя игра Московскаго актера была, большею частію, слаба; онъ былъ не мастеръ костюмироваться, еще менѣе гримироваться; впрочемъ, при той выразительной и подвижной физіономіи, которою надѣлила его природа, гримировка могла бы только стѣснять его. Мочаловъ былъ средняго роста, крѣпко сложенъ и нѣсколько сутуловатъ. Фигура его была не особенно сценична. Что́ у него было прекрасно, такъ это голова, красиво поставленная на могучія плечи, съ черными вьющимися волосами,

съ черными глазами, выразительными до нельзя. Но главною силою его былъ его чудный голосъ: это былъ теноръ мягкій и звучный, нѣжный и сильный. Этотъ голосъ производилъ глубокое впечатлѣніе какъ на сценѣ, такъ и въ залѣ. Переходы и переливы голоса были разнообразны и красивы; его шопотъ бывалъ слышенъ въ верхнихъ галлереяхъ; его голосовые удары заставляли невольно вздрагивать. Въ этомъ онъ не имѣлъ соперниковъ, и только одна Рашель, своими низкими, глухими нотами, напоминала подъ часъ Мочалова. Говоря о небольшой представительности въ фигурѣ нашего актера на сценѣ, не надо забывать, что эта фигура была также подвижна, какъ и его физіономія. Въ страстныя минуты онъ выросталъ, онъ казался высокимъ и стройнымъ. Такъ въ Лирѣ, когда онъ говорилъ: „вѣдь и король, отъ головы до ногъ король", онъ поднимался и получалъ какую-то особую величавость.

Съ ранней молодости поступя на сцену, нашъ трагикъ переигралъ множество ролей; ни дирекція, ни авторы не щадили его: онъ игралъ въ комедіяхъ, участвовалъ въ операхъ, онъ даже оказался пригоднымъ и для дивертисментовъ. Мы не помнимъ его первыхъ дебютовъ, ни первыхъ его лучшихъ ролей; знаемъ, что онъ прекрасно исполнялъ Фингала, производилъ большое впечатлѣніе въ Керимъ-Гиреѣ князя Шаховскаго; въ Попугаѣ Коцебу и въ Прародительницѣ. Шиллеровскій репертуаръ доставилъ ему случай проявить свой талантъ въ двухъ весьма разнородныхъ роляхъ, въ Францѣ Моорѣ въ Разбойникахъ и въ Фердинандѣ въ драмѣ Коварство и Любовь. Эту послѣднюю роль онъ исполнялъ съ большою любовію, съ большимъ чувствомъ и съ большимъ увлеченіемъ, и въ ней долго нравился публикѣ.

Въ среднюю эпоху его сценической дѣятельности онъ создалъ роль Неизвѣстнаго въ піесѣ Коцебу: Ненависть къ людямъ и раскаяніе. И эта роль осталась на всегда одною изъ лучшихъ въ его репертуарѣ. Въ этой роли онъ положительно не имѣлъ соперниковъ. Отъ начала его появленія до послѣдней сцены примиренія съ женою онъ былъ само совершенство. Роль обманутаго и покинутаго женою мужа, которую онъ страстно любилъ, представляетъ мало эффектныхъ сторонъ; да къ нимъ онъ и не прибѣгалъ. Сосредоточенное горе, оскорбленное самолюбіе, душевная тоска, все это передавалось не только его чуднымъ голосомъ и выраженіемъ лица, но и самой походкой; все было просто, я готовъ сказать, стыдливо, но глубоко трогательно. Моментъ, когда онъ отдаетъ нищему кошелекъ и поспѣшно скрывается, чтобы не быть смущену благодарностію: эта нѣмая сцена была верхомъ искусства. Но торжествомъ его игры былъ разсказъ его жизни своему другу; длинный монологъ, въ нѣсколько страницъ, передавался имъ такъ, какъ только могутъ передавать геніальные артисты. Онъ не позволялъ себѣ не возвышать голоса, ни прибѣгать къ жестамъ; но каждое слово тяжело падало на сердце слушателя; въ театрѣ водворялась мертвая тишина, подъ конецъ монолога слышались неудержимыя слезы и женскія рыданія. Макреди, игравшій эту роль, по переводу Томпсона, во время разсказа, позволялъ себѣ крики, удары въ грудь и другіе рутинные сценическіе пріемы, которые если и вызывали рукоплесканія, однако не производили и сотой доли того впечатлѣнія, которое оставляла художественная игра нашего Мочалова. Послѣдній актъ весь основанъ на благородномъ порывѣ растроганнаго мужа, прощающаго свою жену. Эта сцена проходила прекрасно; потому что въ тѣ моменты, гдѣ заговариваетъ чувство, Московскій актеръ былъ всегда неподражаемъ.

Самая большая слава Мочалова и апогей его сценическаго торжества начались съ роли Гамлета, т. е. съ 1837-го года. Гамлетъ не только что поднялъ Мочалова даже и во мнѣніи его порицателей, но онъ ближе познакомилъ нашу публику съ Шекспиромъ: появились на сценѣ Король Лиръ, возобновили Отелло; вновь разучили и разыграли Ричарда Третьяго.

Посмотримъ же теперь на Мочалова, какъ на изобразителя Шекспировскихъ типовъ.

Роль Отелло съ замѣчательнымъ успѣхомъ исполнялъ въ Москвѣ Ольриджъ и хотя его Англійскій языкъ съ Русскимъ языкомъ другихъ дѣйствующихъ лицъ представлялъ нѣкоторую аномалію и вредилъ общности впечатлѣнія, однако въ сильныхъ сценахъ эта аномалія сглаживалась и дѣлалась почти незамѣтною. Вотъ трагедія слишкомъ извѣстная; вотъ роль трудная, но въ тоже время и благодарная. Въ игрѣ Ольриджа насъ непріятно поражала первая сцена, даже самый первый его выходъ. Онъ былъ рѣзокъ и даже нѣсколько ходуленъ. Мы знаемъ, герой возвращается съ побѣдой, но мы знаемъ также, что онъ счастливъ своею любовью, а „любовниковъ счастливыхъ узнаютъ по ихъ глазамъ". До его появленія на сценѣ другія дѣйствующія лица уже познакомили насъ съ характеромъ Отелло. Мы знаемъ, что онъ благороденъ, великодушенъ и простъ. Разсказъ въ Сенатѣ, гдѣ его упрекаютъ въ колдовствѣ, отличался у Ольриджа какою-то торжественностію; онъ зналъ, что республика въ немъ нуждается, поэтому дозволялъ себѣ повелительный тонъ и смѣлый жестъ. Повѣсть своей любви въ Сенатѣ, предъ лицомъ дожа, Мочаловъ передавалъ просто, скромно, но необыкновенно нѣжно. Задушевный голосъ и теплое чувство мирили съ похищеніемъ Дездемоны, и зрителю становилось ясно и понятно, за что и какъ эта скромная молодая дѣвушка полюбила пожилаго, толстогубаго, чернокожаго Мавра. „Дездемона слушала мои разсказы о моихъ приключеніяхъ, путешествіяхъ, опасностяхъ и когда она узнала мою исторію, она открыла мнѣ свое сердце. Я сказалъ: она полюбила меня за опасности, перенесенныя мною; я полюбилъ ее за участіе, которое возбудили въ ней мои страданія. Вотъ все мое колдовство".

Отелло по натурѣ своей великодушенъ и довѣрчивъ; онъ любитъ, онъ любимъ, онъ счастливъ и до тѣхъ поръ, пока ядъ ревности не пролитъ въ его сердце искусной рукою Яго, всѣ страстные порывы преждевременны. Но когда ревность охватила все существо Мавра, онъ самъ чувствуетъ, что идетъ къ погибели. „О теперь прости на всегда спокойствіе души моей! Прости самодовольствіе! Простите блестящіе строи и ты гордая война, превращающая честолюбіе въ добродѣтель. О простите навсегда, прости ржущій конь, и звукъ трубъ, и громъ барабана, пробуждающій мужество! Простите царственное знамя, величіе и торжественность благородной войны! И вы орудія смерти, въ которыхъ громовыя уста вопіютъ какъ голосъ Бога безсмертнаго. Простите, простите: назначеніе Отелло совершилось!" Этотъ блестящій монологъ прощанія со всѣмъ, что́ до любви было дорого воинственной душѣ Мавра, Мочаловъ читалъ съ грустнымъ отчаяніемъ, Ольриджъ съ отчаяніемъ свирѣпымъ. Но оба производили большое впечатлѣніе. Сцену ревности оба знаменитые актера вели почти одинаково. Тяжелая сцена задушенія кроткой голубицы представлялась этими артистами нѣсколько различно: у Русскаго актера было видно какое-то колебаніе, какая-то искра сожалѣнія; Ольриджъ душилъ Дездемону быстро и безжалостно. Минута эта у Ольриджа была страшна и производила рѣзкое впечатлѣніе.

Между Шекспировскими лицами Ричардъ III-й и Шейлокъ считаются самыми трудными для исполненія; многіе великіе актеры отъ нихъ от-

назывались, или брались за нихъ не особенно охотно. У Мочалова роль Ричарда была одною изъ лучшихъ; но большинство публики мало цѣнило это глубоко задушевное и тонкое исполненіе. У Русскаго актера двѣ-три сцены были особенно поразительны; вéрхомъ же совершенства была сцена у гроба, когда Глостеръ, будущій король, обольщаетъ Анну: сцена трудная, почти невозможная, при игрѣ Мочалова, выходила вѣроятною. Здѣсь онъ мастерски пускалъ въ дѣло свой чудный голосъ: его нѣжные вкрадчивые звуки ласкали слухъ, какъ бы охватывали все существо слабой женщины, и она покорялась обаятельному вліянію искусителя. Лицемѣрная сцена отказа принять корону передавалась Московскимъ актеромъ тоже очень хорошо. Игра физіономіи была замѣчательна; у него въ этотъ моментъ было два лица: одно для представителей парламента, другое для публики. Полное самообладаніе въ этой сценѣ дѣлало большую честь пониманію артиста. Послѣдняя сцена всегда производила глубокое впечатлѣніе. Надобно сказать, что драма „Жизнь и смерть Ричарда III-го“ была очень дурно поставлена на нашей сценѣ. Поле битвы наполнялось десяткомъ статистовъ, которые очень дурно дрались старыми шпаженками. Все дѣлалось для того, чтобы отнять всякую иллюзію у зрителя и расхолодить его. Но лишь раздавался еще за сценой крикъ Ричарда: „коня, коня, все царство за коня“, все измѣнялось. Мочаловъ вбѣгалъ на сцену усталый, растерянный; правая рука крѣпко сжимала рукоятку меча; ноги его путались какъ будто шли по неровному полю... онъ приносилъ съ собою всю бурю брани, весь ужасъ пораженія. Зритель чувствовалъ, что въ эту минуту королю дороже всего конь. Онъ утомленъ, онъ хромъ, армія его разбита; королю нужнѣй всего убѣжать съ поля битвы. На другой день онъ способенъ отмстить за пораженіе десятками побѣдъ; но теперь ему нуженъ только конь.

Одною изъ самыхъ трогательныхъ ролей Мочаловскаго репертуара была неоспорима роль короля Лира, особенно въ послѣднихъ сценахъ драмы. Въ первомъ дѣйствіи Каратыгинъ превосходилъ Московскаго трагика величавостію своей фигуры и мастерствомъ костюмироваться; это былъ показной Лиръ. Но лишь только неблагодарность дѣтей начинаетъ смущать и раздражать слабаго, но страстнаго и капризнаго короля, Мочаловъ начиналъ рости. Послѣ монолога проклятія, который передавался Мочаловымъ съ крайнею раздражительностію, вы уже предчувствуете его помѣшательство. „Услышь меня, природа! Возлюбленное божество, услышь меня! Если ты предназначила сдѣлать это созданіе плодотворнымъ, отмѣни свое предназначеніе: внеси въ ея утробу безплодіе, изсуши въ ней органы воспроизведенія; пусть никогда это тѣло не удостоится зачатія младенца; а если она и родитъ, то пусть родитъ больнаго урода, пусть живетъ на муку своей матери; пусть онъ покроетъ чело ея преждевременными морщинами; пусть слезы, которыя онъ заставитъ проливать ее, прорѣжутъ на ея щекахъ глубокія бразды. Пусть всѣ ея материнскія заботы и вся ея любовь будутъ обращены въ осмѣяніе. Да почувствуетъ она, что жало змѣи не такъ гложетъ сердце, какъ скорбь быть матерью неблагодарнаго сына“.

Безуміе короля Лира дало поводъ Шекспиру создать прекрасную и умилительную сцену, когда Корделія сидитъ надъ своимъ больнымъ отцемъ. Пробужденный поцѣлуями дочери, старый король призываетъ разсудокъ и память, чтобы узнать дочь; онъ боится ошибиться, признать мечту за дѣйствительность. Эта борьба отцовскаго инстинкта съ безуміемъ глубоко трогательна. Московскій трагикъ передавалъ ее съ необыкновенною мягкостію и нѣжностію; онъ кидался передъ оскорбленною дочерью на колѣни, цѣловалъ ея глаза, сосалъ ея слезы.

Смерть Лира печальна и тягостна. Лишь только онъ приведенъ въ разсудокъ нѣжными попеченіями Корделіи, какъ лишается снова дочери; держа на своихъ слабыхъ рукахъ ея трупъ, онъ вспоминаетъ, что у ней былъ тихій голосъ, отгонявшій отъ отцовскаго слуха докучливое нашептываніе безумія; онъ узнаетъ Регану и Гонерилью, въ отчаяніи лишившихъ себя жизни. Дуракъ, никогда не покидавшій его, тоже умеръ. Вокругъ него все трупы. Нѣтъ жизни. „Собака живетъ, лошадь живетъ, крыса живетъ, а въ тебѣ нѣтъ дыханія жизни: ты не будешь жить никогда, никогда! Разстегните мнѣ воротникъ! Душатъ!“ Чтобы передавать подобные моменты, отъ актера требуется много чувства и много искусства. Мочаловъ въ этой сценѣ никогда не стоялъ ниже трудной задачи.

Когда на Московской сценѣ поставили Ромео и Юлію въ прекрасномъ переводѣ М. Н. Каткова, Мочаловъ уже пережилъ лучшіе молодые годы; ему было за сорокъ лѣтъ, и роль пламеннаго юноши была для него нѣсколько трудна. Но и въ этой роли, не лучшей въ его репертуарѣ, онъ умѣлъ найти столько счастливыхъ минутъ! Первый взглядъ на Джульету, первый порывъ страсти передавались имъ съ рѣдкимъ совершенствомъ.

О если я рукою дерзновенной,
Тебя, твою святыню оскорбилъ,
Я каюся душею умиленной;
Я чувствую: я тяжко согрѣшилъ!

Еще двѣ сцены драмы онъ сумѣлъ провести съ большимъ искусствомъ. Это сцена съ Лоренцемъ и сцена съ аптекаремъ. Ромео, разсказывая монаху о своихъ мученіяхъ и своей разлукѣ съ возлюбленной, предается отчаянію; онъ говоритъ, что можно жить только тамъ, гдѣ живетъ Джульета, что можетъ дышать только тѣмъ воздухомъ, которымъ дышетъ Джульета, и потомъ, взглянувъ на покойныя черты своего слушателя, онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ фразируетъ слова: „Старикъ, ты не поймешь меня!“

Разговоръ съ аптекаремъ передавался чисто въ Шекспировскомъ духѣ. Это тонкая иронія, соединенная съ необыкновенною грустію. „Честный аптекарь (говоритъ Ромео продавцу ядовъ), ты бѣденъ, голоденъ; тебѣ ли бояться смертной казни?“ и когда аптекарь уступаетъ его настояніямъ, Ромео отдаетъ ему свой кошелекъ:

Вотъ золото: возьми ты этотъ ядъ.
Онъ гибельнѣй для человѣка; больше,
Гораздо больше онъ надѣлалъ зла
На этой отвратительной землѣ,
Чѣмъ этотъ запрещенный порошокъ.
Не ты мнѣ продалъ ядъ, а я тебѣ.
Прощай! Купи себѣ скорѣе корму
И мясомъ кости голыя одѣнь.
Пойдемъ! Со мной лекарство, а не ядъ!

Не можемъ не замѣтить, что эта драма обставлена у насъ была весьма прилично; лучшіе актеры принимали въ ней участіе; особенно выдѣлился тогда еще молодой актеръ Самаринъ, который въ роли Меркуціо произвелъ впечатлѣніе. Я отъ себя могу только прибавить, что лучшаго Меркуціо я не видалъ ни на Англинской, ни на Нѣмецкой сценѣ.

Всѣмъ хоть нѣсколько слѣдившимъ за мнѣніями объ игрѣ Мочалова, извѣстно, что его упрекали не разъ за то, что онъ передавалъ публикѣ

не Шекспировскаго, а Мочаловскаго Гамлета. Мнѣніе это Нѣмецкое; оно было вызвано игрою Девріента, который, какъ полагали нѣкоторые критики, одинъ только постигъ Гамлета. Извѣстно, что Девріентъ игралъ Гамлета въ свѣтло-русомъ парикѣ, удерживался отъ порывовъ и, весь погруженный въ думу о борьбѣ и мученіи, старался быть предумышленно-холоднымъ и даже апатичнымъ. Этотъ способъ игры удовлетворялъ однако весьма немногихъ, и роль Гамлета никогда не считалась лучшею въ репертуарѣ извѣстнаго и славнаго Нѣмецкаго актера. По моему мнѣнію, Девріентъ передавалъ весьма искусно только одинъ монологъ: „Быть, или не быть“, а въ цѣлой роли былъ слабъ. И. С. Тургеневъ, въ блестящей и оригинальной статьѣ, сравнивая весьма остроумно Донъ-Кихота съ Гамлетомъ, представляетъ послѣдняго тоже блондиномъ, да еще и съ брюшкомъ. Къ счастію для искусства, большинству публики Гамлетъ представляется въ другомъ образѣ. Хотя Нѣмцы и первые открыли Шекспира (о чемъ и заявляютъ настойчиво и упорно въ продолженіе многихъ лѣтъ), однако мы не можемъ положиться безусловно на ихъ мнѣнія. Дѣйствительно, Нѣмцы первые начали разработывать Шекспира; но въ послѣднее время въ Англіи Шекспировская литература сдѣлала громадные успѣхи; и Англичанамъ ли, этому гордому племени, уступать кому то ни было честь разработывать то, что̀ составляетъ гордость и славу ихъ страны? По Англійскимъ источникамъ мы узнаемъ, въ малѣйшихъ подробностяхъ, какъ изображали Гамлета лучшіе Англійскіе актеры Кинъ и Кембель. Кембель ближе къ нашей эпохѣ. Гравюры, изображающія Кембеля, очень распространены. Извѣстно, что живописецъ выбралъ моментъ 5-го дѣйствія, когда Гамлетъ, держа въ рукахъ черепъ Іорика, говоритъ: Poor Iorik! Спрашиваю, кого болѣе напоминаетъ это изображеніе, Мочалова или Девріента?

Позволю себѣ еще продолжить мои сравненія и сопоставленія. Когда я видѣлъ Мочалова въ роли Ричарда, я былъ очень молодъ и только начиналъ учиться поанглійски. Англійскіе мемуары объ актерахъ были тогда мнѣ мало извѣстны; о Гаррикѣ я имѣлъ нѣкоторое понятіе по двумъ-тремъ Французскимъ брошюрамъ, написаннымъ во время пріѣзда Гаррика въ Парижъ. Но позднѣе, когда я болѣе ознакомился съ исторіею Англійской сцены, меня поразило сходство игры Мочалова съ игрою Гаррика, и именно въ лучшей его роли, въ Ричардѣ III-мъ. Не думаю, чтобы покойникъ Мочаловъ зналъ подробности игры геніальнаго Англійскаго актера. Откуда же родилось это сходство? Вотъ два артиста, раздѣленные, по времени, почти цѣлымъ столѣтіемъ, люди разной національности, разной среды, разнаго образованія; но они понимаютъ великіе характеры, созданные геніальнымъ поэтомъ одинаково и передаютъ его почти въ тѣхъ же чертахъ.

Такова сила прирожденнаго таланта. Таково пониманіе прекраснаго, можетъ быть и инстинктивное. Вѣчные законы изящнаго начертаны въ душѣ избранныхъ.

У Мочалова въ игрѣ были своего рода пріемы, любимые жесты, подъ часъ странные; но онъ умѣлъ ими владѣть и пристроивать ихъ къ мѣсту такъ, что странность эта забывалась. Говорятъ, что чѣмъ актеръ болѣе умѣетъ отрѣшаться отъ своей личности и жить жизнію представляемаго героя, тѣмъ искусство его выше. Это правда; но я не думаю, чтобы существовали такіе актеры, которые могли бы вполнѣ сглаживаться, вполнѣ сливаться съ представляемымъ лицомъ: все остается частица своей личности. Мы это замѣчаемъ и не въ однихъ актерахъ; мы тоже видимъ въ музыкальныхъ исполнителяхъ. Скажу болѣе, извѣстнаго рода пріемами и манерами отличаются національности артистовъ. Въ частыхъ переѣздахъ изъ

Лондона въ Парижъ, изъ Парижа въ Вѣну вы привыкаете различать игру Нѣмецкихъ, Французскихъ и Англійскихъ актеровъ. Эта разница не особенно рѣзкая, она не бросается прямо въ глаза, но чувствуется послѣ частаго посѣщенія той или другой сцены. Французы вообще хорошіе актеры: они очень развязны и свободны на сценѣ, у нихъ много веселости и оживленія. Недостатокъ ихъ тотъ, что они способны впадать въ манерность и жеманство. Что особенно удается Нѣмецкимъ актеромъ, такъ это роли резонеровъ. Вообще Нѣмецкіе актеры любятъ проповѣдывать со сцены, забывая, что ихъ же теоріи разграничиваютъ ораторское краснорѣчіе, судейское и духовно-пасторское. Возмемъ для примѣра хотя Натана Мудраго Лессинга. Эти длинныя рѣчи мудреца не похожи ли на проповѣди? Длинные монологи Маркиза Позы въ Донъ Карлосѣ Шиллера—не резонерство ли это? Въ этихъ сценахъ бывалъ особенно хорошъ Девріентъ; но не надо забывать, что онъ игралъ передъ Нѣмецкою публикою. Французскій или Русскій зритель нашли бы все это и монотоннымъ и скучнымъ. За примѣромъ не далеко ходить: вспомнимъ Плесси. Ни слова съ простоты, а все съ ужимкой! Игра Нѣмецкихъ актеровъ отличается какою-то натянутостію и торжественностію; они на сценѣ стараются быть важными и поэтому тяжелы. Актрисы Нѣмецкія, какъ и Нѣмцы, крикливы и часто страдаютъ напускнымъ паѳосомъ.

Задушевность, столь сродная всѣмъ Славянскимъ племенамъ, дѣлаетъ игру Русскихъ актеровъ симпатичною. Притомъ въ Русскихъ актерахъ поразительна гибкость ихъ дарованій. Была піеса, въ которой Щепкинъ переигралъ всѣ роли; онъ представлялъ разъ даже старуху Еремѣевну. Рѣпина танцовала, пѣла въ операхъ, играла съ успѣхомъ драматическія роли и была прелестною водевильною актрисою. Но эта растяжимость таланта подъ часъ и вредитъ Русскимъ артистамъ, не дозволяя имъ, такъ сказать, устоиться и сосредоточиться.

Въ игрѣ Мочалова часто бывали поразительны нѣмыя сцены. Когда Полиникъ, замирая въ извѣстной позѣ, выслушиваетъ проклятія Эдипа; когда капитанъ въ драмѣ „Фрегатъ Надежда“ кидается на мужа обольщенной женщины съ пистолетомъ въ рукѣ, чтобы его убить, роняетъ пистолетъ и остается недвижимымъ, нѣмыя сцены бывали торжествомъ игры Московскаго трагика. Иногда въ самыхъ незначительныхъ роляхъ появлялись у Мочалова порывы замѣчательной красоты; такъ въ небольшой переводной піесѣ „Слесарь“ онъ читаетъ письмо, которое его трогаетъ, и онъ смѣется и плачетъ вмѣстѣ. Такихъ рѣдкихъ явленій въ игрѣ Мочалова бывало немало.

Около трехъ лѣтъ меня не было въ Россіи. Когда я возвратился въ Москву, мнѣ сказали, что Мочаловъ болѣнъ, что у него былъ параличь, что онъ постарѣлъ, похудѣлъ, что голосъ его утратилъ часть своей силы и звучности. Въ мое отсутствіе онъ сталъ переходить на роли стариковъ и игралъ уже музыканта Миллера, а не Фердинанда въ трагедіи Коварство и Любовь. Я не присутствовалъ при этомъ замѣчательномъ спектаклѣ. Но вотъ что передаетъ объ этомъ его товарищъ и тоже крупный талантъ нашей сцены Живокини, въ своихъ воспоминаніяхъ, записанныхъ и изданныхъ В. И. Родиславскимъ. „Одна изъ отличительныхъ чертъ этого человѣка было постоянное сознаніе своего таланта. Никогда не забыть мнѣ, какъ мы для дочери Мочалова ставили Коварство и Любовь. Я игралъ маршала фонъ-Кальба. Мы репетировали особнякомъ, гдѣ нибудь въ уборной. Послѣдняя сцена отравленія идетъ у насъ очень хорошо. Кончили мы. Мочаловъ говоритъ: „Хорошо, хорошо. Я однако только боюсь, я помѣшаю“.—„Какъ помѣшаете? Чѣмъ же вы можете помѣшать?“

спрашиваемъ мы.—„Да пожалуй мнѣ придется хорошо играть; я буду лучше всѣхъ". Ну и дѣйствительно помѣшалъ. Богъ его знаетъ, что сдѣлалъ онъ изъ этой роли. Другаго такого Миллера не видалъ я, да и не увижу. Онъ, напр., ругнулъ президента словомъ ваше превосходительство такъ, что кажется не сыщешь на нашемъ Русскомъ языкѣ ни одного бранняго слова, которымъ можно бы было выругать такъ сильно".

Послѣдній разъ я видѣлъ Мочалова въ переводной піесѣ: Клара д'Обервиль, и впечатлѣніе отъ его игры не только не ослабило старыхъ воспоминаній, но еще болѣе укрѣпило мою вѣру въ необычайность его таланта. Піеса была написана для Фридриха Леметра; содержаніе ея частію заимствовано изъ знаменитаго процеса г-жи Лафаржъ. Здѣсь также мужъ, страстно любящій жену, отравляется невидимою рукою; подозрѣніе падаетъ на жену; самъ мужъ начинаетъ колебаться, но передъ самою его смертію случай открываетъ убійцу. Драма довольно растянутая и вялая; но пятый актъ представляетъ чудесную сцену для даровитаго актера. Первыя три дѣйствія Леметръ велъ лучше нашего трагика; но лишь только сомнѣніе западаетъ въ душу мужа, и наступаетъ нравственная борьба, Мочаловъ начиналъ выростать. Изъ груди его вылетало нѣсколько стоновъ, которыхъ не было у Леметра; постепенное ослабленіе и упадокъ силъ были переданы Московскимъ артистомъ и ярче, и трогательнѣе. Послѣдняя сцена отличалась поразительной красотой. Умирающій мужъ хочетъ спасти жену; онъ, старый и разбитый, едва доходитъ до письменнаго столика и садится, чтобы написать письмо, въ которомъ принимаетъ вину отравленія на себя. На столикѣ стоитъ зеркало, за спиною у него его родственникъ наливаетъ ему лекарство. Д' Обервиль собирается писать и съ минуту сидитъ въ задумчивости, какъ бы сбираясь съ мыслями. Глаза его случайно падаютъ на зеркало, и онъ видитъ, какъ родственникъ подливаетъ ядъ. Трудно передать весь трагизмъ этой минуты. Мочаловъ поднимался во весь ростъ съ необычайною, почти сверхестественною силою; въ рукахъ его судорожно замерло все, что было на столѣ, перо и бумага. Онъ высоко надъ головою поднимаетъ руки и мгновенно поворачивается къ убійцѣ. Глаза ихъ встрѣчаются.. Надо было видѣть этотъ взглядъ! Убійца роняетъ стаканъ и спасается бѣгствомъ. Крикъ, вырвавшійся изъ груди Мочалова, былъ поразителенъ. Когда всѣ домашніе сбираются на этотъ крикъ, онъ говоритъ послѣдній монологъ: „На колѣни передъ этой женщиной!" Д'обервиль умираетъ покойно; жена его невинна, тяжкая дума спала съ его чела, сомнѣніе разсѣялось. Жена остается вдовою, но съ честнымъ именемъ. Леметръ велъ эту сцену иначе. Онъ выбивалъ изъ рукъ убійцы стаканъ и тѣмъ давалъ чувствовать, что онъ знаетъ, что въ немъ отрава. Крикъ Леметра тоже производилъ большое впечатлѣніе, но сцена глубже задумана неоспоримо у Мочалова.

Трагическій актеръ обязательно долженъ усвоить извѣстные пріемы на сценѣ, умѣть закалывать, падать, умирать и проч. Падалъ Мочаловъ, какъ падать умѣютъ немногіе, и онъ эти паденія умѣлъ разнообразить. Онъ падалъ на спину мгновенно, какъ бы подкошенный; онъ подъ часъ медленно спускался на полъ; онъ умѣлъ падать въ судорогахъ, какъ напримѣръ въ Отелло. На сценѣ, въ минуту воодушевленія, онъ былъ смѣлъ до дерзости; такъ, въ концѣ втораго акта въ „Жизни Игрока", послѣ выстрѣла, онъ пробѣгалъ всю сцену задомъ, какъ бы отступая отъ трупа. Умиралъ на сценѣ Мочаловъ всегда съ достоинствомъ; часто падалъ тыломъ къ публикѣ. Современное искусство, если его только можно назвать еще искусствомъ, отнеслось къ изображенію смерти на сценѣ гораздо реальнѣе. Недавно актриса Круазетъ собирала весь Парижъ любоваться, какъ она умѣла умирать. Говорятъ, что она ходила по больни-

цамъ, чтобы изучать всѣ муки и всѣ судороги умирающихъ. И вотъ передъ зрителемъ начиналась агонія: тѣло подергивалось судорогами, глаза закатывались, зрачки останавливались, изо рта текла пѣна. Жалкая г-жа Круазетъ! Она не понимала, что вѣдь это не смерть, а это только разрушеніе нашего бреннаго состава, изображеніе немощной природы человѣка. Какъ, развѣ въ смерти, въ этомъ разставаніи съ жизнію, нѣтъ ничего глубокаго, трогательнаго и даже торжественнаго. Итакъ слюна и судороги—вотъ всѣ краски! Какъ, развѣ при смерти душа не осѣняется мыслію, вѣрующій развѣ не напутствуется вѣрою, колеблющійся развѣ не задаетъ себѣ вопроса: Чтó будетъ тамъ, въ этой невѣдомой странѣ, откуда нѣтъ пришлецовъ? Въ эти только моменты смерть интересна и назидательна. Отъ такого матеріальнаго представленія смерти истинное искусство отступаетъ съ негодованіемъ. Горе таланту, который прилѣпится только къ внѣшнимъ представленіямъ: кругозоръ его сузится, пониманіе прекраснаго умалится, и самый талантъ зачахнетъ и замретъ.

Отъ г-жи Круазетъ мы невольно переходимъ къ Рашели, которая тоже умѣла умирать на сценѣ. Это геніальная актриса и замѣчательная женщина по уму и образованію, артистка въ душѣ, была знакома съ требованіями древняго Греческаго искусства и изъ него умѣла почерпать мудрые уроки. Она въ самыхъ сильныхъ сценахъ бывала сдержана и никогда не переходила границъ изящнаго вкуса. Она хорошо помнила, что Греческое искусство никогда не изображало искаженнаго человѣческаго лица, и если нужно было выразить крайній предѣлъ горести, или отчаянія, то оно лучше любило набрасывать покрывало, чѣмъ изображать судороги и корчи. Рашель превосходила Московскаго трагика самообладаніемъ, пластичностью, красотою формъ и движеній; но въ душѣ этой великой артистки не доставало одной струны, одной ноты. Изображая съ рѣдкимъ совершенствомъ гнѣвъ, презрѣніе, ненависть, ревность, даже религіозный экстазъ (припомнимъ знаменитое je crois), Рашель не находила нѣжныхъ звуковъ для выраженія любви. Невольно приходилъ на мысль стихъ: Ей сладкихъ пѣсенъ не дано! Славянская душа Мочалова, наоборотъ, ни одного чувства не выражала съ такою трогательною нѣжностію, какъ чувство любви во всѣхъ его проявленіяхъ и видахъ.

Такъ называемыя характерныя роли не удавались Московскому трагику. Изъ его репертуара мы не можемъ указать ни на одну, которая была бы такъ отдѣлана какъ роль Людовика XI-го у Каратыгина.

Разъ я засталъ у Мочалова молодаго студента, видимо взволнованнаго; онъ только что прочелъ какую-то сцену и спрашивалъ его мнѣнія. „У васъ много чувства", говоритъ студенту Павелъ Степановичъ; „но этого мало: для сцены нужна и сила. Посмотрите на эту грудь", и онъ разстегнулъ жилетъ. Это была могучая грудь, совершенный античный торсъ; любой скульпторъ могъ бы взять ее за модель. Тогда мнѣ стало ясно, что только съ такою грудью можно воплемъ растерзать слухъ и въ жилахъ у зрителей заморозить кровь.

Скажемъ о Мочаловѣ какъ о человѣкѣ, какъ мы его знали и какимъ его помнимъ.

Московскій актеръ былъ человѣкъ не лишенный образованія; нѣкоторое время онъ былъ слушателемъ нашего университета; но, рано поступивши на сцену, онъ отдался ей всецѣло. Въ руководителяхъ онъ не имѣлъ недостатка. Князь Шаховской ухаживалъ за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ. С. Т. Аксаковъ давалъ ему добрые и дружескіе совѣты; онъ ихъ выслушивалъ, но никогда почти имъ не слѣдовалъ. Въ запискахъ С. Т.

Аксакова есть одинъ историческій эпизодъ изъ сценической жизни Мочалова. Молодой актеръ разъ рѣшился послѣдовать внушеніямъ театральнаго критика и выполнять его совѣты; играетъ Мочаловъ актъ, играетъ другой; публика принимаетъ его холодно. Тогда онъ взглянулъ на директорскую ложу, въ которой сидѣлъ Аксаковъ, тряхнулъ кудрями и пошелъ, и пошелъ, и громъ рукоплесканій покрылъ его игру. Мочаловъ любилъ рукоплесканія и вызывалъ ихъ всѣми позволительными и непозволительными средствами. Въ этой любви къ оваціямъ толпы можно упрекнуть многихъ великихъ артистовъ. Г-нъ Мерлинъ въ своихъ запискахъ о Малибранъ говоритъ, что это очаровательная пѣвица любила до страсти аплодисменты: она ими упивалась и въ нихъ почерпала новыя силы. Вообще Мочаловъ не умѣлъ играть старательно. Верстовскій разсказывалъ, что разъ Грибоѣдовъ пришелъ въ театръ посмотрѣть на игру Мочалова. Актеръ объ этомъ узналъ и постарался: вышло, по словамъ Верстовскаго, что-то безобразное. Въ другой разъ Пушкинъ былъ въ театрѣ; объ этомъ не сказали Мочалову, и онъ, играя по своему, былъ великолѣпенъ, и Пушкинъ былъ отъ него въ восторгѣ.

Бываютъ натуры, которыя ни подъ какимъ видомъ не могутъ насиловать свою природу. Самобытность у нихъ всегда впереди.

Въ семейной жизни Мочаловъ былъ очень простъ. Вся обстановка, вся среда была мѣщанско-купеческая. (Отецъ его, тоже актеръ, былъ изъ купцовъ). На окнахъ стояли горшки съ эранью, было много иконъ, передъ которыми теплились лампады. Мочаловъ былъ человѣкъ религіозный, ходилъ къ ранней обѣднѣ, въ тѣ церкви, гдѣ пѣли хорошіе пѣвчіе, слушалъ проповѣди. Молодость онъ особенно любилъ и старался ей быть полезенъ всѣми средствами. Мнѣнія его о драматическихъ произведеніяхъ были очень вѣрны и мѣтки. Поэтическаго чувства у него было бездна; онъ съ неподражаемымъ искусствомъ читалъ и любилъ читать Козлова, Пушкина, Кольцова и Лермонтова. Въ обыденной жизни онъ былъ человѣкъ тихій, скромный и даже застѣнчивый. Въ тѣ же минуты, когда онъ бывалъ шумливъ (а онъ бывалъ шумливъ), онъ отличался излишнею развязностію, которая немало огорчала его друзей и поклонниковъ. Любя передавать въ образцовомъ чтеніи произведенія лучшихъ Русскихъ поэтовъ, онъ и самъ иногда писалъ стихи.

Стихотворенія Мочаловъ читалъ нѣсколько на распѣвъ, чтó тоже иногда вызывало охужденіе. Я же думаю, что нѣкоторая пѣвучесть придаетъ силу стиху. Не даромъ говорилъ Вольтеръ:

Les vers sont enfants de la lyre;
Il faut les chanter, non les lire! *).

Замѣчу мимоходомъ, что такъ ли это, или иначе; но искусство читать стихи въ нашъ вѣкъ потеряно.

За тѣ юношескіе восторги, которыми дарила насъ причудливая, неровная, но часто вдохновенная игра Мочалова, мы обязаны ему благодарностію. Пусть же никто не будетъ имѣть права повторить слова, которыя Московскій трагикъ произносилъ всегда съ такою неподдѣльною грустію и ироніею:

„Какъ! Такъ стало быть послѣ этого можно надѣяться на шесть мѣсяцевъ людской памяти! А тамъ, чтó человѣкъ, что овечка: схоронили—позабыли!“.

---

*) Стихи суть дѣти лиры: ихъ надо пѣть, а не читать.

ЗАМѢТКА О С. Н. ГЛИНКѢ.

Въ статьѣ „Москва въ 1812 году", помѣщенной въ 3 книгѣ Русскаго Архива сего года, на стр. 194, гдѣ говорится о дѣятельности нашего знаменитаго патріота С. Н. Глинки, между прочимъ сказано: „въ послѣдствіи Глинка проводилъ жизнь въ совершенной бѣдности и умеръ слѣпымъ въ 1852 году".

Это извѣстіе не совсѣмъ вѣрно. Покойный патріотъ „первый ратникъ Московскаго ополченія" (какъ гласитъ выбитая для него съ этой подписью золотая медаль), по свидѣтельству сына его, С. С. Глинки, послѣдніе годы жизни провелъ хотя и не въ богатствѣ, но отнюдь не въ совершенной бѣдности, получая изъ Кабинета Его Величества покойнаго императора Николая Павловича по три тысячи рублей пенсіона въ годъ; а по смерти его, послѣдовавшей 5 Апрѣля 1847 года, супругѣ его, здравствующей донынѣ, отпущена была сумма на его погребеніе и опредѣленъ пожизненный пенсіонъ, около девяти сотъ рублей въ годъ.

Что̀ касается до сбереженія ассигнованныхъ ему въ 1812 году, на поддержаніе народнаго духа, трехъ сотъ тысячь рублей, то этотъ поступокъ, кромѣ доказательства его высокой честности, принесъ ему и семейству его пользу и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ, независимо отъ такого большаго, по тогдашнему времени пенсіона, назначеннаго не по праву службы, а единственно за его патріотическія дѣйствія въ отечественную войну, всѣ дѣти его, въ числѣ восьми человѣкъ, получили образованіе на счетъ Государя. Сверхъ того какъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, такъ и оба славные Его предшественника, всегда были покровителями и благодѣтелями этого семейства, такъ что, въ этомъ случаѣ, Русская пословица: „за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ", оправдалась вполнѣ. Изъ сыновей его одинъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ геройской защитѣ Севастополя и нынѣ, въ чинѣ полковника, находится въ отставкѣ, въ болѣзненномъ состояніи, а прочіе занимаютъ приличныя своему званію мѣста въ государственной гражданской службѣ или въ частной жизни.

Князь В. Баюшевъ.

5-го Ноября 1875.

Симбирскъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Въ любопытномъ примѣчаніи, которымъ г. А. В. снабдилъ челобитную Лазаря Барановича царю Алексѣю Михайловичу, сообщенную мною въ *Русскій Архивъ*, сдѣлана попытка опредѣлить время подачи этой челобитной. Основываясь на томъ, что сочиненіе Лазаря „Трубы", о которомъ говорится въ челобитной, издано въ 1674 году, г. А. В. приходитъ къ заключенію, что самая челобитная писана ранѣе этого года. Заключеніе совершенно вѣрно; но изъ писемъ Л. Барановича, изданныхъ преосв. Филаретомъ (Черниговъ, 1865), время поданія челобитной можетъ быть опредѣлено съ большею точностью.

Уже въ исходѣ 1668 года сборникъ проповѣдей Барановича, названный „Трубами", былъ оконченъ, и авторъ намѣревался посвятить его царю или царевичу (Письма Л. Б., стр. 52). Затѣмъ, 14-го Апрѣля 1669 г., Лазарь писалъ Іоанникію Галятовскому о своемъ намѣреніи отослать „Трубы" въ Москву для изданія (тамъ же, стр. 83); а въ Маѣ того же года онъ исполнилъ это и 15-го Мая писалъ патріарху Іоасафу, прося его напечатать его проповѣди въ Московской типографіи, на что государь, *по челобитью его,* уже далъ указъ (стр. 63). И такъ, стало быть, челобитная, напечатанная въ *Русскомъ Архивѣ*, подана не позже какъ въ первые мѣсяцы 1669 года. Дѣло печатанія однако замедлилось, но еще въ Январѣ 1670 г. Лазарь питалъ надежду, что книга его выдетъ въ свѣтъ въ Москвѣ (тамъ же, стр. 103 и 105). Почему предполагавшееся въ Москвѣ изданіе не состоялось—изъ дальнѣйшихъ писемъ не видно.

Кстати исправлю опечатку, вкравшуюся при изданіи челобитной. Въ помѣтѣ, которая сопровождаетъ ее,

напечатано:	а должно быть:
№ 130, № 156—157	№ 130, листы 156—157.

А. Майковъ.

Замѣтка къ стр. 423-й.

То что̀ напечатано на этой страницѣ о М. Ѳ. Орловѣ уже было помѣщено (и съ нѣкоторымъ добавленіемъ, стало быть по другому списку) Е. И. Якушкинымъ въ VI томѣ Русской Старины (1872), на стр. 602-й и затѣмъ опровергнуто письмомъ графа П. Х. Граббе къ Н. М. Орлову въ VII томѣ Русской Старины (1873), на стр. 374-й. — Вообще, Записка о тайныхъ обществахъ, составленная по слухамъ и подъ вліяніемъ одностороннихъ понятій и предубѣжденій, не можетъ имѣть значеніе точнаго историческаго показанія. Она важна лишь потому, что изъ нея мы видимъ, на чемъ именно могли основываться сужденія тогдашняго правительства о людяхъ, которыхъ оно считало для себя опасными. *П. Б.*

Замѣтка къ стр. 437-й.

Упоминаемый Николаемъ Бестужевымъ островъ Леонъ памятенъ въ исторіи вольнолюбивыхъ движеній тѣмъ, что на немъ дѣйствовалъ, во время борьбы Испанцевъ противъ Наполеона, извѣстный Ріего, сочинившій Испанскую конституцію. Островъ этотъ находится близъ Кадикса.

П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1875 ГОДА.

Д

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1875 ГОДА.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ

ВЪ

ПЕРВЫХЪ ШЕСТИ ТЕТРАДЯХЪ РУССКАГО АРХИВА 1874.

ВЫШЕДШИХЪ ОТДѢЛЬНОЮ КНИГОЮ.

ЦѢНА 4 РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Осмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина. Письмо *А. С. Пушкина* къ А. Н. Верстовскому (1830). Письмо *А. С. Пушкина* къ барону Дельвигу, съ новыми стихами А. С. Пушкина. Анекдотъ о Пушкинѣ (изъ Записокъ *П. М. Языкова*): Пушкинъ во время холеры. Поединокъ и кончина Пушкина на Итальянской сценѣ. Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ А. С. Пушкину 1825 года. Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ М. Н. Лонгинову (о Грибоѣдовѣ).

Изъ Старой Записной Книжки. Загряжская. Графъ Гудовичъ. Магницкій. Сперанскій. Его отношенія къ императору Александру Павловичу. Первыя судьбы Бирона. — Пальмштернъ. — Московскіе типы: Н. Д. Офросимова и ея сынъ, Сибилевъ. Театральная исторія 1830 года.— Анекдоты о князѣ А. С. Меншиковѣ, Давыдовѣ, Ермоловѣ.—Клочки разговоры, мимоходомъ схваченныхъ и пр.—Donna Sol.—Левъ Пушкинъ.—Арендтъ.—Разные анекдоты.

Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ ума. Статья *А. Н. Веселовскаго.* Любительскіе спектакли въ Москвѣ. Изъ воспоминаній бывшаго режиссера Московскаго театра *С. П. Соловьева.*

Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. 1778-й годъ. Записки *князя Ѳедора Николаевича Голицына.*—Записки *Хршонщевскаго* (1770—1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.* Письма *Дмитрія Сергѣевича Дохтурова* къ его супругѣ во время войнъ 1805 — 1813 годовъ. — Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу. — Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельскохозяйственной дѣятельности. Письма и приказы его въ Пензенскую деревню. Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристъ на Кавказѣ).—Серъ Джонъ Макниль.Изъ служебныхъ воспоминаній *Владиміра Сергѣевича Толстаго.* Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ (Дѣло на Черной) *Д. А. Столыпина.* Письмо *А. Х. Бенкендорфа* къ Н. А. Полевому касательно исторіи Петра Великаго.—Письмо къ издателю Русскаго Архива отъ *князя В. П. Васильчикова* (О Севастополѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ).

Изъ неизданныхъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго: отрывки, замѣтки, афоризмы, автобіографическіе наброски и пр. Обзоръ дѣятельности Русской печати за послѣднія 18 лѣтъ, *Д. И. Иловайскаго.* Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители).—Wahrheit und Dichtung, Статья *Д. Д. Голохвастова* по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ.—Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостнаго права, *Д. А. Столыпина* и пр.

При сей книгѣ гравированный на стали портретъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ
1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО *РУССКОЙ* ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составятъ въ 1876 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА

каждый съ особымъ указателемъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля* (*близъ церкви Св. Ѳеодора Студита*), *издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году (Содержаніе см. на оборотѣ).

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863 — 1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксина дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**